

ISSN 0869-544X (print)
ISSN 2949-3927 (online)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО ·

2024

· ВЕДЕНИЕ

SLAVIC STUDIES

НАУКА

— 1727 —

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт славяноведения РАН

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

3
2024

МАЙ •
ИЮНЬ •

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И.А. Седакова (гл. редактор), **А.С. Стыкалин** (отв. секретарь), **И.Е. Адельгейм**,
М.В. Белов, **О.В. Белова**, **М.М. Валенцова**, **Т.В. Володина** (Беларусь), **М. Гардзанити** (Италия),
А.Н. Галямичев, **А.А. Гиппиус**, **Хр. Дейкова** (Болгария), **М. Зеленка** (Чехия), **Е.Н. Ковтун**,
М.В. Лескинен, **К.В. Лифанов**, **Г.Ф. Матвеев**, **Л. Матейко**, **В.В. Мочалова**, **С.А. Мызников**,
К.В. Никифоров, **О.В. Павленко**, **В. Павлович** (Сербия), **В.Я. Петрухин**,
Р. Прешленова (Болгария), **М.А. Робинсон**, **Н.Н. Старикова**, **О.В. Хаванова**,
Э. Шашалми (Венгрия), **Е.И. Якушкина**.

Заведующая редакцией *Е.Ю. Нуйкина*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова, Т.Ю. Кравченко, И.Ю. Веслова*

*Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский проспект, д.32а
Телефон +7 (495) 938-01-20
E-mail: zhurslav@inslav.ru*

Рукописи принимаются в электронном виде объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (не менее 100 слов) и ключевыми словами (5–7 слов) на русском и английском языках. Подать заявку на публикацию статьи, а также ознакомиться с содержанием журнала можно по адресу: <https://ras.jes.su/slav>.

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <https://inslav.ru/page/pravila-publikacii-v-zhurnale-slavyanovedenie-information-authors>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, месте работы; номер Orcid, адрес электронной почты и контактный телефон.

© Российская академия наук, 2024
© Составление. Редакция журнала
«Славяноведение», 2024

Содержание

СТАТЬИ

<i>Бабоша И.А.</i> (Москва). Секретный комитет высшего политического надзора в России и польская эмиграция (1837–1839)	5
<i>Аншаков Ю.П.</i> (Самара). Волжане 35-й пехотной дивизии Рушукского отряда в Болгарии в русско-турецкую войну 1877–1878 годов	18
<i>Медоваров М.В.</i> (Нижний Новгород). Сербско-албанский конфликт 1913–1914 годов: восприятие в российской прессе	30
<i>Улуяни Ар.А.</i> (Москва). Балканы или Юго-Восточная Европа: новая концептуализация облика региона (конец XX – начало XXI века)	44
<i>Шапич Ю.Л.</i> (Москва) Сопоставительное описание лексических систем (на материале сербско-русского словаря)	60
<i>Завьялова М.В.</i> (Москва), <i>Балкуте Р.</i> (Вильнюс). К вопросу о переключении кодов в речи полилингвов на литовско-белорусском пограничье (по материалам этнографических экспедиций)	74

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ

<i>Мельчакова К.В.</i> (Москва). Фотографический альбом Боснии и Герцеговины П.П. Пятницкого (новые сведения)	92
<i>Назаров С.О.</i> (Москва). Доклад В.М. Турока-Попова на заседании Секции общественных наук Президиума АН СССР 1964 г. о задачах советского славяноведения	108

РЕЦЕНЗИИ

<i>Богомолов И.К.</i> Sarajevo-1914. Sparking the First World War	119
<i>Трёбст Ш.</i> Хованщина. Донесения шведских агентов, 1682–1683 гг.	124

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Лопатина Е.Б.</i> (Москва). Границы, регионы, идентичности в Центральной и Юго-Восточной Европе	127
<i>Дронов А.М.</i> Конференция «Свобода на все времена: вечные ценности в мире ограничений и запретов в Центральной Европе и сопредельных регионах XVIII–XX вв.»	136
<i>Копченова И.В.</i> Международная конференция «Концепт границы в славянской и еврейской культурной традиции»	140

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Slavic Studies

Slavic Studies

FOUNDED IN JANUARY 1965

PUBLISHED 6 TIMES A YEAR

MAY •

JUNE •

*Published under the Division of History and Philology
of the Russian Academy of Sciences*

THE EDITORIAL BOARD:

Irina A. Sedakova (editor-in-chief), **Aleksandr S. Stykalin** (executive secretary),
Irina E. Adelgeim, **Michael V. Belov**, **Olga V. Belova**, **Marina M. Valentsova**, **Tatiana V. Volodin** (Belarus),
Marcello Gardzaniti (Italy), **Aleksandr N. Galyamichev**, **Aleksey A. Gippius**, **Nikita S. Gusev**,
Hristina Deykova (Bulgaria), **Miloš Zelenka** (Czech Republic), **Elena N. Kovtun**,
Maria V. Leskonen, **Konstantin V. Lifanov**, **Gennady F. Matveev**, **L'ubor Matejko** (Slovakia),
Victoria Mochalova, **Sergey A. Myznikov**, **Konstantin V. Nikiforov**, **Olga V. Pavlenko**,
Vojislav Pavlović (Serbia), **Vladimir Ya. Petrukhin**, **Roumiana Preshlenova** (Bulgaria), **Mikhail Robinson**,
Nadezhda N. Starikova, **Boris N. Florya**, **Olga V. Khavanova**, **Endre Sashalmi** (Hungary)
Ekaterina I. Yakushkina

Head of the Editorial office: *E.Yu. Nuykina*

Copy Editors: *L.A. Avakova*, *T.Yu. Kravchenko*, *I.Yu. Veslova*

Address: 119334, Moscow, Leninsky Prospect, build. 32a

Phone: +7 (495) 938-01-20

E-mail: zhurslav@inslav.ru

Contents

ARTICLES

<i>Babosha I.A.</i> (Moscow). Secret Committee of High Political Surveillance in Russia and Polish Emigration (1837–1839).....	5
<i>Anshakov Yu.P.</i> (Samara). Residents of the Volga Region in the 35 th Infantry Division of the Ruschuk Detachment in Bulgaria During the Russian-Turkish War of 1877–1878.....	18
<i>Medovarov M.V.</i> (Nizhny Novgorod). Serbian-Albanian Conflict of 1913–1914: Perception in the Russian Press.....	30
<i>Ulunyan Ar.A.</i> (Moscow). The Balkans or South-Eastern Europe: A New Conceptualization of the Spatial and Political Image of the Region (Late 20 th – Early 21 st Century)	44
<i>Shapich Y.L.</i> (Moscow). Comparative Description of Lexical Systems (On the Material of the Serbian-Russian Dictionary).....	60
<i>Zavyalova M.V.</i> (Moscow), <i>Balkute R.</i> (Vilnius). On the Issue of Code Switching in the Speech of Multilinguals on the Lithuanian-Belarusian Borderland (Based on Field Materials)	74

FROM THE HISTORY OF SLAVIC STUDIES

<i>Melchakova K.V.</i> (Moscow). Photographic Album of Bosnia and Herzegovina by P.P. Pyatnitsky (New Information)	92
<i>Nazarov S.O.</i> (Moscow). Report of V.M. Turok-Popov at the 1964 Meeting of the Section of Social Sciences of the Presidium of the USSR Academy of Sciences on the Tasks of Soviet Slavic Studies	108

REVIEWS

<i>Bogomolov I.K.</i> Sarajevo-1914. Sparking the First World War.....	119
<i>Troebst St.</i> Khovanshchina. Doneseniia Shvedskikh Agentov, 1682–1683 gg.	124

SCHOLARLY LIFE

<i>Lopatina E.B.</i> (Moscow). Borders, Regions, and Identities in Central and South-Eastern Europe	127
<i>Dronov A.M.</i> Conference «Freedom for all Times: Eternal Values in the World of Restrictions and Prohibitions in Central Europe and Neighbouring Regions from the 18th to the 21th centuries»	136
<i>Kopchenova I.V.</i> International Conference «The Concept of Borders in Slavic and Jewish Cultural Traditions»	140

Секретный комитет высшего политического надзора в России и польская эмиграция (1837–1839)

© 2024 г. И.А. Бабоша

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

ivanbabosha@yandex.ru

Аннотация: В статье анализируется история создания и деятельность неизвестного в исторической литературе Секретного комитета высшего политического надзора (1837–1839 гг.) – российского межведомственного органа полицейского сыска эпохи Николая I. В научный оборот вводятся протоколы заседаний этого органа и межведомственная корреспонденция из ГА РФ (Ф. 109). Эти источники позволяют по-новому взглянуть на систему заграничного сыска Российской империи. Проблематика польской эмиграции освещается с точки зрения российской тайной полиции, работа которой недостаточно учитывалась в историографии национальных движений. Задачей комитета был надзор за польской эмиграцией, сформировавшейся после поражения Ноябрьского восстания 1830–1831 гг. в Царстве Польском. Заседания проводились под председательством А.Х. Бенкендорфа, главного начальника III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, с участием представителей военного министерства и МИД. Комитет вел переписку с заместителем Царства Польского И.Ф. Паскевичем, губернаторами приграничных провинций России, а также с властями Австрии и Пруссии. Анализ протоколов заседаний этого комитета позволяет сделать вывод о том, что данный орган выполнял исключительно совещательные и координационные функции. Деятельность комитета была попыткой создать единую межведомственную систему обмена агентурными сведениями о перемещениях польских эмиссаров и их диверсионных проектах.

Ключевые слова: политический сыск, польская эмиграция, царубийства, Царство Польское, Третье отделение, Министерство иностранных дел.

Ссылка для цитирования: *Бабоша И.А.* Секретный комитет высшего политического надзора в России и польская эмиграция (1837–1839)// *Славяноведение*. 2024. № 3. С. 5–17. DOI: 10.31857/S0869544X24030012, EDN: WZMWQE

Secret Committee of High Political Surveillance in Russia
and Polish Emigration (1837–1839)

© 2024. Ivan A. Babosha

Institute of Scientific Information for Social Sciences Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

ivanbabosha@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the history of the creation and the activities of the «Secret committee of high political surveillance» (1837–1839) – the Russian interdepartmental body of international policing in the era of tsar Nicholas I, which is unknown in the historical literature. The paper introduces the minutes of the sessions of this body and the interdepartmental correspondence attached to them from The State Archive of The Russian Federation (GARF). These sources expand on the Russian empire's system of international policing and highlight the Polish emigration's history from the viewpoint of the Russian secret police, which wasn't sufficiently covered in the historiography of the Polish national movement. The Committee examined intelligence on the Polish political emigration, which was formed after the failure of the November Uprising of 1830–1831 in Congress Poland. Alexander Benckendorf, the chief of the III Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery, was the chairman of this committee. The representatives of the War and Foreign Ministries took part in its meetings. The Committee corresponded with Congress Poland's viceroy Ivan Paskevich and with the governors of the border provinces of Russia, as well as with the Prussian and Austrian authorities. The analysis of the minutes from the sessions of this committee shows that this body was exclusively consultative. It was an attempt to create a unified interdepartmental system of intelligence exchange on the activities of the Polish emissaries.

Keywords: Secret police, foreign intelligence, transnational policing, spy ring, polish emigration, regicide, Congress Poland, The Third Section, Foreign ministry.

For citation: Ivan A. Babosha. Secret Committee of High Political Surveillance in Russia and Polish Emigration (1837–1839)// Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slayyanovedenie, 2024. No. 3. P. 5–17. DOI: 10.31857/S0869544X24030012, EDN: WZMWQE

В исторической литературе распространена точка зрения о том, что зарубежная агентурная сеть III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии (СЕИВК) была организована с целью надзора за польской политической эмиграцией, которая сформировалась после поражения Ноябрьского восстания 1830–1831 гг. в Царстве Польском (см., например: [Абакумов 2008, 8–9; Бибилов 2009, 282–287; Заиченко 2023, 33–45; Кухажевский 2018, 103–138; Оржеховский 1982, 69; Троцкий 1930, 59; Черкасов 2008, 173–175; Черкасов 2007, 56–62; Чукарев 2005, 579–580; Głębocki 2012, 293–305]). Это положение вполне справедливо. Однако необходимо подчеркнуть, что III отделение не монополизировало сферу политического сыска на польском направлении. Этой деятельностью занимались разные ведомства Российской империи. Сведения о польских эмигрантах Николай I зачастую получал непосредственно из личной переписки с И.Ф. Паскевичем, наместником Царства Польского [Кухажевский 2018, 201]¹.

О межведомственном характере надзора за «польскими выходцами» свидетельствует практически неизвестный в историографии источник – протоколы заседаний Секретного комитета высшего политического надзора (фр. *un Comité secret de*

¹ О структуре тайной полиции Царства Польского в эпоху наместничества И.Ф. Паскевича (1831–1856 гг.) см. подробнее: [Носов 2016, 134; Borkowski 2003, 217–242; Kulik 2019, 217–219, 244–246; Próchnik 1962, 47–104].

haute surveillance politique)², которые велись преимущественно на французском языке, широко используемом в российском делопроизводстве того времени. Источник представлен двумя архивными делами из Ф. 109 ГА РФ, которые при этом хранятся в разных описях (опись 1-й экспедиции за 1837 г. и опись 2а). Первое дело содержит записи с 21 декабря 1837 г. по февраль-март 1838 г.³, а второе — с февраля-марта 1838 г. по 2 января 1839 г.⁴

Председателем этого органа стал главный начальник III отделения А.Х. Бенкендорф, непосредственное участие в его работе принимали сановники из российского МИД и военного министерства. Комитет поддерживал контакты с наместником Царства Польского И.Ф. Паскевичем, с некоторыми российскими губернаторами и руководителями зарубежных дипмиссий, а также с австрийским канцлером К. Меттернихом. Заседания проходили раз в неделю, в семь часов вечера на квартире у Бенкендорфа⁵. Помимо журналов заседаний в данных архивных делах есть справочные записки и фрагменты межведомственной корреспонденции. Документы первых двух типов составлялись только по-французски. Чиновничья переписка представлена как русскоязычными, так и франкоязычными сообщениями. Полноценная стенограмма собраний не велась. В протоколах заседаний перечислялись донесения членов комитета, а в самом конце указывались принятые резолюции. Некоторые из этих докладов приводились в кратком пересказе, в других случаях указывалась только тема сообщения.

В польской эмиграции существовало два главных течения — консервативное (или «аристократическое») и демократическое.

Консерваторы группировались вокруг князя Адама Чарторыйского (1770—1861). Это были сторонники конституционной монархии, выступавшие против радикальных аграрных преобразований и за сохранение крупной земельной собственности. Они ориентировались на поддержку западных правительств [Фалькович 2017, 15—19, 276; Zdrada, 1987, 50—67].

Демократы исповедовали революционно-республиканские взгляды. Они декларировали, что опираются не на руководство западных держав (как консерваторы), а на союз с другими европейскими народами под лозунгом «За вашу и нашу свободу!». В отличие от группировки Чарторыйского, у них не было единой организации и лидерства. Демократический лагерь постоянно раздирали идеологические противоречия.

«Умеренные» демократы во главе с историком Иоахимом Лелевелем (1786—1861) предлагали не создавать жесткую организационную структуру и строго очерченную политическую программу. По их мнению, это позволило бы объединить как можно большее число эмигрантов разных убеждений для борьбы за национальную независимость. С этой целью в декабре 1831 г. был организован Польский национальный комитет (ПНК) под председательством Лелевеля [Фалькович 2017, 20—21; Zdrada 1987, 16].

² В полной форме это название впервые появляется в письме Бенкендорфа Паскевичу 16 февраля 1838 г. (ГА РФ. Ф. 109. 1-я эксп. 1837 г. Д. 58. Ч. 7. Л. 16). Судя по источникам, унифицированное наименование этого комитета так и не сложилось. В документах его могли также называть «Комитетом высшего надзора» (с опущением слова «секретный» в начале) или «Комитетом высшей полиции». В рамках данной работы употребляется наиболее полный вариант названия — «Секретный комитет высшего политического надзора», если речь не идет о прямой цитате.

³ ГА РФ. Ф. 109. 1-я эксп. 1837 г. Д. 58. Ч. 7.

⁴ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 230.

⁵ ГА РФ. Ф. 109. 1-я эксп. 1837 г. Д. 58. Ч. 7. Л. 15. Письмо А.Х. Бенкендорфа А.А. Фонтону от 11 февраля 1838 г.

Однако более радикальные демократы были недовольны, что в программу ПНК составители не включили положения об уравнении крестьян в правах со шляхтой и наделении их земельной собственностью. Уже в марте 1832 г. они покинули комитет Лелевеля и основали Польское демократическое общество (ПДО) [Фалькович 2017, 23–35; Zdrada 1987, 34–38]. Но и ПДО также не избежало раскола: в октябре 1835 г. от него отделилась портсмутская секция (Громада Люда Польского «Грудзёнж», получившая название по местности, где польские солдаты-повстанцы сидели в прусской тюрьме), которая вовсе отрицала частную собственность на землю [Там же, 71–81; Ibid., 1987, 39–42].

В 1830-х годах главную роль в организации повстанческой борьбы на территории бывшей Речи Посполитой играли сторонники Лелевеля. Весной 1833 г. состоялась неудачная экспедиция Ю. Заливского [Там же, 2017, 37–40; Ibid., 1987, 23–24]. В 1835–1838 гг. в польских землях широко развернулась подпольно-агитационная деятельность под руководством Ш. Конарского [Там же, 2017, 58–61, 92–93; Ibid., 1987, 29–33]. Активность Конарского и его соратников вызывала особенное беспокойство у Секретного комитета высшего политического надзора. Важно при этом подчеркнуть, что в обнаруженных архивных материалах отсутствует какой-либо анализ идеологических различий между эмигрантскими группировками. По-видимому, полицию интересовали, прежде всего, конкретные угрозы со стороны эмигрантов, а не их политическая позиция.

В историографии польского национального движения подробно изучены идейно-политическая жизнь эмиграции и ее подпольная активность в польских землях, входивших в состав Российской империи, Пруссии и Австрии⁶. Однако при изучении этих проблем полицейские отчеты использовались лишь фрагментарно, в качестве дополнительного источника сверки фактов. Есть отдельные работы о деятельности некоторых царских агентов в среде политических изгнанников (см., например: [Кухажевский 2018, 79–309; Gerber 1973, 5–78; Marchlewicz 2020, 243–255]). Тем не менее отсутствует литература, в которой бы полноценно анализировалась организация российской заграничного сыска на польском направлении.

Цели данной статьи – выяснить обстоятельства создания секретного комитета, установить, каким образом он функционировал и какие направления деятельности польской эмиграции его интересовали.

Идею создания этого органа выдвинул министр иностранных дел и вице-канцлер Российской империи К.В. Нессельроде. В письме к А.Х. Бенкендорфу 21 декабря 1837 г. глава внешнеполитического ведомства вкратце изложил основные положения этого проекта. К письму была приложена записка Николаю I с более подробным описанием функций комитета, которая, со слов Нессельроде, была удостоена «Высочайшего утверждения» государя. Бенкендорфу, судя по посланию вице-канцлера, оставалось только реализовать проект на практике: «Во исполнение Монаршей воли, я спешу сообщить при сем упоминаемую записку Вашему Сиятельству, для зависящего от Вас, Милостивый Государь, в сообразность с оною распоряжения»⁷.

Записка вице-канцлера называлась «О необходимости упорядочить и усилить нашу систему надзора в связи с происками польской эмиграции» (фр. «*De la nécessité de régulariser et renforcer notre système de surveillance à l'égard des menées de l'émigration polonaise*»). Мысль о написании этого документа возникла у него после

⁶ Библиографию о «Великой эмиграции» см.: [Фалькович 2017; Zdrada 1987].

⁷ ГА РФ. Ф. 109. 1-я эксп. 1837 г. Д. 58. Ч. 7. Л. 2. Послание Нессельроде было написано по-русски, а сопроводительная записка к нему – по-французски.

прочтения депеши австрийского министра иностранных дел К. Меттерниха, написанную 7 декабря 1837 г. Агенты Меттерниха из Парижа, Лондона и Брюсселя отмечали увеличение активности польской эмиграции с целью вызвать «новые волнения» в Царстве Польском и соседних провинциях. Вердикт Нессельроде по поводу этого сообщения был таков: «Осторожность советует нам, таким образом, усилить надзор с нашей стороны по мере того, как наши противники усиливают свою активность»⁸.

Ключевым недостатком существующей системы зарубежного сыска Нессельроде считал отсутствие «единства». Вице-канцлер, как следует из документов, имел в виду, что этой системе не хватало руководящего органа, который бы координировал работу МИД, III отделения и тайной полиции Царства Польского. Взаимодействие этих ведомств сводилось к тому, что российские диппредставительства отправляли донесения Бенкендорфу и наместнику Царства Польского. Отсутствие межведомственного координационного центра не позволяло эффективно проверять достоверность присылаемой из-за рубежа информации и вести контроль за действиями агентов. МИД был не в состоянии самостоятельно отслеживать активность польских эмигрантов непосредственно на территории самой России⁹.

Нессельроде пришел к выводу, что необходимо создать «центр действий», в который бы стекались все сведения из-за рубежа, находившиеся в сфере интересов высшей полиции, и который бы направлял агентам указания по надзору за «тайными путями сообщения» польских эмигрантов. Во главе органа обязательно должен был стоять «верховный руководитель высшей полиции в Санкт-Петербурге» (т.е. шеф III отделения, Бенкендорф), а в его состав войти начальник канцелярии III отделения в подчинении Бенкендорфа, «доверенный служащий» МИД, а также «сотрудник, которого выберет военное министерство»¹⁰.

Сформированному в таком составе Секретному комитету высшего надзора придавался ряд функций. Во-первых, сверять между собой сведения как из-за рубежа, так и изнутри страны, а также из Царства Польского. Во-вторых, направлять деятельность дипломатических миссий, снабжая их данными из России (чтобы они поставляли актуальную для российских органов власти информацию). В-третьих, вести статистику численности эмиграции и ее ресурсов, составлять поименные списки эмигрантов. И, наконец, «изо дня в день» следить за передвижениями главных «эмиссаров пропаганды», знать, под какими именами и под каким прикрытием они «плетут заговоры». Предполагалось, что входящие в комитет чиновники будут служить посредниками между «центром высшей полиции» и главами министерств¹¹.

Формирование комитета началось вскоре после появления упомянутой записки Нессельроде. Уже в письме 24 декабря Бенкендорф сообщил главе МИД, что от III отделения в комитет он назначил действительного статского советника Адама Сагтынского (1785–1866)¹². Этот выбор был очевиден. Сагтынский, происходивший из польской шляхты, хорошо знал польские дела и полицейский сыск. В 1819–1830 г. он служил в Главном штабе при вел. кн. Константине Павловиче, главнокомандующем армии Царства Польского. С 1834 г. работал в III отделении чиновником «по особым поручениям», фактически являясь руководителем заграничной агентуры ведомства [Черкасов 2007, 57]. В письме Паскевичу 16 февраля

⁸ Там же. Л. 3. Здесь и далее перевод на русский с французского оригинала.

⁹ Там же. Л. 4.

¹⁰ Там же. Л. 5–6.

¹¹ Там же. Л. 6–7.

¹² Там же. Л. 10.

1838 г. Бенкендорф сообщил, что Сагтынскому поручили вести протокол заседания Секретного комитета высшего политического надзора¹³.

Другие кадровые решения не заставили себя долго ждать. Военный министр А.И. Чернышев уведомил Бенкендорфа в послании 25 декабря, что членом комитета от военного министерства будет статс-секретарь директор канцелярии Максим Максимович Брискорн (1788–1872)¹⁴. А.И. Чернышев занимался военной разведкой еще с наполеоновских войн. Он располагал агентами при российских посольствах, которые доставляли сведения о вооруженных силах различных стран [Иванов 2014, 144–151]. Большинство польских эмигрантов были профессиональными военными. Часть из них поступала на службу в иностранные армии¹⁵, а для организации повстанческих экспедиций эмиграция нуждалась в поставках вооружения¹⁶. Логично, что военное министерство могло отслеживать каналы этих поставок и обладало данными о послужном списке польских военных.

Представителем от МИД стал тайный советник Антон Антонович Фонтон (1780–1864)¹⁷, выходец из династии французских драгоманов (переводчиков с восточных языков), перешедших на русскую службу [Кудрявцева 2019, 48–49]. Он являлся неременным членом Совета Министерства иностранных дел – высшего руководящего подразделения ведомства [Там же, 30].

Итак, в комитет вошли высокопоставленные чиновники разных министерств. Межведомственный характер этой структуры свидетельствует о том, что проблема польской эмиграции была поставлена на особый контроль.

Создание подобных органов являлось стандартной практикой для российского самодержавия. При Александре I в 1807 г. был учрежден Комитет охранения общей безопасности, призванный возглавить политический сыск в стране, «предупреждать пагубные замыслы внешних врагов государства» и «предписывать порядок следствий и наблюдать за производством оных» [Оржеховский 1982, 11–12]. В николаевскую эпоху создавались межведомственные комитеты, занимавшиеся проблемами определенных регионов (например, Особые комитеты по китайским и японским делам и т.д.) [Кудрявцева 2019, 55–56]. Уникальной чертой именно этого комитета была направленность на борьбу с революционной и повстанческой деятельностью польской эмиграции, общая численность которой к 1839 г. составляла до восьми тысяч человек [Zdrada 1987, 11] и которая действовала как внутри страны, так и за ее пределами. Фактически в документах комитета отражена активность только демократического крыла эмиграции, а не всего движения в целом. Польские политические эмигранты являлись врагами самодержавия независимо от своей политической позиции, поэтому, судя по всему, комитет не посчитал нужным акцентировать внимание на том, что фигурировавших в донесениях эмиссаров отправляли в Россию именно демократические группировки.

В тот период с аналогичным вызовом сталкивались и другие европейские державы. Например, в 1833 г. под крылом Меттерниха для надзора за немецким, венгерским, польским и итальянским революционными движениями было создано Информационное бюро в г. Майнц во главе с К. Ноэ [Рахшмир 2005, 274–276; Aliprantis 2023, 20–35]. Префектура парижской полиции в правление Луи-Филиппа

¹³ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 230. Л. 4.

¹⁴ ГА РФ. Ф. 109. 1-я эксп. 1837 г. Д. 58. Ч. 7. Л. 12.

¹⁵ Литературу и новейшие данные о военно-дипломатических проектах польской эмиграции см.: [Pezda 2016, 65–74].

¹⁶ Поставками вооружения для польского национального движения занималась, например, купеческая семья Бохенек из Вольного города Кракова. См.: [Żurawski vel Grajewski R. 2018, 57, 78].

¹⁷ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 230. Л. 5.

Орлеанского боролась с влиятельной республиканской оппозицией, которая в противостоянии с правительством использовала политических изгнанников из многих европейских стран, включая поляков [Кухажевский 2018, 132–138].

В письме Бенкендорфа Паскевичу 16 февраля 1838 г. содержалась также справочная записка с примечательной характеристикой французской политики в отношении польского движения. Наиболее беспокойных эмигрантов экстрадировали из Франции, других — распределяли по территории страны и помещали под частичный надзор полиции. Кроме того, правительство уменьшило размер выдаваемых им денежных пособий. Любопытно отметить, что все эти меры, согласно записке, принимались для сдерживания подрывной активности эмигрантов только в отношении Франции. Ничего не делалось, чтобы препятствовать их деятельности против других держав¹⁸.

Таким образом, в ту эпоху польское национальное движение наряду с другими национально-революционными движениями было трансграничным явлением, фактором внутренней и внешней политики ряда европейских государств. Массу политических беженцев как опасную стихию, не могла (а зачастую и не хотела) полностью контролировать ни одна из держав. Власти Российской империи осознавали, что для противодействия этой угрозе необходима скоординированная работа всего государственного аппарата, а не отдельного учреждения.

Основное внимание Секретный комитет высшего политического надзора уделял замышлявшимся среди польской эмиграции планам царубийства. Формат межведомственного совещания позволял сверять данные из разных источников и оперативно принимать необходимые меры предосторожности. Так, например, на втором заседании комитета 21 февраля 1838 г. Фонтон представил две депеши российских миссий в Париже и Дрездене, согласно которым польский эмиссар Адольф Залеский (фр. *Adolphe Zaleski*, польск. *Adolf Zaleski*) выехал из Парижа в Россию с целью покушения на Николая I. Дрезденское диппредставительство уведомило об этом прусскую полицию и Паскевича. Тем не менее комитет, опасаясь, что Залеский может ускользнуть от полиции Пруссии и Царства Польского, решил переслать эти сведения литовскому генерал-губернатору и генерал-губернатору остзейских провинций (по совместительству рижскому военному губернатору)¹⁹.

На заседание 28 февраля поступили уже уточненные сведения дрезденской миссии о предполагаемом маршруте Залеского. Эмиссар хотел проникнуть в Россию через территорию Австрии и Молдавии. Поэтому комитет постановил теперь предупредить одесского и киевского генерал-губернаторов²⁰.

7 марта Фонтон представил депешу российского посла во Франции П.П. Палена, благодаря которой были установлены сразу несколько важных деталей. «Новые откровения» некоего Зенона Вишневого (фр. *Zenon Wiszniewski*, польск. *Wiśniewski*)²¹ подтвердили информацию об отъезде Залеского из Парижа с поручением убить Николая I. Предполагаемый царубийца должен был ехать под именем «Жан Гика» (фр. *Jean Ghica*). Кроме того, с аналогичной миссией из Лондона выехал другой польский эмигрант — Сперчиньский (фр. *Sperczyński*, польск. *Sperczyński*). Также было отмечено, что эмиссары Конарский (фр. и польск. *Konarski*) и Шемиот (фр. *Szemioth*, польск. *Szemiot*) «продолжают пребывать то в России, то в Польше». Наконец, обращалось внимание на то, что предводитель

¹⁸ ГА РФ. Ф. 109. 1-я эксп. 1837 г. Д. 58. Ч. 7. Л. 18.

¹⁹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 230. Л. 6.

²⁰ Там же. Л. 9.

²¹ Здесь и далее приведены французские варианты написания польских имен из источника. Если они не совпадают с оригинальным польским написанием, рядом приводятся польские формы.

виленского дворянства Шумский (фр. и польск. *Szumski*) поддерживает контакты с польскими эмигрантами²².

Перечисленные выше личности неслучайно упомянуты в рамках одного донесения. Ш. Конарский руководил революционной организацией «Содружество польского народа», созданной им в 1835 г. совместно с братьями Адольфом (1810–1853) и Леоном Залескими (ок. 1810–1841) [Łopuszański 1973, XIII]. Адам Сперчиньский тоже входил в круг соратников Конарского [Łukasiewicz 1948, 109].

Примечательно, что фамилия «Гика», под которой собирался путешествовать Адольф Залеский, принадлежала известному валашко-молдавскому боярскому роду. Под французским именем «Жан» вероятно подразумевался его румынский эквивалент «Ион». В 1830–1840-х годах польские эмигранты активно сотрудничали с некоторыми деятелями Дунайских княжеств. Между прочим, именно в то время жил и настоящий Ион Гика (1816–1897) – обучившийся во Франции революционер, будущий премьер-министр Румынии²³. Возможно, и у самого Залеского имелись контакты в румынской среде. Недаром в предыдущем донесении указывалось, что эмиссар будет пробираться в Россию через Молдавию. Заговорщик мог использовать этот псевдоним, чтобы притвориться возвращающимся из-за границы местным жителем и, не вызывая подозрений, пересечь границу.

Упомянутый Зенон Вишневский, скорее всего, также был выходцем из революционно-демократического лагеря польской эмиграции. На начало апреля 1836 г. человек с таким именем и фамилией состоял в секции «Батиньоль» (по названию одноименного квартала Парижа) Польского демократического общества [Рас 1936, 144]. Из депеши Палена остается неясным, служил ли Вишневский полицейским осведомителем или же он просто проговорился в присутствии какого-нибудь агента.

Наконец, предводитель дворянства Виленской губернии и участник восстания 1830–1831 гг. Станислав Шумский (1790–1871) не только поддерживал контакты с эмигрантами, но и сам являлся участником заговора Конарского и даже оставил воспоминания о своем повстанческом опыте [Szostakowski 1981, 249].

Активность Конарского и его союзников обратила внимание российского правительства еще задолго до 1838 г. С декабря 1835 г. эмиссар развернул широкую подпольно-агитационную деятельность в западных губерниях Российской империи. Уже с начала 1836 г. царские власти получали сообщения о пребывании этого конспиратора на российской территории и вели его розыск [Łopuszański 1973, XV–XVI].

Пример деятельности «Содружества польского народа» продемонстрировал проблему, о которой писал Нессельроде в записке. Надзор за предполагаемым маршрутом всего лишь одного польского эмиссара требовал внимания сразу нескольких акторов. Вне границ империи этим занимались зарубежные посольства, которые время от времени координировали свои действия с властями Австрии и Пруссии. В пограничных губерниях России необходимо было содействие местных властей. Наконец, очевидно, что о ходе наблюдений должно было знать III отделение как центральный орган тайной полиции. Выпадение хотя бы одного звена из этой цепочки могло означать, что деятельность опасных заговорщиков останется незамеченной.

Кроме того, важно учитывать небольшую по современным меркам скорость коммуникаций во второй четверти XIX в. Например, курьерские почтовые

²² Там же. Л. 10.

²³ Подробнее о польско-румынских связях в этот период см.: [Cosma 2019, 111–140].

сообщения шли из Европы в Россию около двух недель [Кудрявцева 2019, 230]. Польским офицерам, которые в декабре 1831 г. отправлялись в эмиграцию, потребовалось около 50 дней, чтобы от границ Восточной Пруссии добраться до французского Страсбурга [Zdrada 1987, 5]. К этому надо добавить непредвиденные задержки в пути, возможность получения противоречивой информации и риск натолкнуться на «ложный след». Поэтому решение проводить заседания комитета раз в неделю представляется логичным шагом для оперативного реагирования на регулярно поступающие данные.

Дальнейшая история наблюдений за перемещениями Залеского раскрывает сложности организации подобного рода надзора. На заседание 28 марта поступила депеша русского посланника в Пруссии А.И. Рибопьера, согласно которой местные власти на пути из г. Эрфурта в Саксонию по ошибке задержали однофамильца эмиссара — Яна Залеского²⁴. Им оказался варшавский купец, который возвращался из Парижа. Проведя допрос негоцианта, прусские следователи сочли его «неопасным». Кроме того, коммерсант (Ян Залеский), еще находясь во французской столице, слышал, что революционер (Адольф Залеский) отправился в Галицию, «где все еще должен пребывать». Комитет заключил, что было бы полезно сообщить эти сведения австрийскому правительству²⁵.

Через две недели (11 апреля) вместе с депешей русского посла в Вене Д.П. Татищева пришел ответ от Меттерниха. Австрийский канцлер предположил, что опасный эмиссар уже некоторое время мог находиться в Галиции и даже оказаться среди недавно арестованных за «политические махинации»²⁶. Татищев по предложению Меттерниха выслал генерал-адъютанту Шипову письмо с просьбой отправить кого-нибудь лично знающего Залеского из Варшавы во Львов, чтобы установить, действительно ли он находился среди задержанных австрийскими властями²⁷.

Генерал-адъютант Сергей Павлович Шипов (1790—1876) на тот момент входил в Административный совет Царства Польского и занимал пост председателя правительственной комиссии внутренних, духовных дел и народного просвещения [Kulik 2019, 231—232]. Кроме того, Царство Польское граничило с австрийской Галицией. Опыт Шипова в польских делах и возможность быстро добраться до пункта назначения делали его подходящей кандидатурой для подобных поручений, не говоря уже о периоде 1839—1840 гг., когда его назначили военным губернатором Варшавы — по сути первым заместителем наместника Царства Польского, который руководил военной администрацией, следственными комиссиями и местной тайной полицией [Ibid., 185—186].

На следующем заседании 18 апреля ситуация с Залеским так и не прояснилась. Рибопьер прислал сообщение от прусского министра внутренних дел и полиции Густава фон Рохова (1792—1847), полностью повторявшее полученные неделей ранее сведения Меттерниха. Рохов тоже располагал данными, что Залеский мог оказаться среди задержанных в Галиции²⁸. В свою очередь, судьба послания Татищева Шипову по-прежнему оставалась неизвестной. Комитет не придумал ничего лучше, чем отправить запрос начальнику Шипова Паскевичу с целью узнать, была ли удовлетворена просьба Татищева²⁹.

²⁴ В протоколе заседания он обозначен как «Жан» (фр. *Jean*).

²⁵ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 230. Л. 16.

²⁶ Там же. Л. 18—19.

²⁷ Там же. Л. 19.

²⁸ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 230. Л. 20.

²⁹ Там же. Л. 21.

На этом моменте протоколы заседаний комитета, а вместе с ними и история Адольфа Залеского в 1838 г. обрываются. Тем не менее, судя по дальнейшим событиям, ни одна из сторон этого противостояния не сумела достичь целей. Царский сыск не смог поймать Залеского, а польскому революционеру не удалось совершить покушение на Николая I. Уже в отчете III отделения за 1839 г. передавалась депеша Палена из Парижа, согласно которой одни из лидеров демократического лагеря эмиграции ген. Ю. Дверницкий и историк И. Лелевель отправили в Польшу очередную группу эмиссаров. Среди них упоминался Адольф Залеский³⁰. Судя по всему, поскольку польскому заговорщику не получилось добраться до пункта назначения в 1838 г., он решил повторить попытку в следующем году.

Последняя запись в данном архивном деле датируется 2 января 1839 г. Сообщается, что работа комитета завершилась в конце апреля 1838 г. в связи с долгим отсутствием его членов. Бенкендорф пребывал в длительных заграничных поездках, а Сагтынский его сопровождал. Фонтон получил полугодичный отпуск. О Брискорне ничего не говорилось³¹.

Кроме того, там же было обращено внимание на два важных события, которые произошли в этот восьмимесячный интервал. Во-первых, в мае 1838 г. произошел арест Конарского близ Вильно. Во-вторых, был установлен «постоянный надзор в Париже, благодаря которому правительство стало получать точные сведения об интригах и предприятиях польских эмигрантов»³².

Трудно однозначно определить, что конкретно подразумевалось под «постоянным надзором». В сообщении отсутствовали какие-либо дополнительные комментарии. Не ясно, в каком формате продолжил существование «Секретный комитет высшего политического надзора» (и существовал ли он в последующее время). В любом случае, опыт межведомственной кооперации в сфере политического сыска не прошел даром. Об этом могут свидетельствовать некоторые косвенные наблюдения.

Начиная с 1839 г. характер освещения польских сюжетов в ежегодных отчетах III отделения (опубликованных в 2006 г.) значительно изменился. Если в донесениях 1832–1838 гг. польская эмиграция характеризовалась общими фразами без конкретных сведений³³, то с 1839 г. появились полноценные информационные сводки с указанием разных источников.

Так, например, в отчете 1839 г. кратко изложены донесения агентов Бакье и Дюрана, депешы послов Палена и Тагищева из Парижа и Вены, сообщения посланника в Штутгарте барона Ф.И. Бруннова (1797–1875), вице-канцлера Нессельроде, наместника Царства Польского Паскевича, виленского генерал-губернатора Н.А. Долгорукова (1792–1847) и австрийского канцлера Меттерниха³⁴. По содержанию и объему выжимки из этих донесений напоминают рассмотренные выше протокольные записи комитета. Таким образом, к 1839 г. III отделение, в том числе благодаря работе комитета, научилось сводить воедино данные о польской эмиграции из разных агентурных источников.

Подводя итог, отмечу, во-первых, что Секретный комитет высшего политического надзора не являлся полноценным государственным учреждением. Это была совещательная площадка, в рамках которой представители разных ведомств делились сведениями по вопросам заграничного политического сыска. Структура

³⁰ Россия под надзором, 196.

³¹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 230. Л. 22.

³² Там же.

³³ Россия под надзором, 90, 103, 120, 131, 164, 183.

³⁴ Там же, 194–197.

российского полицейского надзора по-прежнему представляла собой совокупность отдельных военно-административных и дипломатических органов. На базе III отделения была создана не централизованная служба внешней разведки, сосредоточившая все руководство заграничной агентурой, как отмечали некоторые исследователи [Заиченко 2023, 33–45; Оржеховский 1982, 69; Троицкий 1930, 59; Черкасов 2008, 173–175; Черкасов 2007, 56–62], а скорее межведомственная и межгосударственная система обмена агентурными данными.

Во-вторых, комитет интересовали, прежде всего, данные о перемещениях польских эмиссаров и конкретных диверсиях, включая планы царевубийств. В протоколах отсутствует анализ идеологического противостояния между разными группировками эмиграции. Нет упоминаний об организации каких-либо провокаций с целью вызвать раскол среди польских революционеров или усилить уже имеющиеся противоречия. Таких операций исключать нельзя, но они явно не были постоянным элементом российского заграничного надзора той эпохи.

Наконец, протоколы заседаний комитета демонстрируют, что в 1830-х годах главным объектом российского заграничного полицейского сыска являлась польская эмиграция. На тот момент это было единственное относительно массовое и организованное политическое движение российских подданных, которое могло представлять угрозу для самодержавия.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации
МИД – Министерство иностранных дел
ПДО – Польское демократическое общество (польск. TDP – Towarzystwo Demokratyczne Polskie)
ПНК – Польский национальный комитет (польск. KNP – Komitet Narodowy Polski)

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

ГА РФ. Ф. 109. 1-я эксп. 1837 г. Д. 58. Ч. 7.
ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 230.
Россия под надзором. Отчеты III отделения 1827–1869. Сборник документов / сост. М.В. Сидорова и Е.И. Щербакова. М.: «Рос. фонд культуры»: «Российский Архив», 2006. 706 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абакумов О.Ю. «...Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы». Из истории борьбы III отделения с европейским влиянием в России (1830-е – начало 1860-х гг.). Саратов: Научная книга, 2008. 214 с.
Бибиков Г.Н. А.Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М.: Три квадрата, 2009. 424 с.
Заиченко О.В. «Русский шпион» Швейцер: попытка реконструкции биографии. Агент Высшей военно-секретной полиции в Варшаве (1819–1831) // Новая и новейшая история. 2023. № 1. С. 33–45.
Иванов О.К. «Корреспонденты» А.И. Чернышева // История российской внешней разведки: Очерки: в 6 т. М.: Международные отношения, 2014. Т. 1. От древнейших времен до 1917 года / под ред. Е.М. Примакова. С. 144–151.
Кудрявцева Е.П. Министерство иностранных дел России во второй четверти XIX века. М.: МГИМО-Университет, 2019. 590 с.
Кухажевский Я. От белого до красного царизма. М.: Издатель Степаненко, 2018. Т. 3. Годы перелома. Романов, Пугачев или Пестель: Ч. 2. III отделение / пер. с польск. Ю.А. Борисёнка. 500 с.
Носов Б.В. Политика царского правительства в Королевстве Польском времени наместничества И.Ф. Паскевича // Меж двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30–50-е годы XIX в. М.: Индрик, 2016. С. 89–199.
Оржеховский И.В. Самодержавие против революционной России. М.: Мысль, 1982. 207 с.
Рахмиров П.Ю. Князь Меттерних. Пермь: Издательство Пермского университета, 2005. 405 с.
Троицкий И.М. III отделение при Николае I. М.: Издательство Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1930. 139 с.

- Фалькович С.М. Польская политическая эмиграция в общественно-политической жизни Европы 30–60-х годов XIX века. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. 320 с.
- Черкасов П.П. Третий человек в III отделении. Адам Сагтынский – первый шеф российской внешней разведки // Родина. 2007. № 9. С. 56–62.
- Черкасов П.П. Русский агент во Франции. Яков Николаевич Толстой (1791–1867 гг.). М.: Т-во научных изданий КМК, 2008. 453 с.
- Чукарев А.Г. Тайная полиция России: 1825–1855 гг. М.; Жуковский: Кучково поле, 2005. 704 с.
- Aliprantis C. The Austrian Political Police Abroad in the Age of Revolutions, 1830–1867: A Microhistorical Approach // *Central Europe*. London: Routledge, 2023. Vol. 21. Iss. 1. P. 20–35.
- Borkowski J. Andriej Storożenko – «Wrażenia»: (fragmenty dziennika z lat 1844–1845) // *Niepodległość i Pamięć*. Warszawa, 2003. № 1. S. 217–242.
- Cosma E. Diplomatic and military agents of the Polish Emigration in the Romanian principalities (1833–1849) // *Istrazivanja. Journal of Historical Researches*. Novi Sad: University of Novi Sad, Faculty of Philosophy, 2019. № 30. P. 111–140.
- Gerber R. Z dziejów prowokacji wśród emigracji polskiej w XIX wieku // Potocki A. Raporty szpiega. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1973. T. 1. S. 5–78.
- Głębocki H. «Diabeł Asmodeusz» i kraj przyszłości. Hr. Adam Gurowski i Rosja. Kraków: Arcana, 2012. 812 s.
- Kulik M. Armia rosyjska w Królestwie Polskim w latach 1815–1856. Warszawa: Instytut historii PAN, 2019. 373 s.
- Łopuszański B., Smirnow A. Wstęp // Konarski S. Dziennik z lat 1831–1834. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1973. S. V–XXIV.
- Łukasiewicz W. Szymon Konarski. Warszawa: Książka, 1948. 234 s.
- Marchlewicz K. Między winą a pomówieniem. Emigracyjna afera szpiegowska z 1838 r. // *Przegląd Historyczny*. 2020. T. CXI. № 2. S. 243–255.
- Pac L. Konfederacja Narodu Polskiego: z dziejów Wielkiej Emigracji: część II // *Przegląd Historyczny*. 1936. T. 33. № 1. S. 89–175.
- Pezda J. Emigracyjne gry dyplomatyczne // *Polacy i świat, kultura i zmiana: studia historyczne i antropologiczne ofiarowane profesor Halinie Florkowskiej-Frančić*. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2016. S. 65–74.
- Próchniak A. Żandarmeria na ziemiach Królestwa Polskiego. Szkic historyczno-organizacyjny (1812–1915) // *Studia i szkice (1864–1918)*. Warszawa: Książka i Wiedza, 1962. S. 47–104.
- Szostakowski S. Emisariusze polscy w Prusach Wschodnich (1833–1841) // *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*. Olsztyn: Ośrodek Badań Naukowych im. Wojciecha Kętrzyńskiego, 1981. № 2–4. S. 245–258.
- Zdrada J. Wielka Emigracja po Powstaniu Listopadowym. Warszawa: Prasa-Książka-Ruch, 1987. 80 s.
- Żurawski vel Grajewski R. Ostatnie polskie miasto. Rzeczpospolita Krakowska w «dyplomacji» Hotelu Lambert wobec Wielkiej Brytanii (1831–1845). Kraków; Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2018. 400 s.
- Рукопись поступила в редакцию 06.09.2023
 Рукопись принята к печати 27.09.2023

REFERENCES

- Abakumov O.YU. «...*Chbot npravstvennaya zaraza ne pronikla v nashi predely*». *Iz istorii bor'by III otdeleniya s evropejskim vliyaniem v Rossii (1830-e – nachalo 1860-h gg.)*. Saratov, Nauchnaya kniga Publ., 2008, 214 p. (In Russ.)
- Aliprantis C. The Austrian Political Police Abroad in the Age of Revolutions, 1830–1867: A Microhistorical Approach, *Central Europe*, London, Routledge Publ., 2023, vol. 21, no. 1, pp. 20–35.
- Bibikov G.N. A.H. *Benkendorf i politika imperatora Nikolaya I*. Moscow, Tri kvadrata Publ., 2009, 424 p. (In Russ.)
- Borkowski J. Andriej Storożenko – «Wrażenia»: (fragmenty dziennika z lat 1844–1845), *Niepodległość i Pamięć*, Warszawa, 2003, no. 1, pp. 217–242.
- Cherkasov P.P. Tretij chelovek v III otdelenii. Adam Sagtynskij – pervyj shef rossijskoj vneshej razvedki, *Rodina*, 2007, no. 9, pp. 56–62. (In Russ.)
- Cherkasov P.P. Russkij agent vo Francii. Yakov Nikolaevich Tolstoj (1791–1867 gg.). Moscow, T-vo nauchnyh izdanij KMK Publ., 2008, 453 p. (In Russ.)
- Chukarev A.G. *Tainaya policiya Rossii: 1825–1855 gg.* Moscow, Zhukovskij, Kuchkovo pole Publ., 2005, 704 p. (In Russ.)
- Cosma E. Diplomatic and military agents of the Polish Emigration in the Romanian principalities (1833–1849), *Istrazivanja. Journal of Historical Researches*, Novi Sad, University of Novi Sad, Faculty of Philosophy, 2019, no. 30, pp. 111–140.
- Fal'kovich S.M. *Pol'skaya politicheskaya emigraciya v obshchestvenno-politicheskoy zhizni Evropy 30–60-h godov XIX veka*. Moscow, St. Petersburg Nestor-Istoriya Publ., 2017, 320 p. (In Russ.)

- Gerber R. Z dziejów prowokacji wśród emigracji polskiej w XIX wieku, *Potocki A. Raporty szpiega*. Warszawa, Państwowy Instytut Wydawniczy Publ., 1973, t. 1, pp. 5–78.
- Głębocki H. «Diabeł Asmodeusz» i kraj przyszłości. Hr. Adam Gurowski i Rosja, Kraków, Arcana Publ., 2012, 812 p.
- Ivanov O.K. «Korrespondenty» A.I. Chernysheva. *Istoriya rossijskoj vneshnej razvedki: Ocherki: v 6 t.* Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2014, t. 1. *Ot drevnejshih vremen do 1917 goda*, eds. E.M. Primakov. pp. 144–151. (In Russ.)
- Kucharzewski J. *Ot belogo do krasnogo carizma*. Moscow, Izdatel' Stepanenko Publ., 2018, t. 3. *Gody pereloma. Romanov, Pugachev ili Pestel': Ch. 2. III otdelenie*. 500 p. (In Russ.)
- Kudryavceva E.P. *Ministerstvo inostrannyh del Rossii vo vtoroj chetverti XIX veka*. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2019, 590 p. (In Russ.)
- Kulik M. *Armia rosyjska w Królestwie Polskim w latach 1815–1856*, Warszawa, Instytut historii PAN Publ., 2019, 373 p.
- Łopuszański B., Smirnow A. Wstęp, *Konarski S. Dziennik z lat 1831–1834*. Wrocław, Zakład Narodowy im. Ossolińskich Publ., 1973, pp. V–XXIV.
- Łukasiewicz W. *Szymon Konarski*, Warszawa, Książka Publ., 1948, 234 p.
- Marchlewicz K. Między winą a pomówieniem. Emigracyjna afera szpiegowska z 1838 r., *Przegląd Historyczny*, 2020, t. CXI, no. 2, pp. 243–255.
- Nosov B.V. Politika carskogo pravitel'stva v Korolevstve Pol'skom vremeni namestnichestva I.F. Paskevicha. *Mezh dvuh vosstaniy. Korolevstvo Pol'skoe i Rossiya v 30–50-e gody XIX v.* Moscow, Indrik Publ., 2016, pp. 89–199. (In Russ.)
- Orzhekhovskij I.V. *Samoderzhavie protiv revolyucionnoj Rossii*. Moscow, Mysl' Publ., 1982, 207 p. (In Russ.)
- Pac L. Konfederacja Narodu Polskiego: z dziejów Wielkiej Emigracji: część II, *Przegląd Historyczny*, 1936, t. 33, no. 1, pp. 89–175.
- Pezda J. Emigracyjne gry dyplomatyczne, *Polacy i świat, kultura i zmiana: studia historyczne i antropologiczne ofiarowane profesor Halinie Florkowskiej-Frančić*, Kraków, Księgarnia Akademicka Publ., 2016, pp. 65–74.
- Próchnik A. Żandarmeria na ziemiach Królestwa Polskiego. Szkic historyczno-organizacyjny (1812–1915), *Studia i szkice (1864–1918)*, Warszawa, Książka i Wiedza Publ., 1962, pp. 47–104.
- Rahshmir P.YU. *Knyaz' Mettermich*. Perm', Izdatel'stvo Permskogo universiteta Publ., 2005, 405 p.
- Szostakowski S. Emisariusze polscy w Prusach Wschodnich (1833–1841), *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*, Olsztyn, Ośrodek Badań Naukowych im. Wojciecha Kętrzyńskiego Publ, 1981, no. 2–4, pp. 245–258.
- Trockij I.M. *III otdelenie pri Nikolae I.* Moscow, Izdatel'stvo Vsesoyuznogo Obshchestva politkatorzhan i ssyl'no poselencev Publ., 1930, 139 p. (In Russ.)
- Zaichenko O.V. «Russkij shpion» Shvejcer: popytka rekonstrukcii biografii. Agent Vyshej voenno-sekretnoj policii v Varshave (1819–1831). *Novaya i novejschaya istoriya*, 2023, no. 1, pp. 33–45. (In Russ.)
- Zdrada J. *Wielka Emigracja po Powstaniu Listopadowym*, Warszawa, Prasa-Książka-Ruch Publ., 1987, 80 p.
- Żurawski vel Grajewski R. *Ostatnie polskie miasto. Rzeczpospolita Krakowska w «dyplomacji» Hotelu Lambert wobec Wielkiej Brytanii (1831–1845)*, Kraków, Łódź, Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego Publ., 2018, 400 p.

Received on 06.09.2023

Accepted on 27.09.2023

Информация об авторе:

Бабоша Иван Александрович
Ведущий редактор
Фундаментальная библиотека
Институт научной информации
по общественным наукам
Российской академии наук
Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-2502-3906
E-mail: ivanbabosha@yandex.ru

Information about the authors:

Ivan A. Babosha
Leading editor
Fundamental Library of Institute of Scientific
Information of the Russian Academy of Sciences
for Social Sciences RAN
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-2502-3906
E-mail: ivanbabosha@yandex.ru

Славяноведение, 2024, № 3, с. 18–29

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, No. 3, pp. 18–29

DOI: 10.31857/S0869544X24030025, EDN: WZFSJO

Оригинальная статья / Original Article

Волжане 35-й пехотной дивизии Рушукского отряда в Болгарии в русско-турецкую войну 1877–1878 годов

© 2024 г. Ю.П. Аншаков

Самарский федеральный исследовательский центр Российской академии наук
(Самара, Российская Федерация)

yuri.anshakov@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются боевые действия верхневолжских полков 35-й пехотной дивизии в Болгарии в русско-турецкую войну 1877–1878 гг., входившей в состав Рушукского (Восточного) отряда. В советской и современной российской историографии действия Рушукского отряда и его воинских подразделений, за редким исключением, оставались вне сферы интересов исследователей, уделявших, главным образом, внимание основным событиям русско-турецкой войны. В статье анализируются ошибки и просчеты руководства Рушукского отряда, приведшие к поражениям в сражениях при Аясларе и Карахасанкиое, а также победоносные для русских войск бои у Чаиркиое и Мечки-Трестеника. Рассматриваются сложности во взаимоотношениях возглавлявшего Рушукский отряд великого князя Александра Александровича с руководством Дунайской армии в лице главнокомандующего Николая Николаевича (старшего) и штабом армии.

Ключевые слова: Рушукский отряд, четырехугольник крепостей, Езерджи, Аяслар, Карахасанкиой, Чаиркиой, Мечки-Трестеник.

Ссылка для цитирования: Аншаков Ю. П. Волжане 35-й пехотной дивизии Рушукского отряда в Болгарии в русско-турецкую войну 1877–1878 годов // *Славяноведение*. 2024. № 3. С. 18–29. DOI: 10.31857/S0869544X24030025, EDN: WZFSJO

Residents of the Volga Region in the 35th Infantry Division of the Ruschuk Detachment in Bulgaria During the Russian-Turkish War of 1877–1878

© 2024. Yuriy P. Anshakov

Samara Federal Research Center of Russian Academy of Sciences
(Samara, Russian Federation)

yuri.anshakov@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the combat operations of the regiments formed in the Upper Volga region as part of the 35th Infantry Division of the Ruschuk (Eastern) Detachment in Bulgaria during the Russian-Turkish war of 1877–1878. In Soviet and

contemporary Russian historiography, the actions of the Ruschuk Detachment and its military units, with rare exceptions, remained beyond the interest of researchers who focused their attention on the main events of the Russian-Turkish war. The author analyzes the mistakes and miscalculations of the leadership of the Rushchuk detachment, which led to defeats in the battles of Ayazlar and Kara-Khasan-Kioi, as well as the victories of the Russian troops at Chayir-Kioi and Mechka-Trastenik. Attention is drawn to the difficulties in the relationship between Grand Duke Alexander Alexandrovich, who led the Ruschuk detachment, and the leadership of the Danube Army in the person of Commander-in-Chief Nikolai Nikolaevich (senior) and the army headquarters.

Keywords: Ruschuk (Eastern) Detachment, tetragon of fortresses, Ezerche, Ayazlar, Kara-Khasan-Kioi, Chayir-Kioi, Mechka-Trastenik.

For citation: *Yury P. Anshakov. Residents of the Volga Region in the 35th Infantry Division of the Ruschuk Detachment in Bulgaria During the Russian-Turkish war of 1877–1878 // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie, 2024. No. 3. Pp. 18–29. DOI: 10.31857/S0869544X24030025, EDN: WZFSJO*

Расквартированная в верхневолжских Ярославской и Тверской губерниях 35-я пехотная дивизия включала 137-й Нежинский, 138-й Болховский, 139-й Моршанский и 140-й Зарайский пехотные полки. 12 апреля 1877 г.¹ Александр II в Кишиневе подписал манифест о войне России с Османской империей, и в тот же день русская армия вступила в пределы союзной Румынии². Продвигаясь по румынской территории, Болховский полк прибыл в г. Плоешты, где тогда размещалась Главная квартира (Ставка) Александра II³.

16 июня Болховский полк переправился через Дунай и остановился под Систо (совр. Свиштов), это первый болгарский город, освобожденный русскими войсками, здесь к нему присоединился 137-й Нежинский полк. Продвигаясь походным маршем, Болховский и Нежинский полки 23-го июня прибыли в д. Овчу-Могилу, где к ним присоединились 139-й Моршанский и 140-й Зарайский полки. И здесь в тот же день они получили приказ о формировании Рушукского отряда, куда влилась и 35-я пехотная дивизия, которой предстояло в Болгарии вступить в бои с турками.

Рушукский (с января 1878 г. – Восточный) отряд сначала возглавил великий князь, генерал от инфантерии, Александр Александрович (будущий император Александр III), а после пленения Османа-паши и падения Плевны (28 ноября 1877 г.) – герой обороны Севастополя в Крымскую войну и организатор блокады Плевны генерал-адъютант Э.И. Тотлебен. В состав отряда вошли XII и XIII армейские корпуса. XII корпусом командовал великий князь Владимир Александрович, младший брат наследника престола. XIII корпусом, куда входила и 35-я пехотная дивизия, командовал генерал-лейтенант А.Ф. Ган, а затем генерал-адъютант князь А.М. Дондуков-Корсаков.

В задачу Рушукского отряда входило обеспечение безопасности левого фланга Дунайской армии со стороны четырехугольника, образуемого турецкими крепостями Рушук (совр. Русе), Шумлы (совр. Шумен), Силистрия

---

¹ Датировка приводится по принятому в Российской империи юлианскому календарю.

² 4 апреля 1877 г. Россия и Румыния подписали две конвенции, военную и политическую. В конвенциях не говорилось о военном сотрудничестве, но фактически это был военный союз, поскольку Румыния стремилась сражаться за независимость, которую она и провозгласила 9 мая [История Балкан 2012, 286–287].

³ В этом полку служил рядовым вольноопределяющийся 5-й роты 2-го батальона, в дальнейшем известный писатель В.М. Гаршин.

(совр. Силистра) и Варна, а также защита подступов к занятым русскими войсками городам Беле (совр. Бяла) и Тырново. Общая численность турецких войск, расквартированных в этих крепостях, составляла 99,1 тыс. человек при 360 орудиях [История русской армии 2006, 644], из них более половины могли действовать вне их, как полевые войска. Первоначально роль Рушукского отряда, самого многочисленного по сравнению с Передовым и Западным, в наступательных действиях была велика. С построением железной дороги до Варны возросло и значение самого Рушука. Здесь размещались арсеналы и склады, а также дислоцировалась турецкая флотилия. Сама крепость была обустроена по последнему слову фортификационной науки, ее гарнизон насчитывал до 30 тыс. человек [Фролова 2022, 321]. Рушук в начале войны являлся ближайшей целью русских войск. 10 июля кавалерия Рушукского отряда произвела «общее наступательное движение» в сторону Рушука, и войскам было приказано «во исполнение намерений» главнокомандующего Дунайской армией Николая Николаевича (старшего) приступить «к обложению Рушука»⁴. Однако уже 12 июля последовало иное распоряжение: до разъяснения положения при Плевне прежнюю задачу по осаде Рушука следует отменить и в случае нападения турок приступить к оборонительным действиям⁵. Рушукский отряд насчитывал в августе 55 847 человек пехоты и кавалерии при 224 орудиях и занимал в июле – августе линию фронта протяженностью 55 верст между долинами рек Янтра, Лом и Кара-Лом (Черни Лом) [История русской армии 2006, 645; Фролова 2022, 321]⁶. Противостоящая Рушукскому отряду Восточнодунайская полевая армия была поделена на две армейские группы – превосходящую по численности пехоты и артиллерии Разградскую и Эски-Джумскую. Первоначально они вместе насчитывали 40,5 тыс. человек пехоты и кавалерии при 96 орудиях. Однако уже в десятых числах июля возглавлявший Восточнодунайскую армию мушир (фельдмаршал) Мехмед-Али-паша (принявший еще в юности ислам, онемеченный француз Карл Детруа) сумел увеличить войска до 59,5 тыс. человек при 144 орудиях. При этом их линия фронта составляла не более 25 верст [История русской армии 2006, 644–645; Фролова 2022, 321].

Проведя ряд разведывательных боев, Мехмед-Али-паша сосредоточил силы восточнее реки Кара-Лом, а 13 июля 1877 г. сильный турецкий отряд Разградской армии, возглавляемый Азис-пашой, появился вблизи расположенной по скатам оврага большой (350 дворов) турецко-болгарской деревни Езерджи (совр. Езерче), угрожая тем самым русским позициям под селом Костандец.

⁴ Журнал военных действий, 32–33.

⁵ Там же, 34–35. В начале августа цесаревич все же хотел начать осаду Рушука, но ему не позволили это сделать (Великий князь Сергей Александрович Романов, 92). Именно главнокомандующий «осудил цесаревича на вполне пассивную роль и, так сказать, не дает ему хода, даже и теперь, когда это было бы вполне сообразно с военным нашим положением. Когда я выразил цесаревичу сожаление, что не попал под его начальство с самого перехода через Дунай, как предполагалось, то он с меланхолической улыбкой заметил: “Да, это для Вас вышло лучше, потому что мы в течение целых 6 месяцев были осуждены на пассивную бездеятельность”», – отметил уже в конце декабря генерал-лейтенант П.Д. Зотов (Зотов 2001. С. 123). Однако за это можно упрекнуть не только Николая Николаевича, но и Александра II, так как распоряжения главнокомандующего утверждал император.

⁶ Великий князь Сергей Александрович Романов, делая запись в дневнике 25 августа, утверждал, что Рушукский отряд, его два корпуса, держат линию р. Лома протяженностью 80 верст. «Нашему отряду беспрестанно меняли назначение: сначала – держать линию на Янтре, потом – блокировать Рушук и, наконец, – держаться на Ломе; приказы и контрприказы, невозможно так!» (Великий князь Сергей Александрович Романов, 102). А.А. Керсновский считал, что в первой половине июля Рушукский отряд насчитывал 45 тыс. человек и занимал линию фронта в 50 верст [Керсновский 2013, 283].

Турецкий отряд состоял из трех пехотных полков при шести орудиях и шести сотен кавалерии. Он в три раза превосходил численность русских войск, занимавших оборонительные позиции [Михеев 1903, 82–83]. Здесь, под д. Езерджи, и приняли боевое крещение Болховский и Нежинский полки 35-й пехотной дивизии, прибывшие в Болгарию из Ярославской губернии. На военном совещании было принято решение, что при обнаружении противника его следует немедленно атаковать пехотой при поддержке кавалерии. В сражении при Езерджи участвовали: 11 рот 137-го Нежинского полка, шесть рот 138-го Болховского полка, 5-я батарея 35-й артиллерийской бригады и три эскадрона кавалерии гусар Ахтырского полка и донских казаков⁷.

Рано утром 14 июля на русские передовые посты у д. Костандец стали наступать турецкая кавалерия и пехота, а в полдень с турецких позиций у д. Езерджи открыла огонь турецкая артиллерия. Поначалу дело ограничилось стычкой казаков с турецкой кавалерией, после чего турки отступили. Прибывший в Костандец в 2 ч. дня генерал-адъютант, генерал от кавалерии И.И. Воронцов-Дашков, инициатор этой военной операции, командовавший всей кавалерией Руцукского отряда, возглавил действия против турок и приказал ротам Нежинского и Болховского полков вслед за кавалерией начать фронтальное наступление на Езерджи. Продвижению пехоты и кавалерии мешали пахотные земли, овраги, затруднявшие спуски и подъемы, а также густые заросли колючих кустов. В таких условиях шедшие впереди цепи солдат плохо видели друг друга и вынуждены были перекликаться между собой, чтобы не разойтись. Единственным для всех указателем направления стала турецкая батарея, на выстрелы которой продвигалась пехота [Скворцов 1896, 94]. В этих условиях офицеры не могли руководить действиями рот, и судьба сражения перешла в руки солдат, по которым турки вели сплошной огонь. В свою очередь русская конная артиллерия начала обстреливать Езерджи, хотя из-за дальности расстояния картечные гранаты не достигали цели. Болховцы и нежинцы шли почти без выстрелов в одиночку или малыми группами «опрокидывая штыками попадавшего на пути неприятеля» [Михеев 1903, 76]. С этого времени бой стал исключительно пехотным. Выйдя на окраину леса, роты стали группироваться для атаки, но неожиданно со стороны деревни на них двинулись «толпы черных турецких пехотинцев (арабы) и бегом по полюне бросились к лесу»⁸. Воодушевляемые Азисом-пашой, они три раза бросались в атаку, но каждый раз отступали, неся большие потери, и, наконец, «высказали намерение бросить позицию». Бесстрашно разъезжавший вдоль цепи Азис-паша старался остановить бегущих. «“Стреляй в генерала!” – слышалось у нас. И через несколько секунд храбрый паша упал с лошади тяжело раненный». Однако даже лежа на земле и увидев командира Нежинского полка Тинькова, Азис-паша «навел на него дуло револьвера». Спасая своего командира, рядовой этого полка Стратонов кинулся к паше и нанес ему смертельный удар штыком [Михеев 1903, 78–79]⁹. Убит был и другой турецкий военачальник Фезли-паша [Скворцов 1896, 95]. Нежинцы ворвались в деревню, и «началась работа штыком». Сады, канавы, улицы и дворы были завалены телами убитых турок¹⁰. В 8:30 вечера бой закончился, а ахтырские гусары стали преследовать отступающих турок, но из-за темноты прекратили погоню.

⁷ Сборник материалов по русско-турецкой войне, 13; Журнал военных действий, 37.

⁸ Военный сборник. 1880. № 12, 218.

⁹ Там же, 219. По другой версии Азис-паша был убит выстрелом рядового Дм. Егорова, впоследствии за это награжденного [Скворцов 1896, 95].

¹⁰ Военный сборник. 1880. № 12, 219.

Бой за Езерджи закончился победой русских полков, но все могло сложиться и иначе, причем практически сразу же. Поздним вечером, восстанавливая после боя порядок в ротах, командир нежинцев, полковник Тиньков, увидел на гребне высоты к юго-востоку от д. Езерджи силуэты густых колонн турецкой пехоты. Как потом полковник рассказывал капитану Н.А. фон-Фохту, тогда он счел себя погибшим, поскольку теперь ничто не мешало туркам обстрелять артиллерией Езерджи, а затем атаковать пехотой и «вырвать из рук наших столь дорого купленную победу»¹¹. Однако турки, вероятно, предполагая, что у русских есть еще в запасе значительные резервы (хотя они были минимальные), предпочли отступить в сторону Разграда. Общие потери русских войск составили 254 человека, из них убитыми два офицера, 79 рядовых, ранеными четыре офицера и 169 рядовых. Болховский полк потерял в этом бою 141 человека, из них убит 41 рядовой. Наибольшие потери понесла 2-я стрелковая рота этого полка – 52 человека, поскольку именно она была «в пекле неприятельского огня». Турецкие потери, а в бою участвовала в основном гвардия, составили убитыми 249 человек (эта цифра включает только тех, чьи тела были подобраны на поле боя), среди них был и Азис-паша, а также один английский офицер. 16 турок попали в плен [Михеев 1903, 81–82].

По поводу этого сражения великий князь Сергей Александрович отметил в дневнике: «Наши молодцы отогнали турок, один паша убит – Азис-паша и полковой командир», но тут же заметил, что начальник штаба Рушукского отряда П.С. Ванновский «не доволен этим делом, оно было совсем лишним, [это] трата людей»¹². Более того, «все недовольны аванпостным делом Воронцова»¹³, поскольку предписанная главнокомандующим Дунайской армией Николаем Николаевичем (старшим) тактика сугубо пассивной обороны фактически не позволяла вести наступательные действия.

После окончания боя кавалерийские части сводного отряда направились в Костандец, а пехота, взяв раненых и только часть погибших, вышла 15 июля в д. Соленик, где состоялась панихида по погибшим, а их тела преданы земле в двух братских могилах. В тот же день, 15 июля, XIII корпусу было велено закрепиться на линии Кара-Вербовка, Еренджик, Осиково, поэтому 1-я бригада 35-й дивизии 16 июля выдвинулась из Соленика в д. Кара-Вербовка¹⁴.

10 августа во время начала боев на Шипке великий князь Сергей Александрович, находившийся в Рушукском отряде при старшем брате, узнав об атаке турок в районе деревни Попкиой (сов. Попово), записал в дневнике: «Больно как-то, Попкиой у меня не выходит из головы. Господи, не оставь нас, помоги нам!»¹⁵ Однако молить Бога великому князю надо было не за и так хорошо укрепленную и обустроенную позицию вокруг Попкиоя, а за другую, маленькую, болгарскую деревушку Аяслар (совр. Светлен), поскольку вокруг нее в этот день начались напряженные бои, повлиявшие на дальнейшие действия Рушукского отряда. Первый удар 10 августа принял на себя малочисленный дежурный 2-й батальон 137-го Нежинского пехотного полка. Находясь на правом высоком берегу р. Кара-Лом, он был атакован восемью таборами (батальонами) турецких войск

¹¹ Там же, 220.

¹² Великий князь Сергей Александрович Романов, 81.

¹³ Там же, 85.

¹⁴ 17 августа 1877 г. отличившихся в бою при Есерджи при общем построении Болховского полка наградили Георгиевскими крестами. Среди награжденных был и унтер-офицер из вольноопределяющихся 2-й стрелковой роты Николай Грегенгер [Михеев 1903, 119], о котором речь пойдет ниже.

¹⁵ Великий князь Сергей Александрович Романов, 94.

и отступил с горы Киричен-баир на левый берег этой реки, где концентрировались основные русские войска. Так, вблизи д. Аяслар и у высоты Киричен-баир 10–11 августа и начались бои с участием полков 35-й пехотной дивизии.

Занимаемые турками высоты правого берега р. Кара-Лом были еще ранее мощно укреплены и создавали возможность перейти в дальнейшем к наступательным действиям. Для возвращения располженных впереди д. Аяслар Кириченских высот и главной горы Киричен-баир генерал Прохоров изначально выделил два батальона 1-го пехотного Невского полка, 2-й пехотный Софийский полк, артиллерию и сотню донских казаков. Так как дневная атака труднодоступной горы могла привести к большим людским потерям, было решено штурмовать эту высоту лишь с наступлением темноты. С этой целью войска, назначенные к атаке, сконцентрировались вечером 10 августа на правом берегу Кара-Лома у подножья горы Киричен-баир. В качестве резерва этим воинским частям предавались два батальона Болховского полка, которые в 8:30 вечера заняли позицию в роще на левом берегу Кара-Лома. Отсюда, находясь на расстоянии немногим более версты, болховцы поначалу только наблюдали за ходом боя, начавшегося в 9 ч. вечера. «Луна сильно светила и озаряла гору; за которой уже шел бой. Снизу горы виднелась линия огней – наша цепь, а сверху более густая линия огней – турецкая цепь. Обе цепи перемещались: софийцы и невцы шли в атаку» [Михеев 1903, 94; Гаршин 2007, 358].

Молча, почти не отвечая на интенсивный огонь турок, войска поднимались на высоту Киричен-баир, метко сбивая турецких стрелков. При этом 3-м батальоном Софийского полка был взят редут, а 5-я и 6-я роты этого полка захватили южный отрог Киричен-баира. Затем мощным штыковым ударом софийцев турки были опрокинуты, и в 11 ч. 40 мин. ночи высота Киричен-баир была взята, а турки, прекратив огонь, отступили на ближайшие высоты¹⁶. Так удачно для русских войск закончилось Аясларское дело 10 августа. Отступившие турки не смирились с потерей столь важной для них высоты и практически сразу же в 12 ч. ночи открыли по Киричен-баиру артиллерийский огонь. Вслед за этим с криком «Алла» они бросились в атаку, повторив ее трижды, но каждый раз были отброшены русскими штыками, а затем софийцы и невцы отбили и четвертую атаку турок. Измотанный в бою и растративший все патроны 3-й батальон Софийского полка вышел из боя, и в 2 ч. ночи 11 августа его сменил 2-й батальон Болховского полка, перешедший по мосту на правый берег Кара-Лома. Еще две турецкие атаки были отбиты оставшимися в бою солдатами 2-й роты 1-го Софийского батальона при активной помощи болховцев и невцев. Затем наступила передышка, продолжавшаяся до 9 ч. утра 11 августа, после чего турки возобновили наступательные бои, продолжавшиеся весь день, в одном из которых был ранен и Гаршин. В контратаке несколько солдат-болховцев оторвались от 5-й роты, Гаршин с товарищами заметили раненого сослуживца Степана Федорова, они хотели оказать ему помощь, но тот уже был мертв. В это время спереди из кустов раздался залп, ранивший и рядового Гаршина, и поручика Олешкевича. Однако, к счастью для них, свидетель этой сцены, уже упоминавшийся вольноопределяющийся и всего лишь через неделю после этого боя Георгиевский кавалер Николай Грегенгер бросился в эти кусты и заколол засевших там трех турок [Михеев 1903, 111–112]. Так что крест он заслужил хотя бы тем, что, по всей видимости, спас жизнь В.М. Гаршину, ставшему

---

¹⁶ Журнал военных действий, 67.

в 1870–1880-х годах одним из известных и читаемых писателей России. Сам Гаршин вспоминал: «Я упал; кровь лилась из ноги струею» [Гаршин 2007, 362].

Первые известия об аясларском сражении внушали оптимизм. Великий князь Сергей Александрович 11 августа сделал в дневнике следующую запись: «У Шаши было дело у Аяслара, неприятель отброшен»¹⁷. Тем временем в штаб XIII корпуса от генерала Прохорова стали поступать иные сведения, неутешительные. В них сообщалось, что, хотя Кириченские высоты и взяты благодаря героическим усилиям наших войск, но удержать их без помощи свежих войск становится крайне трудно. В течение временного затишья с 9:30 до 2 ч. дня 11 августа турки создали новые артиллерийские позиции. Русские войска не имели возможности доставить орудия на высоту Киричен-баир, стреляя же через гору, они рисковали попасть по своим, поэтому вели только пехотный бой ослабленными батальонами. В конечном итоге все же направленное к Аяслару подкрепление из восьми рот 139-го Моршанского полка, трех рот 138-го Болховского полка и двух сотен казаков прибыли на место лишь в 6 ч. вечера и уже не могли спасти положение¹⁸.

После бессонной ночи и многих часов изматывающего боя при сорокаградусной жаре, не получив, в отличие от турок, вовремя подкрепления, без воды и пищи, выдержав в общей сложности 12 атак русский отряд вынужден был отступить перед превосходящими силами турок численностью от 16 до 20 таборов при 12 орудиях под командованием Дервиш-паши [Михеев 1903, 109]¹⁹. Турки, не ожидавшие отхода русских, дали им возможность беспрепятственно перейти на левый берег р. Кара-Лом и укрыться изнуренным воинам в той же роще, откуда начиналось Аясларское дело Болховского полка. В реляции об Аясларском сражении начальник отряда генерал Прохоров отметил: «Совесть обязывает меня засвидетельствовать о примерном усердии, героической неустрашимости, терпении, храбрости и замечательной стойкости нижних чинов; усердии, порядительности и самоотверженной храбрости офицеров, бывших все время в голове своих частей и служивших прекрасным примером доблестного духа, одушевлявшего весь отряд, и что все чины отряда от генерала до солдата исполнили долг свой честно и добросовестно, истощив все физические и душевные силы, и сделали все, что было в силах человеческих» [Михеев 1903, 110]. Этот бой стал не только свидетельством героизма и мужества солдат и офицеров, но и выдающимся образцом ночного штурма, когда русские войска в ночном бою не только вернули высоту Киричен-баир, но и восемнадцать часов удерживали ее против превосходящих турецких сил. Остается только добавить, что за этот бой рядовой В.М. Гаршин был представлен к производству в офицеры²⁰. Положение русских войск после Аясларского боя осталось прежним, но с той лишь существенной разницей, что турки прочно обосновались на высотах правого берега Кара-Лома до конца войны²¹. Таким образом, им все же удалось «потеснить» русских, однако приступить к дальнейшим атакующим действиям Мехмед-Али-паша пока не решался.

¹⁷ Великий князь Сергей Александрович Романов, 95.

¹⁸ Журнал военных действий, 70.

¹⁹ Там же, 71.

²⁰ Чин прапорщика В.М. Гаршин получил, однако дважды направленное представление о награждении его «за личную храбрость» Георгиевским крестом было отклонено. Об этом сожалели солдаты 5-й роты, где он служил, и «вся рота решила, что барин Гаршин первый стоит креста» (*Гаршин* 1934. Т. III, 463–464).

²¹ Военный сборник. 1883. № 2, 191.

В сражении под Аясларом 10–11 августа общие потери отряда составили: убитыми – два офицера и 62 рядовых; ранеными – десять офицеров и 280 рядовых; без вести пропали – четверо рядовых. Наибольшие потери понес Болховский полк, потерявший убитыми – 30 рядовых, ранеными – четырех офицеров и 124 рядовых [Михеев 1903, 109]²².

Однако на этом Аясларское дело не закончилось. Когда начали выяснять причины неудачного исхода сражения, то великий князь Сергей Александрович заметил следующее: «Сашу мне ужасно жалко, да бедного Ванновского. Одна была ужасная ошибка – это нач[альника] штаба 13-го корпуса Ильяшевича, который по непростительной оплошности укреплял Попкией вместо Аяслара. Попкией оказался у подошвы горы, а Аяслар на горе; он уверял, что Аяслар не позиция! Ну, ему же и досталось, и, вероятно, его сменят»²³. Таким образом, из-за грубейшей ошибки высокопоставленного штабиста был упущен уникальный шанс создать русский мощный аванпост на правом берегу Кара-Лома, который бы клином вдавался и нависал над турецкими войсками, не позволял бы им безоглядно вести в дальнейшем наступательные действия. К сожалению, прогноз великого князя тогда оказался ошибочным, поскольку Л.И. Ильяшевич пока еще остался при своей должности.

После утраты Аяслара командование Рушукского отряда сочло целесообразным оставить прежние передовые позиции, занимаемые до Аясларского боя, т.е. Попкией, Гагово и Карахасанкией. В свою очередь, турецкая сторона готовилась к нападению, и для решительной атаки турки выбрали входивший в 35-ю пехотную дивизию прибывший из верхневолжской Костромы 140-й Зарайский пехотный полк, занимавший д. Карахасанкией. Известия о готовящемся нападении турок встревожили штаб Рушукского отряда, возглавляемый генерал-лейтенантом П.С. Ванновским. Исполняя его распоряжения, командир XIII корпуса А.Ф. Ган издал 15 августа приказ о формировании особого отряда для обороны Карахасанкии во главе с генерал-майором Леоновым, подчинив его командиру 35-й пехотной дивизии. В состав отряда вошел 140-й Зарайский полк под командованием командира полка полковника Назарова, два эскадрона гусарского Лубенского полка, четыре сотни Донского казачьего полка. Нападающая на Карахасанкию 18 августа турецкая сторона располагала 16 батальонами пехоты, шестью эскадронами кавалерии и 24 артиллерийскими орудиями [Домашев 1889, 37].

Все утро перед боем 18 августа основная часть зарайцев занималась земляными работами, укрепляя позиции. В это время к д. Садина подступил с двумя ротами Зарайского полка и кавалерией полковник Назаров, вступивший в бой с турками, прикрывая тем самым дорогу на Карахасанкию, однако все же противнику удалось захватить Садину²⁴. Турецкие войска продвигались вперед с целью захватить Карахасанкию, к которому уже стянулись все части Зарайского полка, заняв боевую линию. Противник постоянно наступал, охватывая позиции зарайцев с правого и левого флангов. Зажженный турецкой артиллерией Карахасанкией горел, но зарайцы продолжали сопротивляться. «Шесть раз неприятель брал д. Карахасанкию и каждый раз был выбиваем; но бой был неравный; неприятель имел не менее 12 тысяч и постоянно вводил свежие войска»²⁵. Видевший этот бой корреспондент английской газеты «Daily News» отметил: «За весь день я не видел

²² Журнал военных действий, 71.

²³ Великий князь Сергей Александрович Романов, 102.

²⁴ Журнал военных действий, 76.

²⁵ Там же, 77.

ни единого случая проявления страха кем-либо. Единственное, что можно было услышать время от времени, что “их много”» [Генов 1979, 92]. К 4 ч. дня на помощь зарайцам из Гагово подошел всего один батальон 139-го Моршанского пехотного полка, сразу же вступивший в бой, прикрывая левый фланг зарайцев [Будницкий 1894, 50]. Однако в ответ на это турки ввели в бой еще шесть тыс. свежих войск, и даже с помощью моршанцев спасти положение не удалось. Турки сумели создать колоссальный перевес в живой силе, когда на одного защитника Карахасанкия приходилось четыре врага [Домашев 1889, 43]. В 6 ч. вечера от генерала Леонова последовал приказ войскам отойти на левый берег р. Лом, а затем к Гагово. На отступающих зарайцев и моршан турки бросились в атаку, отбитую несколько раз штыковыми ударами. Все же в 9 часов вечера зарайцы, «без шинелей и палаток, в одних гимнастических рубашках, расположились биваком в д. Гагово» [Домашев 1889, 43]. Общие потери отряда генерала Леонова составили: убитыми – четыре офицера и 103 рядовых; ранеными – 12 офицеров и 357 рядовых; контужеными – девять офицеров; без вести пропало – 15 рядовых. Большая часть потерь пришлась на 140-й Зарайский полк, в котором были убиты три офицера и 90 рядовых; ранено – девять офицеров и 275 рядовых, контужено – восемь офицеров и без вести пропало – 14 рядовых²⁶. Под Карахасанкиоем практически повторилась ситуация при Аясларе, и вновь на поверхность всплыла та же фигура начальника штаба XIII корпуса Л.И. Ильяшевича. В письме, написанном по горячим следам начальником Рушукского отряда Александром Александровичем дяде, главнокомандующему Дунайской армией Николаю Николаевичу (старшему), цесаревич высоко отозвался о генерале Леонове, подчеркивая при этом отсутствие во время боя необходимой ему поддержки. Виновником всего произошедшего он видел исключительно Л.И. Ильяшевича, который «постоянно спорит, не исполняет, что приказано, и благодаря ему, мы потеряли 11 числа Аясларскую позицию, которую он не захотел укреплять, несмотря на приказание, а сегодня потеряли обе позиции в Карахасанкиое и Попкиое, и все из-за его упрямства»²⁷. Цесаревич настаивал на немедленной замене Ильяшевича и переводе всего XIII корпуса из-за тяжелых потерь на новую Ковачицкую позицию²⁸.

После сражения при Карахасанкиое полки 35-й пехотной дивизии участвовали в частых мелких стычках с турками. С конца августа 1877 г. Рушукский отряд вел в целом успешные оборонительные бои у Кадыкия (совр. Штрыклево) у Кацелево и Абланово. Отсутствие каких-либо реально видимых успехов в противостоянии с Рушукским отрядом заставило Мехмед-Али-пашу пойти на переговоры, которые с ним провел граф С.Д. Шереметев. В беседе Мехмед-Али-паша заметил, что «все они тяготятся войною, Реуф-паша даже сказал: “Действительно, не могут ли Россия и Турция найти общие интересы?”»²⁹ Так считали видные турецкие военачальники, но так не думали в Стамбуле, да и в Плевне, где начавшийся 30 августа, в день именин Александра II, третий штурм Плевны закончился очередной неудачей. 16 сентября великий князь

²⁶ Там же, 78.

²⁷ *Брадке-фон В.М.* 1911, 220–221.

²⁸ Потеря Попкиойской позиции, включавшей Попкиой-Хайдаркой, была прямым следствием занятия турками Карахасанкия, после чего генерал-лейтенант Прохоров, опасаясь обхода своих флангов, оставил ее (Журнал военных действий, 78). Полковник Л.И. Ильяшевич после всего произошедшего все же покинул пост начальника штаба XIII корпуса, а в дальнейшем, когда временно в Болгарии ввели российское гражданское управление и созданы губернии, он возглавил Сливенскую. Безынициативного А.Ф. Гана на посту командира XIII корпуса в сентябре сменил князь А.М. Дондуков-Корсаков.

²⁹ Великий князь Сергей Александрович Романов, 103.

Сергей Александрович записал в дневнике, что в штабе Дунайской армии «так напуганы Плевной, что только о ней и думают, забывая наш отряд и армию Мехмет-Али»³⁰.

Великий князь, впрочем, мог уже не вспоминать Мехмеда-Али-пашу, так как 9 сентября войска последнего потерпели сокрушительное поражение при д. Чаиркиое. Начатое в ночь на 10 сентября отступление происходило беспорядочно, когда таборы в панике стреляли друг в друга, бросая обозы и отстававших, отошли за р. Кара-Лом [Беляев 1956, 288]. Итогом этого поражения стало смещение Мехмеда-Али-паши, и новым главнокомандующим Восточнудунайской армией стал Сулейман-паша, которому поначалу удалось несколько «потеснить» войска Рушукского отряда, но он потерпел сокрушительное поражение 30 ноября у Мечки-Трестеник (совр. Трыстеник). Турецкие войска насчитывали 40 тыс. человек при 114 орудиях, русские войска – 28 тыс. человек при 138 орудиях [Керсновский 2013, 299], действовали по плану, разработанному цесаревичем Александром Александровичем, наблюдавшего за ходом боя. Этот бой не стал неожиданностью для командования Рушукского отряда, «угощение уже было готово» [Домашев 1889, 46]. Русские войска открыли огонь в 8:30 утра, а в контратаку перешли только в 14 ч. Таким образом, турецкие войска не менее шести часов находились под постоянным артиллерийским и ружейным огнем и были уже основательно обескровлены и измотаны. Бой вели воинские части 12-й, 33-й и 35-й пехотных дивизий [Беляев 1956, 292]. На заключительном этапе этого сражения по приказу командира XII корпуса великого князя Владимира Александровича в бой вступили батальоны зарайцев и моршанцев. Их вели в бой командир 2-й бригады и бывший командир зарайцев полковник Назаров, новый командир Зарайского полка майор Завойский и полковник Венцель, командир Моршанского полка [История русской армии 2006, 668]³¹. Затем в 15:30 русские войска перешли в общее наступление, и турецкие войска обратились в бегство, «провожаемые непрерывным ружейным и артиллерийским огнем» [Домашев 1889, 46; Будницкий 1894, 60]. В этом бою зарайцы потеряли убитыми и ранеными 101 человека [Домашев 1889, 46], а моршанцы – 61 человека [Будницкий 1894, 62]. Общие русские потери составили 22 офицера и 813 рядовых. Турецкие войска в этом бою потеряли свыше 3 тыс. человек [История русской армии 2006, 668; Керсновский 2013, 299]. После убедительной победы у Мечки-Трестеника в Рушукском отряде наступило полное затишье, прерываемое редкими стычками на аванпостах, так как теперь армия Сулеймана-паши больше не предпринимала попыток вести хоть какие-либо наступательные действия.

4 декабря 1877 г. Александр II после шестимесячного пребывания покинул Дунайскую армию и отбыл в Петербург, назначив 2 декабря Э.И. Тотлебена начальником Рушукского отряда. 5 декабря в Бухаресте император издал приказ, в котором отмечались доблесть и заслуги русских войск на главных направлениях русско-турецкой войны. Обращаясь к действиям Рушукского отряда, он заметил: «Не менее славы и признательности заслуживают войска Рушукского отряда [...], на коих выпала трудная и тяжелая задача охранения левого фланга занятого нами с начала кампании огромного пространства. Задача эта выполнена

³⁰ Великий князь Сергей Александрович Романов, 116. Третье подряд поражение под Плевной самым серьезным образом повлияло на эмоциональное состояние Александра II. «Его страшно мучают понесенные нами потери, особенно 30 августа под Плевной. Избегая порицания кого-либо в этом несчастном деле, он плакал всякий раз, когда вспоминал о бесплодных жертвах этого дня. Вообще нервная система его сильно была потрясена» (Дондуков-Корсаков, 405).

³¹ Журнал военных действий, 211–212.

блистательнейшим образом, несмотря на все трудности удержания значительно сильнейшего неприятеля на большом протяжении, при беспрестанных, постоянно отраженных попытках прорвать наши линии»³².

8 января 1878 г. Рушукский отряд был переименован в Восточный, а приближение русской армии к Константинополю заставило Турцию подписать 19 января в Адрианополе «Основание мира» и соглашение о перемирии. По условиям перемирия турки должны были покинуть ряд крепостей, в том числе и Рушук. 16 января без боя был занят Разград, а комендантом города стал командир 139-го Моршанского полка полковник Вентцель³³, именно он привел этот полк в Болгарию из Твери. Заключение перемирия позволило великому князю Александру Александровичу 1 февраля отбыть в Петербург, передав начальство над войсками Восточного отряда генерал-адъютанту Э.И. Тотлебену.

Вечером 8 февраля в Рушук прибыл командир XIII корпуса князь А.М. Дондуков-Корсаков, принявший командование над Восточным отрядом, а 9 февраля Э.И. Тотлебен отбыл в Петербург и с апреля 1878 г. по январь 1879 г. он возглавлял Действующую армию.

После окончания войны и полугодовой стоянки в 1878 г. в городе Видин дружески распрощавшись с жителями Болховский полк перебазировался на новое место в д. Тырново-Семенли. Окончательно полк покинул Болгарию только в феврале 1879 г., вернувшись на место постоянной дислокации в верхневолжский г. Рыбинск. Одновременно с ним отбыли на родину 137-й Нежинский, 139-й Моршанский и 140-й Зарайский пехотные полки 35-й пехотной дивизии, получив заслуженные полковые награды, они вернулись на довоенное место дислокации в Ярославскую и Тверскую верхневолжские губернии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Брадке-фон В.М.* Очерк боевой службы его императорского высочества государя наследника цесаревича и великого князя Александра Александровича во время Освободительной войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове // *Старина и Новизна*. 1911. Кн.15. С. 214–231.
- Великий князь Сергей Александрович Романов. Биографические материалы. М., Новоспасский монастырь, 2007. Кн. 2: 1877–1880. 280 с.
- Гаршин В.М.* Полн. собр. соч., в 3-х тт. М.; Л.: Academia, 1934. Т. III. Письма. 596 с.
- Дондуков-Корсаков А.М.* «Всякий думал позать легкие лавры» // *Русско-турецкая война: русский и болгарский взгляд. Сборник воспоминаний*. М.: Яуза-пресс: Российское военно-ист. о-во, 2017. С. 384–413.
- Журнал военных действий Рушукского, впоследствии Восточного, отряда в войну 1877–78 годов. СПб.: Б.и., 1883. 293 с.
- Зотов П.Д.* Дневник // *Русский орел на Балканах. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. глазами ее участников. Записки и воспоминания* / сост. Н.В. Ильина, Л.Я. Саев. М.: РОССПЭН, 2001. С. 78–140.
- Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение. 1875–1877 гг.: Сборник документов и материалов / сост.: Ю.П. Аншаков, В.М. Хевролина, Н.И. Хитрова, А.Н. Сквозников. Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2009. 822 с.
- Освобождение Болгарии от турецкого ига. М.: Наука, 1964. Т. 2. Борьба за национальное освобождение Болгарии в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. / под ред. С.А. Никитина, В.Д. Конобеева, Д.К. Косева, Г.Д. Тодорова. 647 с.
- Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–78 годов на Балканском полуострове. СПб.: Издание Военно-исторической комиссии Главного штаба, 1900. Вып 16. 340 с.
- Фохт-фон Н.А.* Материалы для описания действий Рушукского отряда // *Военный сборник*. 1880. № 12. С. 208–232; 1883. № 2. Б.и. С. 177–207.

³² Народы Поволжья и борьба южных славян, 519.

³³ Освобождение Болгарии от турецкого ига, 457–458.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беляев Н.И. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М.: Воениздат, 1956. 464 с.
Будницкий С. Краткая история 139-го пехотного Моршанского полка. Рязань: типо-лит. Н.Д. Малашкина, 1894. 97 с.
Гаршин В.М. Встреча. Сочинения, избранные письма, незавершенное / сост., подгот. текстов, вступ. ст. и примеч. В.А. Стариковой. М.: Парад, 2007. 640 с.
Генов Ц. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и подвиг освободителей. София пресс, 1979. 241 с.
Домашев П.А. Краткая история 140-го Зарайского полка. Кострома: Тип. Андрониковой, 1889. 58 с.
История русской армии. М.: Эксмо, 2006. 768 с.
Керсновский А.А. Очерки истории русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Русско-турецкая война 1877–1878 гг.: Забытая и неизвестная / автор-сост. Н.Н. Воробьева. Харьков: Фолио, 2013. С. 269–308.
Михеев С.К. История 138-го пехотного Болховского полка. М.: Т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1903. 190 с.
История Балкан: Судьбоносное двадцатилетие (1856–1878 гг.) / отв. ред. В.Н. Виноградов. М.: Красанд, 2012. 336 с.
Скворцов Н.П. История 137-го пехотного Нежинского полка. М.: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1896. 223 с.
Фролова М.М. Болгары и Болгария в восприятии русских офицеров Руцукского отряда (по воспоминаниям участников русско-турецкой войны 1877–1878 гг.) // Россия и Балканы: геополитика и общественные связи / отв. ред. Е.П. Кудрявцева. М.: Квадрига, 2022. С. 320–362.

Рукопись поступила в редакцию 26.09.2023

Рукопись принята к печати 21.10.2023

REFERENCES

- Belyaev N.I. *Russko-tureckaya vojna 1877–1878 gg.* Moscow, 1956, 464 p. (In Russ.)
Budnickij S. *Kratkaya istoriya 139-go pekhotnogo Morshanskogo polka.* Ryazan', 1894, 97 p. (In Russ.)
Dondukov-Korsakov A.M. «Vsiakiy dumal pozhat liogkie lavry». *Russko-turetskaya vojna: russkiy i bolgarskiy vzgliad. Sbornik vospominaniy.* Moscow, 2017, pp. 384–413. (In Russ.)
Frolova M.M. *Bolgary i Bolgariya v vospriyatii russkih oficerov Rushchukского отряда (po vospominaniyam uchastnikov russko-tureckoj vojny 1877–1878 gg.) Rossiya i Balkany: geopolitika i obshchestvennyye svyazi,* отв. ред. Е.П. Кудрявцева. Moscow, 2022, pp. 320–362. (In Russ.)
Garshin V.M. *Vstrecha. Sochineniya, izbrannye pis'ma, nezavershennoe,* prep. V.A. Starikovej. Moscow, 2007, 640 p. (In Russ.)
Genov C. *Russko-tureckaya vojna 1877–1878 gg. i podvig osvoboditelej.* Sofiya press, 1979, 241 p. (In Russ.)
Domashev P.A. *Kratkaya istoriya 140-go Zarajskogo polka.* Kostroma, 1889, 58 p. (In Russ.)
Istoria Balkan: Sud'bonosnoe dvadtsatiletie (1856–1878 gg.), ed. V.N. Vinogradov. Moscow, 2012, 336 p. (In Russ.)
Istoriya russkoj armii. Moscow, 2006, 768 p. (In Russ.)
Kersnovskij A.A. *Ocherki istorii russko-tureckoj vojny 1877–1878 gg. Russko-tureckaya vojna 1877–1878 gg.: Zabytaya i neizvestnaya,* comp. N.N. Vorob'eva. Har'kov, 2013, pp. 269–308. (In Russ.)
Miheev S.K. *Istoriya 138-go pekhotnogo Bolhovskogo polka.* Moscow, 1903, 190 p. (In Russ.)
Skvorcov N.P. *Istoriya 137-go pekhotnogo Nezhinskogo polka.* Moscow, 1896, 223 p. (In Russ.)

Received on 26.09.2023

Accepted on 21.10.2023

Информация об авторе:

Аншаков Юрий Петрович
доктор исторических наук, профессор
Самарский федеральный исследовательский
центр Российской академии наук
г. Самара, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-2999-4016
E-mail: yuri.anshakov@mail.ru

Information about the author:

Yuriy P. Anshakov
DSc. (History), Professor
Samara Federal Research Center of the Russian
Academy of Sciences
Samara, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-2999-4016
E-mail: yuri.anshakov@mail.ru

Славяноведение, 2024, № 3, с. 30–43

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, No. 3, pp. 30–43

DOI: 10.31857/S0869544X24030038, EDN: WZFLQP

Оригинальная статья / Original Article

Сербо-албанский конфликт 1913–1914 годов: восприятие в российской прессе

© 2024 г. М.В. Медоваров

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Российская Федерация)

mmedovarov@yandex.ru

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
№ 22-78-10006, <https://rscf.ru/project/22-78-10006>

Аннотация. В статье рассматривается восприятие российской ежемесячной и еженедельной периодической печатью боевых действий между Сербией и Албанией в промежутке между окончанием Второй Балканской войны (август 1913 г.) и началом Первой мировой войны (июль 1914 г.). Эти столкновения, известные современникам как необъявленная «Третья Балканская война», вызвали дипломатические осложнения и в ноябре 1913 г. могли привести к началу большой войны в Европе. Великие державы с трудом гасили конфликт, ставший следствием навязанных ими балканским странам мирных договоров. Впервые рассматривается реакция русских обозревателей на албанский кризис 1913–1914 гг. и боевые действия в регионе, степень осведомленности читающей публики в России о ситуации в Албании и вокруг нее. На примере панславистских газет «Славянские известия» и «Дым Отечества», либеральных журналов «Вестник Европы», «Огонек», «Русское богатство» и «Русская мысль», а также высказываний российских путешественников показан рост осведомленности значительного сегмента российской публики о ситуации в регионе.

Ключевые слова: албанский вопрос, Балканские войны, Первая мировая война, российское общественное мнение, Эссад-паша Топтани, «Славянские известия», «Дым Отечества», «Вестник Европы», «Огонек».

Ссылка для цитирования: Медоваров М. В. Сербо-албанский конфликт 1913–1914 годов: восприятие в российской прессе // *Славяноведение*. 2024. № 3. С. 30–43. DOI: 10.31857/S0869544X24030038, EDN: WZFLQP

Serbian–Albanian Conflict 1913–1914: Perception in the Russian Press

© 2024. Maksim V. Medovarov

Lobachevsky State University
(Nizhny Novgorod, Russian Federation)

mmedovarov@yandex.ru

The present research was funded by the RSF, project number 22-78-10006,
<https://rscf.ru/en/project/22-78-10006>

Abstract. The article examines the Russian monthly and weekly periodicals' perception of the fighting between Serbia and Albania between the end of the Second Balkan War (August 1913) and the beginning of the First World War (July 1914). These military clashes, known to contemporaries as the undeclared "Third Balkan War", caused diplomatic complications and in November 1913 could have led to the outbreak of a major war in Europe. Throughout a year, the great powers with difficulty extinguished the conflict, that became the result of peace treaties imposed by them to the Balkan countries. In the paper, for the first time, the reaction of the Russian reviewers towards the Albanian crisis of 1913–1914 and the military operations in the region, the degree of awareness of the reading public in Russia about the situation in Albania and around it are examined. On the example of Pan-Slavist newspapers "Slavyanskije Izvestia" and "Dym Otechestva", the liberal magazines "Vestnik Evropy", "Ogonek", "Russkoe Bogatstvo" and "Russkaya Mysl" as well as opinions of Russian travelers, the growing awareness of Russian public about Albania and Albanians is shown.

Key words: Albanian question, Balkan wars, World War I, Russian public opinion, Essad Pasha Toptani, "Slavyanskije Izvestia", "Dym Otechestva", "Vestnik Evropy".

For citation: Maksim V. Medovarov. Serbian-Albanian Conflict of 1913–1914: Perception in the Russian Press // Slavic Studies = Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2024. No. 3. P. 30–43. DOI: 10.31857/S0869544X24030038, EDN: WZFLQP

Период с момента подписания Бухарестского мира 28 июля (10 августа) 1913 г. и до нападения Австро-Венгрии на Сербию 14 (28) июля 1914 г. был наполнен масштабными военными столкновениями на сербо-албанской, греко-албанской, греко-болгарской, греко-турецкой границах, а также внутренними албанскими конфликтами. Одним из узловых событий данного периода стало вторжение албанцев (поощряемых Австро-Венгрией) на новые территории Сербии, ответный сербский рейд вглубь Албании и принятие Белградом австро-германского ультиматума о выводе войск (сентябрь – октябрь 1913 г.), а также албанское восстание в Косово (март 1914 г.).

Интерес общественности Российской империи к албанскому вопросу непрерывно рос с 1908 по 1913 г. По словам Н.С. Гусева, во время Первой Балканской войны русское образованное общество имело смутное представление об Албании [Гусев 2020, 240], хотя уже с 1908 г. в периодической печати появился ряд статей на эту тему. В 1912 г. правая и центристская пресса поддерживала сербские и черногорские притязания на север албанских земель, в то время как кадеты и социал-демократы пытались высказаться в защиту албанской самостоятельности. К осени 1913 г. и тем более к весне – лету 1914 г. ситуация стала меняться: осведомленность русского общества об албанских делах заметно выросла, а суждения о политическом будущем Албании стали более реалистичными.

Историография сербо-албанского конфликта осени 1913 – весны 1914 гг. отличается фрагментарностью. Генерал Н.Г. Корсун интерпретировал эти сражения как «налеты по указке австро-венгерского командования» [Корсун 1939, 14]. Историк дипломатии Ю.А. Писарев считал данные события кульминацией балканского кризиса и подчеркивал, что «восстание» албанцев было инспирировано Австрией и Италией [Писарев 1985, 205–206]. Сербский историк Д. Батакович воспринимал данные события как «крупный албанский рейд на сербскую территорию» при «логистической поддержке

Австро-Венгрии и офицеров-младотурок» [Батакович 2014, 92]. Албанисты Г.Л. Арш и Н.Д. Смирнова назвали сербо-албанскую пограничную войну «восстанием» албанцев, возлагая всю ответственность за нее на великие державы, не проводившие демаркацию границ после двух Балканских войн [Арш 2002, С. 47–52; Краткая история 1992, 250; Смирнова 2003, 60–61].

По мнению О.И. Агансон, «на момент осени 1913 – лета 1914 г. Албания в силу несформировавшейся государственности, пестроты населения, а также неурегулированности вопроса о границах [...] была одним из главных дестабилизирующих факторов на Балканах» [Агансон 2014, 29], что было на руку Австро-Венгрии и вело к «Третьей Балканской войне», под которой исследовательница понимала Первую мировую [Там же, 31].

Из российских историков наибольшее внимание теме сербо-албанских конфликтов 1913–1914 гг. уделил П.А. Искендеров, сделавший акцент на участии в них офицеров соседних стран и характеризовавший данные столкновения как полноценную войну [Искендеров 2013, 132–158, 161–173]. Среди привлеченных им источников были донесения русских дипломатов, не ставшие в ту пору достоянием общественности [Там же, 125–128], а также сербская и черногорская пресса. Историк осветил дипломатическую сторону вопроса, позиции различных албанских лидеров, а также разногласия в российском и сербском обществе по отношению к албанским событиям [Искендеров 2003b, 521–523; Искендеров 2008a, 33–36; Искендеров 2013, 163–180, 216–269, 296–297; Искендеров 2009, 170–188]. Не был обойден стороной и вопрос демаркации границ между балканскими странами [Искендеров 2003b, 509–514; Искендеров 2006, 444–445; Искендеров 2008a, 28; Искендеров 2008b, 51].

Существует немало исследований о реакции русских общественных деятелей и журналистов, формировавших и отражавших мнение определенных столичных слоев населения в России, на Первую и (реже) Вторую Балканские войны [Гусев 2020, 50–87], причем приоритетное внимание их авторы уделяли македонскому вопросу и формированию враждебного образа австрийской политики [Котов 2015; Котов 2019; Мороз 2004]. Следует выделить фундаментальные монографии Е.Г. Костриковой и Н.С. Гусева [Кострикова 2017; Гусев 2020]. На примере публикаций о Первой Балканской войне Е.Г. Кострикова показала типичную структуру подачи внешнеполитической информации в российских газетах: передовицы, аналитические статьи, разделы зарубежных известий, телеграммы [Кострикова 1991]. Такая структура присуща и рассматриваемым в данной статье изданиям, с оговоркой, что отдельной регулярной рубрики бесед с дипломатами в них не было, а военные обзоры после Бухарестского мира стали эпизодичными. «Славянские известия» и «Дым Отечества» имели собственных корреспондентов на Балканах, получали от них статьи, но не срочные телеграммы. Е.Г. Кострикова и Н.С. Гусев осветили непростые условия работы русских журналистов на фронте в период Первой Балканской войны, когда военная цензура делала невозможным получение и передачу в Россию достоверных известий [Гусев 2020, 171–189; Кострикова 2017, 239–253].

Период с августа 1913 по июль 1914 г. остался за рамками данных монографий. Историки предпочитают исследовать реакцию России на миссию Лимана фон Сандерса и русско-немецкую «газетную» войну февраля 1914 г. [Кострикова 2017, 312–323]. К редким исключениям в историографии можно отнести статью Г.Л. Арша [Арш 2014, 285–287], который отметил исключительность албанских очерков корреспондента кадетской «Речи» В.В. Викторова-Топорова,

в ноябре – декабре 1913 г. побывавшего в Албании, взявшего интервью у Исмаила-паши Кемали и Эссада-паши Топтани и давшего взвешенные и обдуманно оцененные социальные проблемы и перспективам молодого государства¹. Первый системный опыт анализа реакции на информацию о сербо-албанской войне и политической борьбе вокруг Албании в российской прессе предпринял на материале 53 публикаций из десяти ежедневных газет Б.С. Котов, отдельно уделив внимание шести статьям газет «Русские ведомости», «Речь», «Новое время», «Московские ведомости», «Земщина» и «Русское знамя», посвященным сербо-албанской войне и роли Австро-Венгрии в ней [Котов 2022, 437–440].

П.А. Искендеров упомянул реакцию русских социал-демократов на строительство независимой Албании, но основное внимание уделил жесткой позиции русского посланника в Белграде Н.Г. Гартвига в декабре 1913 – январе 1914 г., выступавшего против ее государственности [Искендеров 2014, 252–253; Искендеров 2013, 300–301]. Как отметил Н.С. Гусев, трансляция взглядов посланника способствовала обострению международного кризиса и подрыву осторожного курса С.Д. Сазонова [Гусев 2020, 195–205, 320–322]. Почти вся русская печать, по мнению П.А. Искендерова, «в основном выражала сомнения относительно способности Албании играть стабилизирующую роль на Балканах и в целом поддерживала территориальные претензии сербского кабинета» [Искендеров 2014, 251]. Историк отметил, что русские дипломаты скрывали от общественности полную информацию о сербских репрессиях в отношении албанцев [Искендеров 2008а, 56]. С другой стороны, он констатировал крайнюю агрессивность немецких и австро-венгерских газет, в сентябре 1913 г. угрожавших Сербии войной [Искендеров 2014, 254–255]. 19 ноября 1913 г. министр иностранных дел Габсбургской монархии Л. Берхтольд назвал ключевой целью австрийской политики на Балканах сохранение «автономной» или «самостоятельной» Албании (включая Шкодер), очищенной от иностранных войск [Искендеров 2014, 256].

Таким образом, специальных работ о реакции русской общественности относительно балканского конфликта осени 1913 – лета 1914 гг., за исключением вышеупомянутой статьи Б.С. Котова, вышедшей в 2022 г., практически нет. Между тем именно события последнего года перед началом Первой мировой войны подготовили русское общество к пониманию неизбежности полномасштабного вооруженного конфликта в Европе, придали ему решимость. Говоря о связанности министра иностранных дел С.Д. Сазонова воинственностью русской общественности, Е.Г. Кострикова отметила: «Именно в период Балканских войн часть русского общества преодолела страх перед военным столкновением. [...] Общественное мнение постепенно готовилось к предстоящим испытаниям. Позднее это проявилось в момент начала мировой войны» [Кострикова 2011, 51]. Именно в 1912–1913 гг. русское общественное мнение начало небезуспешно «оказывать давление на собственное правительство» [Гусев 2020, 13]. Иностраный свидетель, пораженный степенью враждебности российской прессы к Министерству иностранных дел в ходе Балканских войн, признал «существование действительно сильного общественного мнения в России, более сильного, чем можно было ожидать» [Мороз 2004, 74]. Конечно, отождествлять общественное мнение с позицией нескольких журналов достаточно узкого политического сегмента было бы явным преувеличением

¹ Виктор В. Среди свободных шкипетаров // Речь. 1913. 22 X. С. 3; 28 X. С. 5; 2 XI. С. 4; 29 XI. С. 2; 13 XII. С. 3–4.

[Гусев, Котов 2022, 48]. Однако в силу звучавших в них из уст именитых публицистов оценок и влияния этих изданий на столичную публику вопрос о реакции российской периодической печати на боевые действия и конфликты на Балканах с августа 1913 по июль 1914 г. представляет особый интерес.

В России с середины 1913 г. стали меньше, чем годом ранее, проводить публичных чтений, «славянских» демонстраций, постепенно происходила рутинализация балканской проблематики: она стала более привычной для публики, чем в Первую Балканскую войну. Ввиду этого для исследователей оправданно сосредоточение внимания на прессе периода осени 1913 – весны 1914 г., хотя следует учесть, что с лета 1913 г. русские журналисты стали реже выезжать в районы боевых действий, тем более в Албанию, где еще не было российских консульств.

Поставленная задача в идеале требует рассмотрения новостного материала во всех крупных газетах и журналах любой идейной и партийной направленности. Однако сплошное изучение десятков ежедневных газет за почти целый год потребовало бы создания монографии или хрестоматии наподобие недавно изданного сборника «Балканская распря» с газетными статьями периода Второй Балканской войны². В формате статьи представляется целесообразным ограничиться анализом репрезентативных ежемесячных, двухнедельных и еженедельных изданий. Ситуацию облегчает то, что начало изучения позиции либеральной «Речи» и левой «Правды», а также русских дипломатов по отношению к албанскому кризису конца 1913 г. уже было положено историками П.А. Искендеровым и Г.Л. Аршем.

Данная работа основана прежде всего на анализе двух еженедельников панславистской направленности: официального органа Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества «Славянские известия» под редакцией В.Н. Кораблева и «Дыма Отечества» А.Л. Гарязина. Ранее их отклики на балканские события не рассматривались историками, за исключением одного эпизода [Кострикова 2017, 309–312]. По внутривополитическим вопросам эти издания занимали позицию поддержки парламентаризма и защиты гражданских прав и свобод, а их расхождение с рассматриваемыми ниже либеральными изданиями было связано с «всеславянской» культурной и внешнеполитической ориентацией у первых и «западнической» у вторых. Однако и те, и другие органы печати противостояли правоконсервативным, монархическим «Гражданину», «Русскому знамени», «Земщине», которые в 1912–1914 гг. всё более склонялись к прогерманской ориентации и критике славянских государств.

Также было необходимо обратиться к трем самым массовым «толстым» либеральным журналам России: классическому «Вестнику Европы» под редакцией К.К. Арсеньева, находившемуся на идейном стыке народничества и левого либерализма «Русскому богатству» В.Г. Короленко, а также «Русской мысли», под руководством П.Б. Струве придерживавшейся идей правого либерализма и политики экспансии на Балканах. Наконец, еще одним источником по данной теме стал популярный иллюстрированный еженедельник «Огонек», в 1912–1914 гг. сочетавший либеральные и даже отчасти левые симпатии с последовательным панславизмом.

При анализе этих еженедельных и ежемесячных изданий за период с августа 1913 по июль 1914 г. всего было выявлено 44 печатных материала на тему балканских конфликтов данного периода в «Дыме Отечества», 24 – в «Славянских

² Балканская распря, 2023.

известиях», 24 – в «Огоньке», десять – в «Вестнике Европы», четыре – в «Русской мысли», два – в «Русском богатстве». Однако собственно сербо-албанской войне «Вестник Европы» и «Славянские известия» посвятили лишь по девять публикаций, «Дым Отечества» – семь, «Огонек» – три, что существенно ниже их интереса к внутриалбанским междоусобицам.

В качестве восприятия в России необъявленной «Третьей Балканской войны» были изучены также записки двух журналистов-путешественников, побывавших в сербских и албанских землях. Во-первых, это публицист и этнограф А.А. Башмаков, после Бухарестского мира 1913 г. выпустивший свою книгу с новым предисловием. Во-вторых, – словенец Янко Лаврин, который в качестве российского журналиста взял интервью у Эссада-паши Топтани в конце 1913 г., что сравнимо только с успехом В.В. Викторова-Топорова из «Речи».

Переиздавая путевые очерки летом 1913 г., вынужденный уйти из «Правительственного вестника» А.А. Башмаков прямо требовал сокрушить Австро-Венгрию. Едва не лишившийся жизни в разбойничьих засадах в Северной Албании в 1908 г., он был в ярости от того, что этот край не достался Сербии³. Первое издание очерков Башмакова в книжном формате сделало немало для формирования в России представлений об Албании и Косово как кровавом, криминальном крае, хотя в книге присутствовал ряд положительных образов албанцев. Янко Лаврин стал первым свидетелем сербо-албанской войны из России [Чепелевская 2011, 74]. Исследователи оценили его записки как глубокие и вдумчивые [Чепелевская 2014, 194], хотя благодаря им в русском общественном мнении укрепилось представление о крае как оплоте грязи, убожества, разбоя и фанатизма («в Албании человек привыкает к кошмарам всех калибров»⁴). Впрочем, у Лаврина присутствуют достаточно многочисленные положительные образы албанцев, одобряется их примирение с сербами⁵. Даже воевавший против сербов в 1913 г. Иса Болетини характеризовался как «любезный» к монахам⁶. Во время следующей поездки Лаврина в Сербию, Албанию и Черногорию в 1915 г. сербы в разговорах с ним называли сражения с албанцами осени 1913 – весны 1914 г. частью одной войны, начавшейся «с Первой Балканской и закончившейся Первой мировой»⁷.

Естественным было повышенное внимание к сербо-албанским столкновениям со стороны старейшего печатного органа Славянского благотворительного общества. «Славянские известия» выходили еженедельно на протяжении 1913 г. и два раза в месяц в первом полугодии 1914 г. Ориентация этой газеты была скорее проболгарской, хотя после Второй Балканской войны критике подвергалось и болгарское правительство. По албанскому вопросу «Славянские известия» стояли в целом на просербских позициях, хотя внимание к данной теме проявляли нерегулярно. Сразу по завершении Второй Балканской войны редактор В.Н. Кораблев назвал Албанию барьером для будущего развития Сербии и Черногории⁸.

Еженедельник «Дым Отечества» также симпатизировал болгарам, выступая против сербов и греков. Редакция в лице А.Л. Гарязина в оценке балканских

³ Башмаков 1913, II.

⁴ Лаврин 1916, 87.

⁵ Там же, 12–13, 48–51, 55–57, 72–73.

⁶ Там же, 24.

⁷ Там же, 94.

⁸ Кораблев В.Н. Итоги Балканской войны // Славянские известия. 1913. № 31–32 (38–39). 11 VIII. С. 538.

событий солидаризировалась с «Славянскими известиями» и «Новым звеном»⁹. Однако «Дым Отечества» широко освещал любые вопросы внутренней и внешней политики, среди которых славянские и тем более албанские темы занимали не столь большое место, как в узкоспециализированных «Славянских известиях».

В сентябре – октябре 1913 г. панславистская пресса характеризовала сербо-албанскую войну преимущественно как полномасштабный и серьезный конфликт. Славист А. И. Соболевский и историк Д. И. Иловайский, осуждая албанцев и обвиняя стоящую за их спиной Австрию, в то же время упрекали Сербию в том, что своей македонской политикой она поставила себя в кольцо врагов¹⁰. На Грецию как союзника русские публицисты не надеялись, считая, что она не придет на помощь сербам.

Выпуск «Славянских известий» 20 октября (2 ноября) 1913 г. был почти целиком посвящен албанскому вопросу. Осуждая албанцев как «дикую орду», журналист П. Талетов указал, что великие державы дискредитировали свое же решение создать Албанское государство и поставили под угрозу мир в Европе, пойдя на поводу у австрийских требований и создав очаг «анархии» в регионе¹¹. П. Талетов и русский публицист с коротким дипломатическим опытом А. Н. Брянчанинов поставили вопрос о денонсации Лондонского и Бухарестского мирных договоров ввиду нарушения албанцами установленной границы с Сербией. При этом с ожидавшейся смертью Франца-Иосифа авторы связывали возможность открытого вступления Австро-Венгрии в войну против Сербии, при вероятном вмешательстве также Турции¹². 5 (18) сентября А. Н. Брянчанинов дал интервью «Дыму Отечества», раскритиковав провал российской дипломатии в отличие от успехов австрийцев и предложив превентивно начать русско-турецкую войну¹³.

Специфическую позицию занял популярный иллюстрированный либеральный еженедельник «Огонек». Он с самого начала Первой Балканской войны поддерживал требования панславистов и приветствовал успехи славянских армий, с конца 1912 г. резко осуждал «диких» албанцев, обвиняя их в коварных нападениях на сербов¹⁴. «Автономная Албания – это ловкая дипломатическая выдумка Австрии, не желающей, чтобы Сербия приобрела порт на албанском побережье Адриатического моря», – писал «Огонек», скептически оценивая шансы Исмаила Кемали стать правителем всей Албании¹⁵. После подписания Лондонского мира журнал высмеивал создание «независимой» Албании великими державами в карикатуре «Первые шаги механического ребенка, родившегося у ее величества Европы», причем выражалось опасение переноса албанской столицы в Шкодер¹⁶. В ходе Второй Балканской войны активно освещавший ее «Огонек» осуждал все стороны конфликта и с горечью писал об условиях Бухарестского мира. Осенью 1913 г. журнал продолжил откликаться на такие балканские темы,

⁹ От редакции // Дым Отечества. 1913. № 51. 19 XII. С. 3.

¹⁰ Соболевский А. Начинается // Славянские известия. 1913. № 35 (48). 22 IX. С. 617; Соболевский А. Горации и Куриации // Славянские известия. 1913. № 36 (43). 29 IX. С. 633; Матвеев Н. Е. Историк Иловайский о славянском вопросе // Славянские известия. 1913. № 43 (50). 27 X. С. 686.

¹¹ Талетов П. Вторжение албанцев в Сербию и Европа // Там же. № 42 (49). 20 X. С. 671–672.

¹² Брянчанинов А. Н. Итоги балканской трагедии // Дым Отечества. 1913. № 31. 1 VIII. С. 4–6.

¹³ Брянчанинов А. Н. О балканских делах // Там же. № 36. 5 IX. С. 3.

¹⁴ Война на Балканах. Сербско-турецкая война // Огонек. 1912. № 46. 11 (24) XI. С. 9–10.

¹⁵ Война на Балканах // Там же. № 48. 25 XI (8 XII). С. 12.

¹⁶ Первые шаги механического ребенка, родившегося у ее величества Европы // Там же. 1913. № 13. 5 (18) V. С. 1, 9. После падения Скутари // Там же. С. 9.

как возврат Адрианополя турками, рост немецкого влияния в Константинополе и борьба за пока еще виртуальный албанский трон.

Однако сербо-албанской войне журнал посвятил лишь три иллюстрации – совсем немного по сравнению с 16 материалами о Второй Балканской войне и Бухарестском мире и 13 иллюстрациями о внутриалбанских конфликтах. На первой из тематических иллюстраций «Огонь» изображалось отступление сербских войск из Албании. Заголовок «Конец албанского восстания в Старой Сербии» (т.е. в Метохии и Косове) не вполне соответствовал комментарию редакции: «Сербские войска после усмирения албанского мятежа в только что завоеванных областях Старой Сербии, проникшие в Албанию для вооруженного контроля над злобствующим мусульманским населением, покидают албанские пределы под давлением австро-венгерского ультиматума»¹⁷. На второй иллюстрации была представлена демаркация сербо-албанской границы у Охридского озера при помощи итало-австрийских войск¹⁸. Наконец, в карикатуре С.В. Животовского под названием «Третья Балканская война (сербо-албанская)» Турция, Болгария и «Великая Албания» изображались в виде трех картонных фигур, движениями которых всецело управляют австрийские офицеры¹⁹.

Несколько иное отношение к сербо-албанским конфликтам демонстрировал либеральный «Вестник Европы», в котором «Иностранное обозрение» с 1880-х годов фактически вел Л.З. Слонимский. До октября 1913 г. он вообще не упоминал албанский вопрос в своих ежемесячных обзорах. Лишь в рецензии на французскую книгу Анри Барби «Война на Балканах. Сербские победы» Слонимский отметил случаи зверств албанцев: «Фанатики-мусульмане, албанские арнауты не знают пощады при расправе с христианами»²⁰. Со ссылкой на этого же автора передавались фантастические сообщения о том, как отряды в десятки сербов без боя занимали Тирану, Эльбасан, Каваю с их десятитысячными турецкими гарнизонами; в то же время отмечались случаи взаимной резни между албанскими и сербскими четами в Македонии²¹.

Либеральный журнал обвинил сербские власти в «крутых мерах устрашения» против албанцев, на которые те ответили «обширным вооруженным восстанием в пограничных с Албанией областях»²². Слонимский тут же оговарился: «Так называемое восстание албанцев против Сербии есть, в сущности, война Албании против непомерно выросшего и возвеличенного сербского государства. [...] Восстание было подготовлено извне и организовано в автономной Албании при прямом или косвенном содействии болгар»²³. «Вестник Европы» был убежден, что Сербия имела право на ответное наступление, поскольку Европа не защитила «лондонские» границы. Однако, признавая «большие жестокости» албанцев, журнал обвинял в зверствах в первую очередь сербов. «Откуда у сербов эта прямолинейная жестокость против чужих народностей, не желающих подчиняться сербскому господству? – удивлялся либеральный обозреватель. – Озлобление туземцев против сербов не могло возникнуть без достаточных фактических оснований. С обеих сторон совершались вопиющие

¹⁷ Конец албанского восстания в Старой Сербии // Там же. № 43. 27 X. Обложка.

¹⁸ Установление границ нового Албанского государства // Там же. 3 XI. С. 7.

¹⁹ Пьер-О [Животовский С.В.] 3-я Балканская война (сербо-албанская) // Там же. № 38. 22 IX (5 X). С. 17.

²⁰ Слонимский Л.З. Отголоски войны // Вестник Европы. 1913. № 9. С. 331.

²¹ Там же. С. 333.

²² Иностранное обозрение // Там же. № 10. С. 399.

²³ Там же. С. 401.

зверства, которые не скрывали и официозные газеты»²⁴. «Вестник Европы» комментировал взаимное разрушение сербами и албанцами сел и города Дибра и делал вывод о необходимости для Сербии пересмотреть свою политику и не пытаться силой контролировать албанские земли²⁵. В этих оценках, как и в целом в симпатии к албанскому национальному движению и осуждении сербских и греческих репрессий против албанцев, Слонимский оказывался солидарен с В. Викторovým из «Речи»²⁶.

В то же время либералы были согласны с панславистами в том, что Австро-Венгрия и Италия несут прямую ответственность за поощрение набегов албанских банд на Сербию²⁷. В конце 1913 г. «Вестник Европы» продолжал удивляться беззастенчивости австрийских «ненужных угроз и ультиматумов» Сербии и Греции по поводу вывода их войск из Албании, что воспринималось как позорный провал российской дипломатии, якобы потакавшей Вене в «чрезмерном расширении границ» Албании²⁸. Либеральные «Русские ведомости» 20 сентября 1913 г. высказывались в таком же ключе²⁹.

Панславистский «Дым Отечества» отозвался на албанское вторжение и австрийский ультиматум значительно позже других журналов, отметив лишь решительность Вены и Берлина и дряблость дипломатии стран Антанты³⁰. Мечтавший о войне с Германией и Австро-Венгрией генерал К.И. Дружинин отметил, что «Австрия, создав государство-зверинец – Албанию, издевается над Сербией, которой пришлось искать вознаграждения за счет Албании»³¹. Аналогичные обвинения он бросил и Италии, в то же время призывая к сербо-болгарскому примирению в Македонии³². Панславистский публицист Э. Поточняк бил тревогу относительно признаков албанизации самой Австро-Венгрии, под которыми понималось открытие албанских школ в Далмации (вызвавшее протесты местных хорватов) и отправку инженеров в Албанию вместо привлечения их к выполнению внутренних проектов³³.

3 ноября 1913 г. некий «Наблюдатель» назвал сербо-албанский конфликт третьей подряд войной на Балканах, а Албанию – словесным прикрытием для «швабов», т.е. Германии и Австрии³⁴. Вполне возможно, что термин «Третья Балканская война» в данном случае был заимствован из работ сербских социал-демократов Д. Туцовича и Д. Поповича [Искендеров 2013, 206, 228–229, 259, 265].

1 (14) декабря 1913 г. П. Талетов связал сербо-албанский конфликт с агрессивной политикой австро-венгерского министра иностранных дел Л. фон Берхтольда, хотя и отметил, что его проект «Великой Албании» был реализован лишь частично: «Результаты политики графа Берхтольда известны.

²⁴ Там же. С. 399.

²⁵ Там же. С. 400.

²⁶ Викторov В. Среди свободных шкипетаров // Речь. 1913. № 295. 28 X. С. 5; № 300. 2 XI. С. 4.

²⁷ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1913. № 10. С. 402.

²⁸ Там же. № 11. С. 392; № 12. С. 424; 1914. № 1. С. 424–425.

²⁹ Котляревский С.А. Балканские перспективы // Русские ведомости. 1913. 20 IX. Цит. по: Балканская распря 2023. С. 528–529.

³⁰ За рубежом // Дым Отечества. 1913. № 41. 10 X. С. 13; Старый дипломат. Две дипломатии // Там же. № 42. 17 X. С. 4.

³¹ Дружинин К.И. Россия и балканские славяне // Там же. С. 2–3.

³² Дружинин К.И. Болгария и Сербия // Там же. № 41. 10 X. С. 2; Дружинин К.И. Россия и балканские славяне // Там же. № 42. 17 X. С. 3.

³³ Э. П-ак. [Поточняк Э.] Албанизация славян Далмации // Славянские известия. 1913. № 47 (54). 24 XI. С. 734–736.

³⁴ Наблюдатель. Итоги: балканские государства // Славянские известия. 1913. № 44 (51). 3 ноября. С. 695.

Он создал Албанию с тем, чтобы она являлась постоянной угрозой для Сербии и Черногории и была местом будущих вооруженных столкновений между Италией и Австро-Венгрией. Австро-Венгрия ни с одним из государств, кроме Болгарии и Албании, не находится в добрых отношениях»³⁵. Учитывая роль Албании как «яблока раздора», Талетов предрек будущие войны, поражение Австрии и победу Сербии.

В феврале 1914 г. «Вестник Европы» ставил поведение албанцев в один ряд с дипломатическим бессилием великих держав, на глазах которых ни один пункт Лондонского договора не был выполнен балканскими государствами: «Албанский вопрос разрешен великими державами исключительно по австрийско-итальянской программе, без всякого внимания к желаниям и интересам населения»³⁶. Другим симптомом этой несостоятельности европейской политики «Вестник Европы», как ранее и «Дым Отечества», назвал конфликт в Ольстере, грозивший перерасти в войну³⁷. Таким образом, российская печать осознавала наличие двух очагов войны в Европе в 1914 г. — балканского и ирландского — и достаточно регулярно писала о них.

Май — июнь 1914 г. в «Славянских известиях» был ознаменован тревогами за перерастание балканских военных столкновений в мировую войну. А.И. Соболевский предупреждал: «Вражда между южными славянами остается враждою; достаточно слабой искры, чтобы на Балканах загорелся пожар при условиях, невыгодных для славянства. А эта искра легко вылететь хотя бы из того костра, который представляет ныне Албания и который уже раздувает Австро-Венгрия»³⁸. Конкретный механизм будущей мировой войны Соболевский усматривал во взаимно противоположных стремлениях сербов и северных албанцев³⁹. В том же выпуске «Славянских известий» были опубликованы два рассказа сербского писателя М. Павловича, посвященные «Третьей Балканской войне» между сербами и албанцами — сражению при Васильеваце 2–5 октября 1913 г.⁴⁰

Начало Первой мировой войны помешало дальнейшему развитию внимания русской прессы к сербо-албанскому конфликту. Следует, однако, иметь в виду повышенный интерес и либеральных, и панславистских еженедельников и ежемесячников с конца 1913 до лета 1914 г. к конфликтам внутри Албании и вмешательству в них великих держав, к греко-албанскому, македонскому и греко-турецкому конфликтам.

Сербо-албанская война осени 1913 г. и австро-германский ультиматум Белграду продемонстрировали неспособность Бухарестского мира установить прочные границы на Балканах. Анализ откликов российской печати на данные события показал значительное сходство отрицательных оценок албанского вторжения и его поощрения со стороны Вены у всех политических сил от либералов и национал-демократов до правых панславистов. В целом интерес у панславистских органов печати к балканским делам оставался предсказуемо выше, чем у либеральных (даже П.Б. Струве, к примеру, не отреагировал на сербо-албанский конфликт), но количественно он выражался уже вполне

³⁵ Талетов П. Политика графа Берхтольда // Славянские известия. 1913. № 48 (55). 1 XII. С. 743–745.

³⁶ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1914. № 2. С. 425.

³⁷ Там же. № 2. С. 403–405; 1914. № 1. С. 432–433; № 4. С. 368–372; № 5. С. 389–391.

³⁸ Соболевский А. Россия и Ближний Восток // Славянские известия. 1914. № 10. 15 V. С. 149.

³⁹ А.И.С. [Соболевский А.] События в Албании // Там же. № 11–12. 15 VI. С. 161.

⁴⁰ Из военных рассказов Михаила Павловича: Две черногорки. Аксо Косовец // Там же. С. 174–175.

соизмеримыми показателями («Огонек» по общему количеству балканских материалов в данный период догнал «Дым Отечества»).

Русская образованная общественность после Первой и Второй Балканских войн быстро знакоилась с албанским вопросом. Албанское вторжение в Сербию осенью 1913 г. характеризовалось однозначно негативно, но именно после него русские журналисты и путешественники начали более основательно знакомить читателей с данной темой, неизменно акцентируя внимание на роли австрийского и итальянского влияния в сербо-албанском конфликте.

Отдельный интерес представляет вопрос о наименовании сербо-албанской войны 20 сентября – 25 октября 1913 г. в периодической печати. «Славянские известия» и «Огонек» прямо называли эту войну «Третьей Балканской». «Вестник Европы» характеризовал так еще и едва не начавшуюся греко-турецкую войну, в то время как «Дым Отечества» – австро-сербскую войну (с 28 июля 1914 г.). Янко Лаврин оценил сербо-албанскую войну как третий из четырех этапов балканских военных конфликтов 1912–1914 гг. Русская пресса фактически следовала логике Д. Туцовича, согласно которой «первая балканская война велась за освобождение, вторая – за поддержание равновесия на Балканах, третья... – за стратегические точки в Албании» [Искендеров 2013, 229]. При этом отечественные журналисты рассматривали «Третью Балканскую войну» и последующие албанские восстания как звено в цепи конфликтов, чреватых большой европейской войной, как один из двух (наряду с Ирландией) очагов войны в Европе. Периодическая печать России начала осознавать, что «именно в албанском вопросе накануне Первой мировой войны были сфокусированы основные противоречия как между обоими военно-политическими блоками – Антантой и Тройственным союзом – так и между отдельными государствами, входившими в состав одного и того же альянса» [Там же, 469]. Эти настроения отчасти подпитывались контактами журналистов с русскими дипломатами, особенно А. М. Петряевым и Н. Г. Гартвигом. В результате, как отметила О. В. Павленко в докторской диссертации, «к началу 1914 г. в высших эшелонах власти стала проявляться политическая воля и моральная готовность к большой европейской войне» [Павленко 2023, 471].

Вместе с тем одних только сербо-албанских вооруженных конфликтов осени 1913 – лета 1914 г. было бы недостаточно для формирования в России представлений о неизбежности общеевропейской войны и Балканах как ее спусковым механизме. Подобные тревоги стали реальностью только после реакции русской общественности на внутриалбанские междоусобицы и ряд других пограничных конфликтов на Балканах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Балканская распря: распад Балканского союза и Межсоюзническая война 1913 года в зеркале русской прессы. СПб.: Нестор-История, 2023. 544 с.
- Башмаков А. А. Через Черногорию в страну диких гегов. СПб.: Русско-французская типография, 1913.
- Вестник Европы. СПб., 1913. № 8–12; 1914. №№ 1–7.
- Дым Отечества. СПб., 1913. № 31–52; 1914. №№ 1–27.
- Лаврин Я. В стране вечной войны (албанские эскизы). Пг.: типография Ивановского, 1916.
- Огонек. 1913. №№ 27–52; 1914. №№ 1–30.
- Речь. 1913. № 289–341.
- Славянские известия. СПб., 1913. № 38–39–57; 1914. № 1–11–12.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агансон О.И. Балканы накануне Первой мировой войны: на пути к новому балансу сил // Новая и новейшая история. 2014. № 4. С. 17–31.
- Арш Г.Л. Возрождение Албанского государства // За балканскими фронтами Первой мировой войны. М.: Индрик, 2002. С. 45–57.
- Арш Г.Л. Албания, первый год независимости (по материалам русской печати) // Славяне и Россия: славянские и балканские народы в периодической печати. К 90-летию со дня рождения А.А. Улуныяна: сб. статей. М.: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 279–287.
- Батакович Д.Т. Балканские войны 1912–1913 гг. Сербия и албанский вопрос // Балканы в европейских политических проектах XIX–XXI вв. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2014. С. 61–92.
- Гусев Н.С. Болгария, Сербия и русское общество во время Балканских войн 1912–1913 гг. М.: Индрик, 2020. 518 с.
- Гусев Н.С., Котов Б.С. Введение // Балканская распря: распад Балканского союза и Межсоюзническая война 1913 года в зеркале русской прессы. СПб.: Нестор-История, 2023. С. 9–50.
- Искендеров П.А. Рождение албанского государства // В «пороховом погребе Европы». М.: Индрик, 2003а. С. 430–452.
- Искендеров П.А. Сербия перед покушением на эрцгерцога Франца-Фердинанда // В «пороховом погребе Европы». М.: Индрик, 2003б. С. 508–533.
- Искендеров П.А. Албанский вопрос: от войн Балканских к Первой мировой войне // Славяноведение. 2006. № 1. С. 3–14.
- Искендеров П.А. Сербь и албанцы: исторический опыт взаимодействия // Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянская идентичность – новые факторы консолидации. М.: Институт славяноведения РАН, 2008а. С. 28–43.
- Искендеров П.А. Эссад-паша Топтани // Вопросы истории. 2008б. № 11. С. 49–66.
- Искендеров П.А. Сербо-албанское разграничение и общественно-политическая ситуация в Сербии в 1913–1914 гг. // Человек на Балканах. Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX – начало XX в.). СПб.: Алетейя, 2009. С. 162–188.
- Искендеров П.А. Сербия, Черногория и албанский вопрос в начале XX века. СПб.: Алетейя, 2013. 470 с.
- Искендеров П.А. Российская и европейская пресса о событиях в Албании (конец XIX – начало XX вв.) // Славяне и Россия: славянские и балканские народы в периодической печати. К 90-летию со дня рождения А.А. Улуныяна: сб. статей. М.: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 242–259.
- Корсун Н.Г. Балканский фронт мировой войны 1914–1918 гг. М.: Госвоениздат Наркомата обороны СССР, 1939. 123 с.
- Кострикова Е.Г. Структура внешнеполитической информации в крупнейших газетах России начала XX века (На примере Балканского кризиса конца 1912 года) // Внешняя политика России. Источники и историография. Сборник статей. М.: Ин-т истории АН СССР, 1991. С. 170–181.
- Кострикова Е.Г. Внешняя политика в общественном мнении России накануне Первой мировой войны. 1908–1914 гг. Автореф. дисс. ... д-р ист. наук: 07.00.02. М.: ИРИ РАН, 2011. 55 с.
- Кострикова Е.Г. Геополитические интересы России и славянский вопрос: Идеиная борьба в российском обществе в начале XX века. М.: Кучково поле, 2017. 380 с.
- Котов Б.С. Межсоюзническая война лета 1913 года в восприятии русского общества (по материалам прессы) // Новая и новейшая история. 2015. № 3. С. 101–112.
- Котов Б.С. Политика Австро-Венгрии во время Балканских войн 1912–1913 годов в оценках российской прессы // Новая и новейшая история. 2019. № 4. С. 67–83.
- Котов Б.С. Рождение Албанского государства и русское общество в 1912–1914 гг. (по материалам прессы) // Россия и Балканы: геополитика и общественные связи / отв. ред. Е.П. Кудрявцева. М.: Квадрига, 2022. С. 403–446.
- Краткая история Албании с древнейших времен до наших дней / Г.Л. Арш, Ю.В. Иванова, О.А. Колпакова, Н.Д. Смирнова. М.: Наука, 1992. 510 с.
- Мороз Ю. Русское общество и Антанта в период Балканских войн 1912–1913 гг. // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2004. № 4. С. 73–76.
- Павленко О.В. Славянский фактор в идеологии и внешней политике Российской империи и монархии Габсбургов (1830-е гг. – 1914 г.): дисс. ... д-р ист. наук. М.: РГГУ, 2022. 578 с.
- Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М.: Наука, 1985. 285 с.
- Смирнова Н.Д. История Албании в XX веке. М.: Наука, 2003. 430 с.

- Чепелевская Т.И. Албанцы в «Албанских эскизах» Я. Лаврина (по материалам книги «В стране вечной войны», 1916) // Янко Лаврин и Россия. М.: Институт славяноведения РАН, 2011. С. 69–86.
- Чепелевская Т.И. Янко Лаврин об Албании и албанцах: по материалам книги «В стране вечной войны (Албанские эскизы)» // Независимость Албании в общебалканском контексте: К 100-летию образования Албанского государства. М.: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 181–196.
- Рукопись поступила в редакцию 06.09.2023
 Рукопись принята к печати 04.02.2024

REFERENCES

- Aganson O.I. Balkany nakanune Pervoi mirovoi voiny: na puti k novomu balansu sil. *Novaia i noveishaia istoriia*, 2014, no. 4, pp. 17–31. (In Russ.)
- Arsh G.L. Vozrozhdenie Albanskogo gosudarstva. *Za balkanskimi frontami Pervoi mirovoi voiny*. Moscow, Indrik Publ., 2002, pp. 45–57. (In Russ.)
- Arsh G.L. Albaniia, pervyi god nezavisimosti (po materialam russkoi pečati). *Slaviane i Rossiia: slavianskie i balkanskije narody v periodicheskoj pečati. K 90-letiiu so dnia rozhdeniia A.A. Uluniana: collected papers*. Moscow, Institute of Slavic Studies RAS Publ., 2014, pp. 279–287. (In Russ.)
- Batakovich D.T. Balkanskije voiny 1912–1913 gg. Serbiia i albanskii vopros. *Balkany v evropeiskikh politicheskikh proektakh XIX–XXI vv.* Moscow, Institute of Slavic Studies RAS Publ., 2014, pp. 61–92. (In Russ.)
- Chepelevskaia T.I. Albantsy v “Albanskikh eskizakh” Ia. Lavrina (po materialam knigi “V strane vechnoi voiny”, 1916). *Ianko Lavrin i Rossiia*. Moscow, Institute of Slavic Studies RAS Publ., 2011, pp. 69–86. (In Russ.)
- Chepelevskaia T.I. Ianko Lavrin ob Albanii i albantsakh: po materialam knigi “V strane vechnoi voiny (Albanskije eskizy)”. *Nezavisimost’ Albanii v obshchebalkanskom kontekste: K 100-letiiu obrazovaniia Albanskogo gosudarstva*. Moscow, Institute of Slavic Studies RAS Publ., 2014, pp. 181–196. (In Russ.)
- Gusev N.S. *Bolgariia, Serbiia i russkoe obshchestvo vo vremia Balkanskikh vojn 1912–1913 gg.* Moscow: Indrik, 2020, 518 p. (In Russ.)
- Gusev N.S., Kotov B.S. “Vvedenie”. *Balkanskaia raspria: raspad Balkanskogo soiuza i Mezhsouiznisheskaia voina 1913 goda v zerkale russkoi pressy*. St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2023, pp. 9–50. (In Russ.)
- Iskenderov P.A. Rozhdenie albanskogo gosudarstva. *V «porokhovom pogrebe Evropy»*. Moscow, Indrik Publ., 2003a, pp. 430–452. (In Russ.)
- Iskenderov P.A. Serbiia pered pokusheniem na ertsgerstoga Frantsa-Ferdinanda. *V «porokhovom pogrebe Evropy»*. Moscow, Indrik Publ., 2003b, pp. 508–533. (In Russ.)
- Iskenderov P.A. Albanskii vopros: ot vojn Balkanskikh k Pervoi mirovoi voine. *Slavianovedenie*, 2006, no. 1, pp. 3–14. (In Russ.)
- Iskenderov P.A. Serby i albantsy: istoricheskii opyt vzaimodeistviia. *Slavianskii mir v tret’em tysiacheletii. Slavianskaia identichnost’ – novye faktory konsolidatsii*. Moscow, Institute of Slavic Studies RAS Publ., 2008a, pp. 28–43. (In Russ.)
- Iskenderov P.A. Essad-pasha Toptani. *Voprosy istorii*, 2008b, no. 11, pp. 49–66. (In Russ.)
- Iskenderov P.A. Serbo-albanskoe razgranichenie i obshchestvenno-politicheskaia situatsiia v Serbii v 1913–1914 gg. *Chelovek na Balkanakh. Vlast’ i obshchestvo: opyt vzaimodeistviia (konets XIX – nachalo XX v.)*. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2009, pp. 162–188. (In Russ.)
- Iskenderov P.A. *Serbiia, Chernogoriia i albanskii vopros v nachale XX veka*. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2013, 470 p. (In Russ.)
- Iskenderov P.A. Rossiiskaia i evropeiskaia pressa o sobytiiah v Albanii (konets XIX – nachalo XX vv.). *Slaviane i Rossiia: slavianskie i balkanskije narody v periodicheskoj pečati. K 90-letiiu so dnia rozhdeniia A.A. Uluniana: collected papers*. Moscow, Institute of Slavic Studies RAS Publ., 2014, pp. 242–259. (In Russ.)
- Korsun N.G. *Balkanskii front mirovoi voiny 1914–1918 gg.* Moscow, Gosvoenizdat Narkomata obrony USSR Publ., 1939, 123 p. (In Russ.)
- Kostrikova E.G. Struktura vneshnepoliticheskoi informatsii v krupneishikh gazetakh Rossii nachala XX veka (Na primere Balkanskogo krizisa kontsa 1912 goda). *Vneshniaia politika Rossii. Istochniki i istoriografiia*. Collected papers. Moscow: Institute of history AS USSR Publ., 1991, pp. 170–181. (In Russ.)
- Kostrikova E.G. *Vneshniaia politika v obshchestvennom mnenii Rossii nakanune Pervoi mirovoi voiny. 1908–1914 gg.* Autoreferat of dissertation of doctor in history: 07.00.02. Moscow, Institute of Russian history RAS Publ., 2011, 55 p. (In Russ.)

- Kostrikova E.G. *Geopoliticheskie interesy Rossii i slavianskii vopros: Ideinaia bor'ba v rossiiskom obshchestve v nachale XX veka*. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2017, 380 p. (In Russ.)
- Kotov B.S. Mezhsouznicheskaja voina leta 1913 goda v vospriiatii russkogo obshchestva (po materialam pressy). *Novaia i noveishaia istoriia*, 2015, no. 3, pp. 101–112. (In Russ.)
- Kotov B.S. Politika Avstro-Vengrii vo vremia Balkanskikh vojn 1912–1913 godov v otsenkakh rossiiskoi pressy. *Novaia i noveishaia istoriia*, 2019, no. 4, pp. 67–83. (In Russ.)
- Kotov B.S. Rozhdenie Albanskogo gosudarstva i russkoe obshchestvo v 1912–1914 gg. (po materialam pressy). *Rossii i Balkany: geopolitika i obshchestvennye sviazi*. Ed. by E.P. Kudriavtseva. Moscow, Kvadriga Publ., 2022, pp. 403–446. (In Russ.)
- Kratkaia istoriia Albanii s drevneishikh vremen do nashikh dnei*, by G.L. Arsh, Iu.V. Ivanova, O.A. Kolpakova, N.D. Smirnova. Moscow, Nauka Publ., 1992, 510 pp. (In Russ.)
- Moroz Iu. Russkoe obshchestvo i Antanta v period Balkanskikh vojn 1912–1913 gg. *Belorusskii zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnoshenii*, 2004, no. 4, pp. 73–76. (In Russ.)
- Pavlenko O.V. *Slavianskii faktor v ideologii i vneshnei politike Rossiiskoi imperii i monarkhii Gabsburgov (1830-e gg. – 1914 g.)*: Doctoral Dissertation. Moscow, RSUH Publ., 2022, 578 p. (In Russ.)
- Pisarev Iu.A. *Velikie derzhavy i Balkany nakanune Pervoi mirovoi voiny*. Moscow, Nauka Publ., 1985, 285 p. (In Russ.)
- Smirnova N.D. *Istoriia Albanii v XX veke*. Moscow, Nauka Publ., 2003, 430 p. (In Russ.)

Received on 06.09.2023

Accepted 04.02.2024

Информация об авторе:

Медоваров Максим Викторович

кандидат исторических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник
ННГУ им. Н.И. Лобачевского
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-9921-2219
E-mail: mmedovarov@yandex.ru

Information about the author:

Maksim V. Medovarov

PhD (History), Associate Professor,
Leading Researcher
Lobachevsky State University
of Nizhni Novgorod (UNN),
Nizhny Novgorod, Russian Federation
ORCID ID: 0000-0002-9921-2219
E-mail: mmedovarov@yandex.ru

Славяноведение, 2024, № 3, с. 44–59

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, No. 3, pp. 44–59

DOI: 10.31857/S0869544X24030044, EDN: WZEDGD

Оригинальная статья / Original Article

Балканы или Юго-Восточная Европа: новая концептуализация облика региона (конец XX – начало XXI века)

© 2024 г. Ар.А. Улунян

Институт всеобщей истории Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

draugab345@google.com

Аннотация. Автор анализирует процесс геопространственной диверсификации традиционного историко-культурного Балканского региона в национальных дискурсах ряда балканских стран. Его основу составил поиск новой идентичности в условиях усиления европейской политической ориентации и стремление минимизировать влияние сложившейся негативной оценки Балкан, ассоциируемой в европейской политической традиции с явлением «балканизации». Формулирование концепта нового более широкого политического пространства Юго-Восточной Европы, определение которого появилось еще в начале XIX в., сопровождается дискуссиями как в общественных, так и в академических кругах государств региона по поводу сочетания традиционных культурных и исторических черт идентичности и усиления политической компоненты, определяющей курс на «возвращение в Европу» как выход из так называемого геоисторического балканского тупика. Поиск «географической альтернативы» в условиях современных Балкан приобрел характер резко выраженного противопоставления «традиционных исторических балканских релей» новому тренду европеизации этого региона. В то же время в общественном нарративе продолжает сохраняться в ряде стран балканская самоидентификация, которая соседствует со все более набирающим силу и имеющим более широкий географический охват определением Юго-Восточной Европы. Именно он позволяет подчеркнуть исторические связи балканских народов и их государств с соседними странами, находящимися в «пограничной зоне» между «классической» Европой и ее условной периферией.

Ключевые слова: Балканы, Европа, Юго-Восточная Европа, ментальные карты, «новая политическая география», политический дискурс.

Ссылка для цитирования: Улунян Ар.А. Балканы или Юго-Восточная Европа: новая концептуализация облика региона (конец XX – начало XXI века) // *Славяноведение*. 2024. № 3. С. 44–59. DOI: 10.31857/S0869544X24030044, EDN: WZEDGD

The Balkans or South-Eastern Europe: A New Conceptualization
of the Spatial and Political Image of the Region
(Late 20th – Early 21st Century)

© 2024. Artyom A. Ulunyan

Institute of World History of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

draugab345@google.com

Abstract. The author analyzes the process of geospatial diversification of the traditional historical and cultural Balkan region in the national discourses of a number of Balkan countries. It is based on the search for a new identity in the context of a strengthening European political orientation and the desire to minimize the existing negative image of the Balkans, associated in the European political tradition with the phenomenon of «Balkanization». The formulation of the concept of a new broader political space of South-Eastern Europe, the definition of which appeared at the beginning of the 19th century, is accompanied by the discussions in both public and academic circles in the states of the region regarding the combination of traditional cultural and historical identity traits and strengthening the political component that determines the course towards a «return to Europe» as a way out of the so-called geo-historical Balkan impasse. The search for a «geographical alternative» in the modern Balkans has acquired the character of a sharply expressed contrast between the so-called traditional historical Balkan realities and the new trend of Europeanization of this region. At the same time, the Balkan self-identification continues to be preserved in the public narrative in a number of countries, and it is adjacent to the definition of South-Eastern Europe that is increasingly gaining strength and has a wider geographical scope. It is this that allows to emphasize the historical ties of the Balkan peoples and their states with neighboring countries located in the «border zone» between the so-called classical Europe and its virtual periphery.

Keywords: Balkans, Europe, South-Eastern Europe, mental maps, «new political geography», political discourse.

For citation: *Artyom A. Ulunyan. The Balkans or South-Eastern Europe: a new Conceptualization of the Spatial and Political Image of the Region (late 20th – early 21st Century) // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2024. No. 3. P. 44–59. DOI: 10.31857/S0869544X24030044, EDN: WZEDGD*

Эволюция пространственно-политического образа Балкан во внутри- и внешнерегиональных представлениях на протяжении XVIII–XXI вв. выявила ряд особенностей, главными из которых являлись неопределенность их внешних границ, внутрирегиональное этнополитическое размежевание, социально-политическая и экономическая «отсталость» по сравнению с так называемой классической Европой, высокая степень конфликтогенности не только на региональном уровне, но и в европейском масштабе. Локализация этого пространства определялась в политико-географическом отношении как некое «ориентальное» приращение к Южной Европе, граничащее с частью «настоящей» Европы, в то время как на протяжении всего XIX в. оно воспринималось в большинстве обществ «традиционной» Европы либо как пространство, близкое к Азии, либо как часть Восточной Европы. Само название «Балканы», за которым стоит недостаточно определенный в современном политико-географическом дискурсе с точки зрения его границ регион, продолжает вызывать дискуссии [Варамова 2008], в которых знаковым является обращение к двум группам онтологических корней.

Первая из них имеет местное происхождение и связывается с вошедшим в топонимическую практику названием, данным завоевавшими этот регион османами, которые создали на захваченных ими территориях феномен «двойной топонимики» – речь идет о замене уже существовавших местных названий на турецкие и их параллельном использовании: новых на официальном

уровне, а старых – на бытовом, среди местных народов, захваченных Османской империей. Первоначально существовавшая эллиноязычная версия этого топонима, происходящего из древнегреческой культурно-исторической традиции, дошла до наших дней в виде названия «Χερσόνησος του Αἰῶνου» (дословно: «Полуостров крови»), имеющего мифологическое происхождение и первоначально относившегося к горной гряде, получившей у древних греков название «Кровавый горный хребет» (Οροσειρά του Αἰῶνου).

Вторая группа представлена внешним нарративом, восходящим к некоторым представителям германского¹ и ряда других европейских академических сообществ. Один из них, Иоганн Август Цойне (1778–1853), ввел в 1808 г. в научный оборот понятие «Балканский полуостров» (*Balkanhalbinsel*), когда иерархизировал европейское геопространство, выделив его отдельные регионы. В основу конструкции Цойне были положены горные массивы, и вся картина им основывалась на том, что «главный горный хребет простирается от самого западного мыса Европы – де-ла-Рока на северо-восток, а самая высокая вершина – это вершина Альп, откуда во всех направлениях видны впадины, на запад – Севенны, Пиренеи, Сьерра; на юге – Апеннины, на востоке – Балканы и Карпаты» [Zeune 1808, 24]. Распределение стран в этой системе координат было следующим: «I. Южная Европа. 1) Полуостров Пиренеи – Испания и Португалия; 2) Альпийский полуостров – Италия; 3) Балканский полуостров – Греция; II. Центральная Европа. 4) Карпатская страна – Венгрия с другими славянскими странами; 5) Герциниаланд (введенное Цойне определение. – *Ap.У.*) – Германия с Данией, а также частью Швейцарии и Голландии; 6) Севенненланд (введенное Цойне определение. – *Ap.У.*) – Франция с частью Швейцарии и Голландии; III. Северная Европа. 7) Острова Северного моря – Великобритания; 8) Полуостров Балтийского моря – Швеция с Норвегией; 9) Волхонский край (введенное Цойне определение. – *Ap.У.*) – Россия с Польшей и Пруссией» [Zeune 1808, 32]². Особый интерес представляет в данном контексте его определение пространства Балканского полуострова как заключенного между 32° и 46° восточной долготы, от 35° до 45° северной широты, размером 6000 квадратных миль (около 9656 064 км²), т.е. намного меньше, чем нынешняя территория Греции и Болгарии, и отделенного «от остальной Европы длинной горной цепью Балкан, или бывшей Монс-Альбанус, Скардус, Гемус, которая на северо-западе соединяется с Альпами возле небольшого полуострова Истрия и исчезает двумя рукавами на восток в сторону Черного моря» [Zeune 1808, 54]. В британской географической традиции термин «Балканские горы», давший название региону, окончательно закрепился в 1835 г. [Norris 1999, 10]. Одновременно с этим топонимом в европейской общественной и политической практике использовалось и понятие «Восточная Европа» для обозначения политико-географического пространства, находящегося к востоку от «классической» Европы в привычных для ее жителей границах. Во многом это отразилось на развитии определенных взглядов на события в регионе, доминировавших на протяжении XIX в. в сознании европейских политических элит, став частью географической терминологии европейской и даже российской дипломатии, когда использование вошедшего в понятийный аппарат мировой политики определения «Восточный вопрос»

¹ Подробнее о германоязычной географической традиции в XIX–XX в. см. в [Schultz 2022].

² Таким образом, в соответствии с его классификацией Срединная/Центральная (*Mittleuropa*) Европа состояла из трех основных частей: *Karpatenland*, т.е. карпатских земель (нижняя часть бассейна р. Дунай), *Hercinialand* – «сердцевинных земель» (так называемые традиционные германские земли и весь бассейн р. Рейн) и *Sevennenland* (по названию гор на юго-востоке Франции) [Sinnhuber 1954, 21].

подразумевало, прежде всего, обращение к проблемам, связанным с Балканским полуостровом, Проливами и политикой в отношении Османской империи.

В то же время уже к середине XIX в. начало распространяться новое, сформулированное австрийским дипломатом и этнографом, одним из первых албанологов Иоганном Георгом фон Ханом (1811–1869) (подробнее об этом см. [Gruber 1998]), определение сухопутного геопространства Восточного Средиземноморья и западного Черноморья как Юго-Восточной Европы, охватывающего больший, чем Балканы, регион [Lexikon 2002, 661]³. В определенной степени оно превращалось в альтернативу топониму «Балканский полуостров».

В обоих случаях как местные, так и зарубежные онтологические корни топонимического определения региона обуславливались тремя основными факторами, влиявшими на появление и распространение геопространственного термина, а именно: геоисторический (связавший географическое пространство с исторической памятью или представлениями об историко-культурном наследии); этно-политический (углубленное знакомство с народами региона в момент появления и становления их национальной государственности, что ставило в повестку дня как в академических, так и политических кругах определение этнических и государственных границ отдельных государств, а также вопрос об их связях с Европой); внешнеполитические стратегии местных и зарубежных политических кругов. Одной из первых демонстраций сочетания всех этих факторов стала концепция чешского слависта и болгариста К. Иречка (1854–1918), бывшего в 1881–1882 гг. министром просвещения Болгарии. В соответствии с ней по Балканам проходила условная линия, получившая позже его имя, от албанского г. Лачи к г. Сердика (ныне г. София), затем вдоль Балканских гор к городам Варна и Констанца, на протяжении длительного периода с момента завоевания Греции Римской империей и до разделения этой империи на Западную и Восточную; часть этого пространства находилась в зоне распространения латыни, а другая – в зоне распространения греческого языка (подробнее см. [Jireček 1911]). Эта, на первый взгляд, прежде всего лингвистическая концепция в действительности имела более глубокий смысл, так как объективно касалась в исторической ретроспективе культурно-политического вопроса о принадлежности каждой из частей этого обширного пространства так называемым традиционным Западу и Востоку. Концептуализация геоисторических и этнополитических моделей формирования ряда балканских (юго-восточноевропейских) этносов приобрела характер официальных государственных доктрин в ряде коммунистических государств в 60–70-е годы XX в. [Улунян 2019].

В то же время эволюция темы Балкан как «исторического региона» в академическом и общественном дискурсе как на «местном» уровне в самих балканских странах, так и за пределами самого этого пространства была похожа на обсуждения специфики других европейских регионов [Troebst 2010]. Здесь надо отметить дискуссию в европейских странах бывшего Восточного (коммунистического) блока, имевшую не только культурно-историческое, но во многом и политическое содержание, о терминах «Восточная» и «Центральная» Европа [Миллер 2006]. Параллельное сосуществование топонима «Балканы» и географического определения «Юго-Восточная Европа» в последующие десятилетия, вплоть до конца 80-х – начала 90-х годов XX в., при доминировании первого из них в политическом и общественном нарративах и практике

³ В 2016 г. вышло второе расширенное издание этого академического справочника.

международных отношений, начало претерпевать серьезные изменения. Причиной этого процесса стали трансформации политической географии (появление новых государств и, соответственно, новых границ) и общественно-политического развития большинства стран региона, начавшиеся с завершением холодной войны. Именно в это время геопропространственный концепт «Балканы» стал подвергаться стремительной радикальной диверсификации, а на национальном уровне в ряде посткоммунистических государств активизировались дискурсы, основным содержанием которых было объяснение негативных тенденций в их общественно-политическом развитии и международном положении, обусловленных геопропространственной исторической принадлежностью [Улуян 2016].

Параллельно с трансформацией пространственно-географического понятия так называемой Восточной Европы (имеющей негативную политическую коннотацию) и появлением нового подхода к региону в рамках более масштабного геопропространственного концепта Центрально-Восточной Европы начал проявляться взгляд на Балканы как на регион в контексте устремлений собственно Балканских государств и восприятия этого региона европейскими странами. Фактически это было отражением как внутривнутриполитических процессов в обществах балканских государств, так и изменений в геостратегическом восприятии бывших «старых регионов» евроатлантическим сообществом, ведущую роль в котором с точки зрения формулирования новых подходов играли его конкретные члены из числа стран, имевших либо глобальное, либо региональное видение перспектив трансформаций традиционных геопропространственных массивов.

Появление так называемых ментальных карт «новой политической географии» (подробнее об этом феномене см. [Улуян 2009]), обусловленной определенной представленческой геоисторической, геотнической и экономическо-стратегической парадигмой, стало с середины 90-х годов XX в. проявлением в более широком смысле изменений политической карты мира и выражением запроса на новое восприятие действительности, что было предопределено необходимостью новой конфигурации регионов. Формулирование как прикладных, так и «дискурсивных» концепций Большого Ближнего Востока, Большой Центральной Азии, проекта Средиземноморского диалога, Союза для Средиземноморья, «Инициатива трех морей» («Балто-Адриатико-Черноморская инициатива»), Балто-Скандии и «Голубой родины» имело для их авторов прагматическое значение. Применительно к Балканскому региону, традиционно воспринимаемому на протяжении столетия в европейской общественно-политической традиции как конфликтогенный и являющийся одновременно «мягким подбрюшьем Европы», процесс «редактирования» этого образа проходил во второй половине 90-х годов XX в. параллельно как на академическом, так и международном политическом уровне в условиях развивавшегося «югокризиса» и появления новых государств на постъюгославском пространстве. В первом, академическом, случае знаковым стало появление в 1997 г. книги «Воображая Балканы» известной американской исследовательницы болгарского происхождения М. Тодоровой [Todorova 1997]⁴. Основной целью работы была попытка развенчания сложившихся стереотипов о Балканах, созданных в Европе, и обладавших негативной коннотацией терминов «балканизм» и «балканизация», что имело немало аналогий

⁴ Степень значимости работы была подтверждена ее переводом на основные европейские языки и все языки балканских государств. Книга многократно переиздавалась на английском и болгарском языках.

с изданной в 1978 г. работой известного американского исследователя арабского происхождения Э. Саида «Ориентализм», целью которой являлось развенчание негативного образа Востока, созданного во «внешнем мире» [Said 1978]. Параллельно с этим процессом ряд ученых из стран региона, в частности болгарские и сербские, оказались инициаторами дискурса в защиту балканской геоисторической субъектности. Среди них, в частности, известный сербский историк М. Йованович, отметивший, что, когда дело доходит до концепции, следует разделять Балканы как полуостров и «как термин, обозначающий пространственно-идентичные черты» [Рафаиловић 2014, 76]. Аргументация в пользу европейской принадлежности Балкан, существующая в сербском академическом нарративе, одновременно соседствует с объяснением причин отказа от нее, что достаточно точно сформулировал академик Д. Семеуневич: «Насколько бесспорно то, что географический термин “Балканы” является неотъемлемой частью Европы, так же бесспорно и то, что название “Балканы” и прилагательное “балканский”, а также другие производные от него слова, такие как термин “балканизация”, в остальной Европе используются с уничижительным подтекстом» [Ракић 2018]. В то же время, обращаясь к новой диверсификации Балкан, он отметил, что «если термин “Западные Балканы” призван подчеркнуть отличие от остальной Европы, а также от остальной части Юго-Восточной Европы, то вместе с различием мы должны думать и о сходстве» [Там же]. Сторонники и защитники балканской идентичности в сербском нарративе подчеркивают значимость Балкан как культурного субконтинента Европы [Грић 2005]. Аналогичный тренд существует в албанском (косовском) академическом дискурсе, когда албанская идентичность рассматривается через призму балканского единого культурно-исторического пространства [Ismajli 2005].

В свою очередь ряд представителей академического сообщества Хорватии, в частности К. Лукетич, обратили внимание на разделение географии и мифологемы Балкан, порожденной их субъективным восприятием [Luketić 2013], а также на важный аспект балканской идентичности южных славян и процесс ее изменения [Sarić 2004].

Румынский кейс балканского дискурса также испытал влияние как общих политических условий, сложившихся после падения коммунизма, так и этно-исторического аспекта, имевшего непосредственное отношение к формулированию концепта этногенеза румын [Grosaru 2013]. В этой связи ряд исследователей буквально в то же время, когда была опубликована работа М. Тодоровой, обращаясь к теме позиционирования Румынии в культурно-политическом геопространстве, утверждали, что «интеграция Румынии в международную систему и “возвращение в Европу” – два лозунга амбициозных, но непроверенных румынских реформаторов» [Gallagher 1997, 63]. В самих интеллектуальных кругах Румынии один из «патриархов» румынской мысли, человек со сложной политической судьбой Н. Джуvara [A murit istoricul Neagu Djuvara 2018] в самой теме (не)балканской принадлежности Румынии увидел отчетливое проявление несправедливого отношения к Балканам внешних наблюдателей, игнорировавших ту череду испытаний, которые пришлось пережить народам полуострова, подвергнувшимся завоеваниям, и подчеркивавших именно негативные черты «балканизма». Одновременно Н. Джуvara, в частности, обратил внимание на спорность самого определения границ Балкан, что во многом, по его мнению, было обусловлено преимущественным использованием этого

геотопонима в мировой практике со времен введения его в европейскую традицию германскими географами [Djuvara 2010]⁵.

В свою очередь некоторыми болгарскими историками предпринимались попытки расширить понимание Балкан как региона [Mishkova 2012] и, отказавшись от негативных коннотаций «балканизма», подчеркнуть его важность при определении региональной идентичности, что нашло отражение, в частности, в более поздней работе Д. Мишковой «За пределами балканизма: Научная политика создания регионов», изданной в 2018 г. [Mishkova 2018]⁶.

Наиболее драматичен по своему содержанию как на политическом уровне, так и в академическом дискурсе хорватский взгляд, отвергающий локализацию этой страны на Балканах в силу объективных, как особо подчеркивалось в данной связи, причин. Весьма образно и достаточно точно этот процесс был охарактеризован самими хорватскими учеными, отметившими, что «“Балканы”, будь то неопределенный географический регион Европы или словосочетание, заключающее в себе крайне негативный подтекст, — это то, с чем все хорватские политические круги не желают идентифицироваться, но из-за комплекса культурных, исторических, социальных, лингвистических и этнических связей, которые хорватские земли имеют с юго-восточными соседними странами, с трудом отделяются от них. Таким образом, попытки хорватских политиков откинуть это понятие от Хорватии, отбросить его в сторону своих соседей и уйти от него в безопасное место с помощью таких понятий, как “Центральная Европа”, “Средиземноморье” или “Мост между Европой и Балканами”, не только становится трудно защищать, когда они сталкиваются с различными моментами из прошлых и нынешних реалий Хорватии — они привязывают Хорватию к тем же балканским стереотипам, которые политический дискурс желает проецировать на других» [Stopić 2020, 164].

Процесс дебалканизации ментальной карты исторического геопространства и его «европеизации» отмечался, в свою очередь, греческими исследователями, обращавшими внимание на то, что Балканы, хотя и перестали быть «пороховым погребом», тем не менее не стали примером стабильности и начавшаяся их трансформация в Юго-Восточную Европу представляла собой часть более глубокого процесса, чем лишь попытка смены геотопонима⁷. Одновременно само понятие «Балканы» в греческом академическом дискурсе (что, вероятно, отражало и восприятие их на уровне греческого национального общественного сознания) иногда отождествлялось с понятием «Юго-Восточная Европа», свидетельством чего могло быть их одновременное использование, как это произошло, например, с названием сборника статей «Балканы, большая буря. Юго-Восточная Европа вчера и сегодня, ретроспектива» [Βαλκάνια, η μεγάλη τρικυμία. 2018]. Довольно часто на официальном уровне в современной греческой традиции наблюдается синонимизация Балкан и Юго-Восточной Европы⁸.

На международном уровне процесс формулирования выхода из «геоисторического тупика» так называемого балканизма нашел отражение в поисках

⁵ Эта статья впервые появилась в апреле 1997 г. в журнале «Dilema». Ее перепечатка в 2010 г. свидетельствовала об актуальности для Румынии затронутой темы.

⁶ Примечательна в данной связи рецензия, опубликованная в албанской прессе под названием «Наследие “балканизма” заслуживает нового взгляда» — она подчеркивала именно положительные характеристики этого феномена как элемента региональной и даже этнической идентичности [Junes 2019].

⁷ Одной из работ, посвященных этой теме, был сборник статей «От Балкан до Юго-Восточной Европы. Вызовы и перспективы XXI века», изданный в 2011 г. греческими исследователями [Αλό τα Βαλκάνια στη Νοτιοανατολική Ευρώπη 2011].

⁸ См., например [Π. Μαρινάκης 2023].

альтернативы Балканскому геопространству в общественно-политическом дискурсе стран региона и в подчеркивании факта «возвращения» их народов в Европу. На первом этапе этого процесса произошло формирование нового геопространства Балкан в явном внешнеполитическом контексте, что проявилось в появлении геотопонима Западных Балкан, объединяющих бывшие республики Югославии, а ныне независимые государства, с исключением из их числа Словении и Хорватии, но с подключением Албании⁹. В определенной степени это происходило аналогично тому, как концептуализировался геопространственный проект Большой Центральной Азии, куда наряду с бывшими советскими республиками Средней Азии и Казахстаном был отнесен и Афганистан. Но в отличие от этого расширительного толкования центральноазиатского региона конструирование Западных Балкан было, наоборот, призвано подчеркнуть диверсификацию Балканского политического геопространства, причем не в противопоставлении пока еще не столь активно применявшемуся термину «Юго-Восточная Европа», подразумевавшему более широкое пространственное содержание. Таким образом, сама геопространственная структура Балкан оказалась фрагментирована сразу в двух смыслах. Во-первых, с появлением Западных Балкан не появились одновременно Восточные, и, во-вторых, остался нерешенным вопрос о соотношении Западных Балкан с географическим понятием Юго-Восточная Европа. Во многом сам европейский тренд устремлений Балканских государств, реализовывавшийся в странах региона на фоне общенациональных дискурсов относительно степени «европейскости» их обществ и попыток найти историческую аргументацию, объясняющую негативные аспекты их развития, оживил обращение к ретроконцептам. В Албании свидетельствами этого стали дискуссии в академических и интеллектуальных кругах о «Линии Феодосия I», в Болгарии — недолгие и практические маргинальные, а затем вообще деактуализированные обращения отдельных представителей интеллектуальных кругов к «Линии Иречка» с усилением философской экспликации концепции балканизма. В Греции же, несмотря на часто используемое определение «*Χερσόνησο του Αίμου*» («Полуостров крови») применительно ко всем Балканам, последний геотопоним тем не менее продолжает доминировать в языковой и политической традиции, хотя при этом на общественно-политическом и внешнеполитическом уровне делается акцент именно на европейско-средиземноморскую принадлежность страны и ее соответствующие внешнеполитические проекции. В Турции, помимо идеологических построений анатолизма [Улунян 2014], тюркизма в сочетании с исламом, проявились тенденции позитивной актуализации мифоконструкта османизма, подчеркивавшего в утилитарно-прагматических целях близость Турции и балканских государств, являвшихся ранее частью Османской империи; появился там также и средиземноморско-черноморский геопространственный конструкт «Голубой родины» (*Mavi Vatan*) [Улунян 2021], в данной версии формируется балкано-средиземноморский концепт позиционирования страны. В Румынии,

⁹ Сомнительным и явно политизированным выглядит утверждение В.В. Пушкаревой о том, что «сам термин Западные Балканы появился в конце 90-х годов XX в., когда исчерпал себя региональный подход в целом к Юго-Восточной Европе» [Пушкарева 2022, 92]. В действительности «конкуренция» между концептами Балкан и Юго-Восточной Европы при явно негативном восприятии первого из них в мировом общественном мнении, а также утилитарно-политический и экономический подходы в региональной политике Европы, привели к появлению геополитонима «Западные Балканы», который как самостоятельный конструкт стал переходным этапом к более широкому пространству Юго-Восточной Европы.

где на протяжении 60–80-х годов XX в. частью официальной идеологии коммунистического режима были концепты протохронизма и дако-римского наследия, в общественно-политическом и академическом нарративе усилились настроения в пользу юго-восточноевропейского позиционирования страны.

В то же время параллельно с процессом условной «дефрагментации» Балкан происходил процесс усиления юго-восточноевропейской консолидации. Примечательным в данном контексте было создание в 1996 г. по инициативе Болгарии региональной межправительственной организации «Процесс сотрудничества в Юго-Восточной Европе» (ПСЮВЕ) (*The South-East European Cooperation Process – SEECP*), в которую вошли все балканские страны, включая частично признанное Косово, а также Словения, Хорватия и Молдова. Ее усилению во многом способствовала образованная при поддержке Европейского Союза и США межправительственная организация «Инициатива сотрудничества Юго-Восточной Европы» (*SECI, The Southeast European Cooperative Initiative*), включившая как «традиционные» балканские страны, так и те, которые либо «отказались» от балканского геопространственного наследия, либо вообще не входили в Балканский регион: Албанию, Боснию и Герцеговину, Болгарию, Хорватию, Грецию, Венгрию, Молдову, Северную Македонию, Румынию, Словению, Сербию, Турцию и Черногорию. Помимо этого, в число наблюдателей SECI вошли Австрия, Азербайджан, Бельгия, Канада, Франция, Грузия, Германия, Италия, Япония, Нидерланды, Португалия, Испания, Косово, Украина, Великобритания, США и ряд международных организаций.

К середине нулевых годов XXI в. политическое «картографирование» так называемого мягкого подбрюшья Европы начало претерпевать серьезные изменения как ввиду продолжавших сохраняться в мировом (и прежде всего европейском) общественно-политическом дискурсе крайне негативных коннотаций в отношении геотопонима «Балканы», так и в силу того, что продолжал сохраняться дискуссионность вопрос о его границах – при том, что назрела политическая, экономическая, магистрализационная необходимость более широкого подхода к геомаассиву, включающему и те государства, которые в силу своего расположения имеют непосредственную связь с Балканами. В этих условиях происходило формирование законченного европейского геопространственного конструкта с объемными географическими массивами, частью которого становилась исключительно географически определяемая локализация – Юго-Восточная Европа, граничащая с другой частью европейского конструкта – Центрально-Восточной Европой и создающая общеевропейский геопространственный комплекс наравне с его Северной, Западной и Южной частями.

Особенности национального нарратива конца XX – начала XXI в. в обществах балканских государств выявили общие черты в объяснении необходимости «новой политической географии», что одновременно создавало своеобразное противоречие между сложившейся геоисторической идентичностью и новым пространственно-политическим европейским ориентиром. В свою очередь, примечательно, что инициатива Европейского Союза от 1999 г. была названа Пактом стабильности для Юго-Восточной Европы, а интернет-газета «*Balkan Times*», спонсировавшаяся Европейским командованием Вооруженных сил США, была переименована в «*Southeast European Times*» в 2002 г.¹⁰

Концептуализация проекта «Юго-Восточной Европы», приходящей на смену исторически сложившемуся, хотя и со спорно-неопределенными

¹⁰ В марте 2015 г. она прекратила существование.

географическими границами и существующими в дискурсивных практиках негативными коннотациями Балканскому региону, стала очевидным выходом из своего рода геоисторического тупика, носило в определенном смысле примирительный характер, так как этот геотопоним призван, с одной стороны, минимизировать историческую память о конфликтном характере Балкан, а с другой стороны, подчеркнуть европейскость и расширительное толкование этого пространства, являющего частью более широкого — общеевропейского. В национальных дискурсах, однако, это не создало понятийного единства, что нашло отражение как в академическом дискурсе, так и на официальном уровне. В частности, в соответствии с румынским нарративом, в Юго-Восточную Европу вошли Албания, Босния и Герцеговина, Болгария, Кипр, Хорватия, Греция, Косово, Северная Македония, Молдова, Черногория, Румыния, Сербия, Словения и европейская часть современной Турции. Одновременно в нем проявилась своя особенность с определением места Республики Молдова в регионе. Взгляд на Молдову, принимающий во внимание этногенез румын, исходящий из культурно-языковой общности румын и молдаван, позволяет включить ее в Юго-Восточную Европу. Если же ставить во главу угла вхождение Бессарабии в прошлом в Российскую империю, а затем в Советский Союз, напрашивается вывод о ее принадлежности к Восточной Европе. Сама трактовка Юго-Восточной Европы в ее румынском нарративе носит настолько расширительный характер, что наряду с вышеупомянутыми странами позволяет включить в него всю Турцию и даже юго-западный регион Российской Федерации и Грузию [Gruber 1998, 52]. В свою очередь, концептуализация Юго-Восточной Европы в северо-македонском нарративе трактуется в другой конфигурации и в нее включаются в качестве основных членов Албания, Босния и Герцеговина, Болгария, Греция, Северная Македония, Сербия, Хорватия, Черногория, потенциально — Кипр, Молдова, Румыния, Словения, Восточная Фракия, являющаяся частью современной Турции, и полупризнанное Косово. Есть также два «условных» члена — Приднестровье и Северный Кипр. В этой иерархии государственных компонентов, составляющих регион, помимо географического фактора отчетливо прослеживается и политическая составляющая с особой правовой коллизией, связанной с непризнанностью обоих «условных» членов на международной арене. На официальном уровне, однако, существует еще одна интерпретация Юго-Восточной Европы, которая, по сути, отождествляется с Западными Балканами, выступая их синонимом¹¹. Это иерархизация пространства Юго-Восточной Европы проявляется и в болгарском нарративе, принявшем официальную форму в структуре МИД Болгарии, где имеются подразделения, занимающиеся странами этого региона. Согласно официальным болгарским представлениям, помимо самой Болгарии в регион входят Албания, Босния и Герцеговина, Греция, Кипр, Румыния, Северная Македония, Словения, Сербия, Турция, Хорватия, Черногория.

В свою очередь, в албанском нарративе существует отличная от нарративов соседних народов геопространственная иерархия распределения регионов Балкан, Юго-Восточной и Южной Европы. На уровне общественного и политического дискурса нередко происходит отождествление Балкан с Юго-Восточной Европой, в связи с чем в состав последней, по этой версии, входят Албания, Босния и Герцеговина, Болгария, Кипр, Черногория, Греция, Хорватия, Северная Македония, Косово, Сербия и европейская часть современной

¹¹ См. заявление Министра иностранных дел Республики Северная Македония Б. Османи [Османи 2021].

Турции, т.е. практически все балканские государства и территории. В то же время и в контексте создания «расширительного» геопространственного конструкта, в котором Албания рассматривается как вполне легитимная его часть, имеющая прямое отношение к «классической» Европе, наибольшее внимание уделяется более масштабному сухопутно-морскому массиву Южной Европы. В соответствии с этой концепцией, последняя рассматривается как часть европейского континента с бассейном Средиземного моря и включает три полуострова — Пиренейский, Апеннинский и Балканский, который соответственно по своей значимости приравняется к первым двум, «классическим» в общепринятой европейской иерархии. Особо следует отметить, что Южная Европа представляет собой более широкое пространство, чем так называемая Средиземноморская, включающая лишь государства и территории средиземноморского побережья. В состав Южной Европы входят Португалия, Испания, Андорра, Италия, Сан-Марино, Мальта, Ватикан, Хорватия, Словения, Босния и Герцеговина, Албания, Косово, Северная Македония, Сербия, Черногория, Греция, южная часть Франции, Монако, европейская часть современной Турции и Болгария. Таким образом концепт «Юго-Восточной Европы» оказался в албанском нарративе в «тени» конструкта Южной Европы.

Совсем иную картину представляет греческий нарратив Юго-Восточной Европы, который тесно связан с балканским геопространственным конструктом и фактически отождествляется с ним с небольшой «редактурой», во многом обусловленной дискуссионностью принадлежности ряда стран и территорий к Балканам с точки зрения как внешних наблюдателей, так и официально провозглашаемых в этих странах концепций их принадлежности к определенным частям Европы. Утверждение о том, что Юго-Восточная Европа включает в основном балканские государства, делается с некоторой оговоркой при упоминании ряда государств, и картина региона в «греческой версии» выглядит так: Албания, Босния и Герцеговина, Болгария, Хорватия, Греция, Северная Македония, Черногория, Румыния, Сербия, а также, при определенных условиях, Словения, Италия, Турция, Молдова и Кипр. В греческой версии, в соответствии с непризнанием на официальном уровне Республики Косово, она не упоминается среди членов этого геопространственного конструкта. Доминирование принципа физической географии, в которой Балканы в границах прежде всего Балканского полуострова выступают в роли «сердцевины» региона, во многом обуславливая его наполнение.

Исключением в ряду национальных нарративов Юго-Восточной Европы является сербский, в соответствии с которым подчеркивается применение термина Юго-Восточная Европа как синонима Балкан именно с точки зрения актуализации его политического содержания (во многом из-за негативных коннотаций, связанных с последними). В соответствии с этой точкой зрения регион включает в себя следующие страны: Албанию, Сербию, Боснию и Герцеговину, Болгарию, Грецию, Северную Македонию, Румынию, Хорватию и Черногорию. Наряду с использованием определения «Балканы» термин «Юго-Восточная Европа» постепенно становится частью общественного и академического дискурсов при обсуждении как региональных, так и национальных проблем, а также начинает активно использоваться на официальном уровне в рамках сотрудничества Сербии с европейскими структурами.

В определенной степени близким по противоречивости, но не по содержанию, является хорватский нарратив Юго-Восточной Европы. С одной стороны, в нем утверждалось, что ее геопространство охватывало территорию к югу

и востоку от Паннонской равнины, окруженную частями Адриатического, Ионического, Эгейского, Мраморного и Черного морей, и включало Албанию, Боснию и Герцеговину, Болгарию, Черногорию, Грецию, Косово, Румынию, Северную Македонию и Сербию, а также при определенных условиях Кипр, Молдову, Восточную Фракию как часть современной Турции и юг Бессарабии как часть Украины. С другой – на официальном уровне, хотя в политическом дискурсе Хорватия выступает как составная часть Юго-Восточной Европы, одновременно в политико-географическом смысле подчеркивается ее принадлежность центральноевропейскому и средиземноморскому пространствам. Примечательным в данном контексте становится боснийский нарратив Юго-Восточной Европы. В нем подчеркивается постепенный отказ от «скомпрометировавшего» себя геотопонима Балканы. Более нейтральный термин «Юго-Восточная Европа» постепенно начинает его заменять в терминологическом отношении, но при этом не является географическим понятием, поскольку по боснийской версии в Юго-Восточную Европу включаются Румыния и Украина.

Однако наиболее детально определение Юго-Восточной Европы проработано в словенском нарративе, что во многом связано с позиционированием этой бывшей югославской республики, а ныне независимого государства как прежде всего связанного именно с европейской идентичностью. В этом контексте становится понятна амбивалентность дефиниции этого пространства в новейшей традиции словенского как академического, так и общественно-политического дискурса, когда оно выступает в роли «географического субрегиона Европы», основную часть которого составляют Балканы и ряд соседних с ними регионов. Причисляя однозначно ряд государств (а именно: Албанию, Боснию и Герцеговину, Косово, Черногорию, Северную Македонию и Сербию) к числу находящихся в Юго-Восточной Европе, словенский нарратив выделяет несколько стран, которые имеют «альтернативное» позиционирование – будучи частью юго-восточноевропейского пространства, они одновременно входят и в другие регионы. Таковыми считаются Словения и Хорватия, являющиеся частью Центральной Европы, Молдова как часть Восточной Европы, Кипр как входящий в Западную Азию, Греция как член более широкого региона Южной Европы, европейские территории современной Турции, являющиеся также частью «широкой» Южной Европы, но одновременно входящие вместе с остальными частями Турции в Западную Азию. При этом в самом словенском нарративе Словения рассматривается либо как форпост на границах Юго-Восточной Европы, либо как мост между ней и другими ближайшими регионами¹².

Парадокс складывавшейся на протяжении последних десятилетий ситуации с позиционированием балканских стран в системе геопространственных

¹² Суть проблемы восприятия собственной политико-географической идентичности словенским обществом достаточно точно сформулировал словенский ученый-географ профессор А. Госар: «Несколько десятилетий назад словенские географы были недовольны тем, что видные авторы и профессиональные издания отнесли территорию Словении в Югославию (вместе с другими коммунистическими странами) к Восточной Европе. После обретения независимости мы были недовольны тем, что во многих учебниках географии территория нашей страны по-прежнему включалась в Юго-Восточную Европу. Дискомфорт в профессии вызывает то, что англосаксонская география помещает нас (вместе с венграми, чехами, словаками и поляками) в область называемой Восточно-Центральная Европа. Этим они хотят подчеркнуть коммунистическое наследие, а также трудный и долгий путь перехода к демократии и рыночной экономике всех упомянутых стран. Было бы более «близко нашему сердцу» разместиться в Центральной Европе, где мы были бы в компании немцев, австрийцев и швейцарцев. Но нас, конечно, радует, что Словения никогда не встречается в списке стран региона Западных Балкан (современная политико-пространственная конструкция)» [Gosar 2007, 14].

координат изменившейся после холодной войны и распада Югославии политической географии, включая поиск смыслового «обеспечения» новых реалий, заключался в стремлении занять свое место в объединенной Европе. Новая политическая география оказалась альтернативой старой традиционной культурно-исторической принадлежности к скомпрометировавшему себя топониму «Балканы». В то же время интерпретация содержания более широкого геопространства Юго-Восточной Европы, призванного объединить на уровне региона большее количество государств, так и не смогло минимизировать свою балканскую составляющую и дало основания для дискуссий о принадлежности конкретных стран к юго-восточноевропейскому конструкту. Таким образом, европейский вызов и запрос на то, чтобы стать частью Европы (вернуться в Европу) сталкивается с особенностями национальной исторической памяти и существующего геополитического образа.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

МИД – Министерство иностранных дел.
США – Соединенные Штаты Америки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гришић М.* Балкан као културни субконтинент Европе // Гласник Српског географског друштва – Bulletin de la Société serbe de géographie. 2005. Т. 85. № 1. С. 209–218.
- Миллер А.И.* «Новая» Восточная Европа: политика и геополитика // Россия и современный мир. 2006. № 3. С. 23–42.
- Османи: Западен Балкан или како што повеќе сакам да го именувам Југоисточна Европа не е изолан остров туку е во срцето на Европа // Денешен весник, 28.10.2021. URL: <https://denesen.mk/osmani-zapaden-balkan-ili-kako-shto-povekje-sakam-da-go-imenuvam-jugoistocna-evropa-ne-e-izoliran-ostrov-tuku-e-vo-srceto-na-evropa/> (дата обращения: 01.10.2023).
- Пушкарева В.В.* Западные Балканы в русле политики атлантизма // Вестник Удмуртского Университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2022. Т. 6. Вып. 1. С. 91–103.
- Ракић Ж.* Нико у Европи не жели да буде Балкан. Разговор недеље: проф. др. Драган Симеуновић // Политика, 25.11.2018. URL: <https://www.politika.rs/scc/clanak/416552/Niko-u-Evropi-ne-zeli-da-bude-Balkan> (дата обращения: 01.10.2023).
- Рафаиловић Ј.* Мирослав Јовановић: страживати, писати и промишљати Балкан // Годишњак за друштвену историју. 2014. № 2–3. С. 75–84.
- Улуњан Ар.А.* Новая политическая география: перереформируя Евразию, историзированные зарубежные геоконцепты, конец XX в. – начало XXI в. М., Институт всеобщей истории РАН, 2009. 302 с.
- Улуњан Ар.А.* Общественно-политический турецкий дискурс «геоисторического конструирования» во внешнеполитической мысли современной Турции // Историческая география / отв. ред. И.Г. Коновалова. М.: Аквилон, 2014. Т. 2. С. 389–436.
- Улуњан Ар.А.* «Линия Феодосия I»: Историческая география в современной албанской общественно-политической публицистике // Историческая география / отв. ред. И.Г. Коновалова. М.: Аквилон, 2016. Т. 3. С. 385–405.
- Улуњан Ар.А.* Геоисторические компоненты этнополитических концепций в идеологических доктринах коммунистических режимов Румынии, Болгарии и Албании (конец 60-х – 70-е годы XX в.) // Историческая география / отв. ред. И.Г. Коновалова. М.: Аквилон, 2019. Т. 4. С. 368–391.
- Улуњан Ар.А.* Геостратегический конструкт «Голубая родина» (Mavi Vatan) в контексте общей традиции геоисторических концептов Турецкой республики // Историческая география / отв. ред. И.Г. Коновалова. М.: Аквилон, 2021. Т. 5. С. 276–296.
- А murit istoric al Neagu Djuvara, unanim recunoscut drept unul dintre cei mai importanti intelectuali romani. De la istorie si diplomație la jurnalism si sport, o personalitate complex // Mediafax.ro, 25.01.2018. URL: <https://www.mediafax.ro/social/a-murit-istoricul-neagu-djuvara-una-dintre-cele-mai-indragite-personalitati-ale-romaniei-16959230> (дата обращения: 01.10.2023).

- Baramova M.* Two Hundred Years on the Road: The Term «Balkan Peninsula» (1808–2008) // H/SOZ/ KULT. Kommunikation und Fachinformation für die Geschichtswissenschaften. 2008. URL: <https://www.hsozkult.de/event/id/event-59990> (дата обращения: 01.10.2023).
- Djuvara N.* Sintem ori nu în Balcani? // Dilema veche, 21.04.2010. URL: <https://dilemaveche.ro/sectiune/dileme-on-line/sintem-ori-nu-in-balcani-610077.html> (дата обращения: 1.10.2023).
- Gallagher T.* To Be or Not to Be Balkan: Romania's Quest for Self-Definition // Daedalus. 1997. Vol. 126. No. 3. P. 63–85.
- Gosar A.* Slovenija v Jugovzhodni Evropi: evropska trdnjava ali mostišče? // Geografski obzornik. 2007. Let. 54. Št. 1. S. 14–17.
- Grosaru F.-E.* Europa de Sud-Est: complexul regional de securitate european în care se perpetuează conflicte înghetate, Editura Centrului Tehnic-Editorial al Armatei, București: Editura Centrului Tehnic-Editorial al Armatei [CTEA], 2013. 196 p.
- Gruber S.* Austrian Contributions to the Ethnological Knowledge of the Balkans Since 1850 // Ethnologia Balkanica. 1998. No. 2. P. 209–224.
- Ismajli R.* Studime për historinë e shqipërisë në kontekst Ballkanik. Prishtinë: Akademia e shkencave dhe e arteve e Kosovës, 2015. 547 f.
- Jireček K.* Geschichte der Serben. Erster Band (bis 1371). Gotha: Friedrich Andreas Perthes. 1911. 478 s.
- Junes T.* Trashëgimia e «Ballkanizmit» meriton një vështrim të ri. 09.04.2019//Reporter.al. URL: <https://www.reporter.al/2019/04/09/trashegimia-e-ballkanizmit-meriton-nje-veshtrim-te-ri/> (дата обращения: 01.10.2023).
- Lexikon zur Geschichte Südosteuropas. Hösch E., Nehring K., Sundhaussen H. (Hrsg.) Stuttgart: Böhlau / UTB, 2002. 770 s.
- Luketić K.* Balkan: od geografije do fantazije. Zagreb: Algoritam, 2013. 464 p.
- Mishkova D.* The Politics of Regionalist Science: The Balkans as a Supranational Space in Late Nineteenth to Mid-Twentieth Century Academic Projects // East Central Europe. 2012. Vol. 39. P. 266–303.
- Mishkova D.* Beyond Balkanism: The Scholarly Politics of Region Making. Abingdon: Routledge, 2018. 282 p. DOI:10.4324/9781351236386.
- Norris D.* In the Wake of the Balkan Myth. Questions of Identity and Modernity. London: Palgrave Macmillan, 1999. 182 p.
- Said E.* Orientalism. New York: Pantheon Books, 1978. 368 p.
- Sarić L.* Balkan Identity: Changing Self-Images of the South Slavs // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 2004. Vol. 25. No. 5–6. P. 389–407.
- Schultz H.-D.* Raumkonstrukte der klassischen deutschsprachigen Geographie des 19. // Geschichte und Gesellschaft. 20. Jahrhunderts im Kontext ihrer Zeit. Ein Überblick. 2022. 28. Jahrg., H. 3. S. 343–377.
- Sinnhuber K.A.* Central Europe: Mitteleuropa: Europe Centrale: An Analysis of a Geographical Term // Transactions and Papers. Institute of British Geographers. 1954. No. 20. P. 15–39.
- Stopić Z., Djurdjević G.* No escape from Balkan: The «Balkans» in the contemporary Croatian scientific thought // Балкан研究 (第一辑) South East European Studies. 2020. No. 1. P. 162–190.
- Todorova M.* Imagining the Balkans. New York: Oxford University Press, 1997. 288 p.
- Troebst S.* «Geschichtsregion»: Historisch-mesoregionale Konzeptionen in den Kulturwissenschaften. 12.03.2010 // Europäische Geschichte Online. URL: <http://ieg-ego.eu/de/threads/theorien-und-methoden/geschichtsregion/stefan-troebst-geschichtsregion> (дата обращения: 01.10.2023).
- Zeune A.* GEA. Versuch einer wissenschaftlichen Erdbeschreibung von August Zeune, Direktor der königlichen Blindenanstalt, Doktor der Weltweisheit, Mitglied der Jenaischen Mineralogischen Gesellschaft. Berlin, bei L. W. Wittich. 1808. 240 s.
- Από τα Βαλκάνια στη Νοτιοανατολική Ευρώπη. Προκλήσεις και προοπτικές στον 21ο αιώνα. Επιμ. του Ι. Αρμακόλα, Θ. Π. Ντόκου. Αθήνα: ΣΙΔΕΡΗΣ Ι., 2011. 328 σ.
- Βαλκάνια, η μεγάλη τρικυμία. Η νοτιοανατολική Ευρώπη του χτες και του σήμερα, μία αναδρομή. Επιμ. του Α.Τ. Δημήτρη. Αθήνα: ΚΑΣΤΑΛΙΑ, 2018. 532 σ.
- Π. Μαρινάκης: Η αποψινή συνάντηση επιβεβαιώνει τον ηγετικό ρόλο της Ελλάδας σε Βαλκάνια και Νοτιοανατολική Ευρώπη//Capital.gr. 21.08.2023. URL: <https://www.capital.gr/politiki/3733159/p-marinakis-i-apropsini-sunantisi-epibeibaionei-ton-igetiko-rolo-tis-elladas-se-balkan-ia-kai-notioanatoliki-europi/> (дата обращения: 01.10.2023).

Рукопись поступила в редакцию 31.10.2023

Рукопись принята к печати 23.01.2024

REFERENCES

- A murit istoricul Neagu Djuvara, unanim recunoscut drept unul dintre cei mai im-portanți intelectuali români. De la istorie și diplomație la jurnalism și sport, o personali-tate complexă* // Mediafax.ro, 25.01.2018. URL: <https://www.mediafax.ro/social/a-murit-istoricul-neagu-djuvara-una-dintre-cele-mai-ndragite-personalitati-ale-romaniei-16959230> (accessed: 01.10.2023). (In Rom.)
- Apó ta Valkánia sti Notioanatolíki Evrópi. Proklíseis kai prooptikés ston 21o aióna.* Epim. tou I. Armakóla, TH P. Ntókou. Athína, SIDERIS I. Publ., 2011. (In Greek)
- Baramova M. Two Hundred Years on the Road: The Term «Balkan Peninsula» (1808–2008). *H/SOZ/KULT. Kommunikation und Fachinformation für die Geschichtswis-senschaften.* 2008. URL: <https://www.hssozkult.de/event/id/event-59990> (accessed: 01.10.2023).
- Djuvara N. Sîntem ori nu în Balcani? *Dilema veche*, 21.04.2010. URL: <https://dilemaveche.ro/sectiune/dileme-on-line/sintem-ori-nu-in-balcani-610077.html> (accessed: 01.10.2023). (In Rom.)
- Gallagher T. To Be or Not to Be Balkan: Romania's Quest for Self-Definition. *Daedalus*, 1997, vol. 126, no. 3.
- Gosar A. Slovenija v Jugovzhodni Evropi: evropska trdnjava ali mostišče? *Geografski obzornik*, 2007, let. 54, št. 1. (In Sloven.)
- Grčić M. Balkan kao kulturni subkontinent Evrope. *Glasnik Srpskog geografskog društva – Bulletin de la Société serbe de géographie*, 2005, t. 85, no. 1. (In Serb.)
- Grosaru F.-E. *Europa de Sud-Est: complexul regional de securitate european în care se perpetuează conflicte înghețate.* Editura Centrului Tehnic-Editorial al Armatei, București: Editura Centrului Tehnic-Editorial al Armatei [CTEA], 2013. (In Rom.)
- Gruber S. Austrian Contributions to the Ethnological Knowledge of the Balkans Since 1850. *Ethnologia Balkanica*, 1998, no. 2.
- Ismajli R. *Studime për historinë e shqipërisë në kontekst Ballkanik.* Prishtinë, Akademia e shkencave dhe e arteve e Kosovës Publ., 2015. (In Alb.)
- Jireček K. *Geschichte der Serben. Erster Band (bis 1371).* Gotha, Friedrich Andreas Perthes Publ., 1911.
- Junes T. Trashëgimia e «Ballkanizmit» meriton një vështrim të ri. *Reporter.al*. 09.04.2019 URL: <https://www.reporter.al/2019/04/09/trashegimia-e-ballkanizmit-meriton-nje-veshtrim-te-ri/> (accessed: 01.10.2023). (In Alb.)
- Lexikon zur Geschichte Südosteuropas.* Hösch E., Nehring K., Sundhaussen H. (Hrsg.) Stuttgart: Böhlau / UTB, 2002.
- Luketić K. *Balkan: od geografije do fantazije.* Zagreb, Algoritam Publ., 2013. (In Croat.)
- Miller A.I. «Novaya» Vostochnaya Yevropa: politika i geopolitika. *Rossiya i so-vremennyy mir*, 2006, no. 3. (In Russ.)
- Mishkova D. The Politics of Regionalist Science: The Balkans as a Supranational Space in Late Nineteenth to Mid-Twentieth Century Academic Projects. *East Central Europe*, 2012, vol. 39.
- Mishkova D. *Beyond Balkanism: The Scholarly Politics of Region Making.* Abingdon, Routledge Publ., 2018. DOI:10.4324/9781351236386.
- Norris D. *In the Wake of the Balkan Myth. Questions of Identity and Modernity.* London, Palgrave Macmillan Publ., 1999.
- Osmani: Zapaden Balkan ili kako što poveče sakam da go imenuvam Jugoistočna Evropa ne e izoliran ostrov tuku e vo srcto na Evropa. *Denešen vesnik*, 28.10.2021. URL: <https://denesen.mk/osmani-zapaden-balkan-ili-kako-shto-povekje-sakam-da-go-imenuvam-jugoistochna-evropa-ne-e-izoliran-ostrov-tuku-e-vo-srcto-na-evropa/> (date of access: 01.10.2023). (In Maced.)
- P. Marinákis: I apopsiní synántisi epivevaíonei ton igetikó rólo tis Elládas se Valkánia kai Notioanatolíki Evrópi. *Capital.gr*. 21.08.2023. URL: <https://www.capital.gr/politiki/3733159/p-marinakis-i-apopsini-sunantisi-epibebaionei-ton-igetiko-rolo-tis-elladas-se-balkan-ia-kai-notioanatoliki-europi/> (access date: 01.10.2023). (In Greek).
- Pushkareva V.V. Zapadnyye Balkany v rusle politiki atlantizma. *Vestnik Udmurtskogo Universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhduнародные отnoшения*, 2022, t. 6, vyp. 1. (In Russ.)
- Rafailović J. Miroslav Jovanović: straživati, pisati i promišljati Balkan. *Godišnjak za društvenu istoriju*, 2014, no. 2–3. (In Serb.)
- Rakić Ž. Niko u Evropi ne želi da bude Balkan. Razgovor nedelje: prof. dr. Dragan Simeunović. *Politika*, 25.11.2018 URL: <https://www.politika.rs/scc/clanak/416552/Niko-u-Evropi-ne-zeli-da-bude-Balkan> (access date: 01.10.2023). (In Serb.)
- Said E. *Orientalism.* New York, Pantheon Books Publ., 1978.
- Sarić L. Balkan Identity: Changing Self-Images of the South Slavs. *Journal of Multi-lingual and Multicultural Development*, 2004, vol. 25, no. 5–6.

- Schultz H.-D. Raumkonstrukte der klassischen deutschsprachigen Geographie des 19. *Geschichte und Gesellschaft. 20. Jahrhunderts im Kontext ihrer Zeit. Ein Überblick*, 2022, 28. Jahrg., H. 3.
- Sinnhuber K.A. Central Europe: Mitteleuropa: Europe Centrale: An Analysis of a Geographical Term. *Transactions and Papers. Institute of British Geographers*, 1954, no. 20.
- Stojić Z., Djurdjević G. No escape from Balkan: The «Balkans» in the contemporary Croatian scientific thought. *bā'èrgàn yánjiū (dì yī jī) – South East European Studies*, 2020, no. 1.
- Todorova M. *Imagining the Balkans*. New York, Oxford University Press Publ., 1997.
- Troebst S. «Geschichtsregion»: Historisch-mesoregionale Konzeptionen in den Kulturwissenschaften. 12.03.2010 *Europäische Geschichte Online*. URL: <http://ieg-ego.eu/de/threads/theorien-und-methoden/geschichtsregion/stefan-troebst-geschichtsregion> (access date: 01.10.2023).
- Ulunyan Ar.A. *Novaya politicheskaya geografiya: pereformatiruya Yevraziyu, istori-zirovannyye zarubezhnyye geokontsepty, konets XX v. – nachalo XXI v.* M.: Institut vseobshchey istorii RAN Publ., 2009. (In Russ.)
- Ulunyan Ar.A. Obshchenatsional'nyy turetskiy diskurs «geostoricheskogo konstruirovaniya» vo vneshnepoliticheskoy mysli sovremennoy Turtsii. *Istoricheskaya geografiya*, ed. I.G. Konovalova. Moscow, Akvilon Publ., 2014, t. 2. (In Russ.)
- Ulunyan Ar.A. «Liniya Feodosiya I»: Istoricheskaya geografiya v sovremennoy albanskoj obshchestvenno-politicheskoy publitsistike. *Istoricheskaya geografiya*, ed. I.G. Konovalova, Moscow, Akvilon Publ., 2016, t. 3. (In Russ.)
- Ulunyan Ar.A. Geostoricheskkiye komponenty etnopoliticheskikh kontseptsiy v ideologicheskikh doktrinakh kommunisticheskikh rezhimov Rumynii, Bolgarii i Albanii (konets 60-kh – 70-ye gody XX v.). *Istoricheskaya geografiya*, ed. I.G. Konovalova, Moscow, Akvilon Publ., 2019, t. 4. (In Russ.)
- Ulunyan Ar.A. Geostrategicheskyy konstrukt «Golubaya rodina» (Mavi Vatan) v kontekste obshchey traditsii geostoricheskikh kontseptov Turetskoy respubliki. *Istoricheskaya geografiya*, ed. I.G. Konovalova, Moscow, Akvilon Publ., 2021, t. 5. (In Russ.)
- Valkánia, i megáli trikymía. Inotioanatolikí Evrópi tou chthes kai tou símera, mía anadromí*, epim. tou A.T. Dimitri. Athína, KASTALIA Publ., 2018. (In Greek).
- Zeune A. *G.E.A. Versuch einer wissenschaftlichen Erdbeschreibung von August Zeune*, Direktor der königlichen Blindenanstalt, Doktor der Weltweisheit, Mitglied der Je-naischen Mineralogifchen Gefellfchaft. Berlin, bei L.W. Wittich. 1808.

Received on 31.10.2023

Accepted on 23.01.2024

Информация об авторе:

Улуныя Артем Акович
доктор исторических наук,
главный научный сотрудник
Институт всеобщей истории
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-1861-4823
E-mail: draugab345@gmail.com

Information about the author:

Artyom A. Ulunyan
DSc. (History),
Chief Research Fellow
Institute World History
of Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-1861-4823
E-mail: draugab345@gmail.com

Славяноведение, 2024, № 3, с. 60–73

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, No. 3, pp. 60–73

DOI: 10.31857/S0869544X24030051, EDN: WZCOVX

Оригинальная статья / Original Article

Сопоставительное описание лексических систем (на материале сербско-русского словаря)

© 2024 г. Ю.Л. Шапич

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
(Москва, Российская Федерация)

julija.sapic@gmail.com

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
№ 23-28-00126, <https://rscf.ru/project/23-28-00126/>

Аннотация. В статье рассматриваются элементы лексических систем сербского и русского языков в рамках сопоставительного проекта по лексикологии, одной из целей которого является составление современного большого сербско-русского словаря. Дефиниция вокабул исходного словника основывается на переводной эквивалентности, т.е. денотативном тождестве лексем; она опирается на лексическую, а также деривационную и грамматическую семантику там, где это возможно. Учитывается также прагматическая и когнитивно-дискурсивная составляющая, отражающаяся в синтагматических реализациях лексем. Обработанный к настоящему времени лексический корпус представляет собой достаточный образец для выявления особенностей структурирования лексической системы сербского языка в сопоставлении с русским. Анализируемая лексика сгруппирована в работе по деривационно-структурному и лексико-грамматическому критериям с опорой на ее формально-эксплицитные маркеры. Отмечены трудности представления в русскоязычной части словаря ряда лексических типов: специфических деривационных структур; диминутивных словоформ (среди существительных, прилагательных, глаголов), имеющих выход на прагматико-дискурсивный уровень; имен с семантикой носителей признака, в том числе феминитивов; адвербиальных синтагм и др. Далее планируется сопоставление формально эквивалентных многозначных лексем на уровне структуры их значений.

Ключевые слова: лексика, лексикология, семантика, сопоставление, сербский язык, эквивалентность.

Ссылка для цитирования: Шапич Ю.Л. Сопоставительное описание лексических систем (на материале сербско-русского словаря) // Славяноведение. 2024. № 3. С. 60–73. DOI: 10.31857/S0869544X24030051, EDN: WZCOVX

Comparative Description of Lexical Systems (On the Material of the Serbian-Russian Dictionary)

© 2024. Yulia L. Shapich

Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russian Federation)

julija.sapic@gmail.com

The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-00126, <https://rscf.ru/project/23-28-00126/>

Abstract. The article deals with the elements of the lexical systems of the Serbian and Russian languages in the framework of a comparative project on lexicology, one of the goals of which is to compile a modern large Serbian-Russian dictionary. Definitions of the vocabulary is based on the translation equivalence, i.e. the denotative identity of lexemes, and it is based, apart from lexical, on derivational and grammatical semantics where possible; pragmatic and cognitive-discursive component, manifested in syntagmatic realizations of lexemes, is also taken into account. The currently processed lexical corpus provides a sample for revealing some areas and peculiarities of lexical system structuring in the Serbian language in comparison with the Russian one. The vocabulary representing linguistic contrasts is grouped according to derivational-structural and lexical-grammatical criteria, relying on its formal-explicit markers. The following lexical types were found to be difficult to represent in the dictionary: specific derivational structures; diminutive word forms (nouns, adjectives, verbs), having an access to the pragmatic and discursive level; names with the semantics of feature carriers, including feminatives; adverbial syntagms, etc. In the future it is planned to compare formally equivalent multi-valued lexemes at the level of their meaning structure.

Keywords: lexicon, lexicology, semantics, comparison, Serbian, equivalence.

For citation: *Yulia L. Shapich. Comparative Description of Lexical Systems (On the Material of the Serbian-Russian Dictionary) // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie, 2024. No. 3. P. 60–73. DOI: 10.31857/S0869544X24030051, EDN: WZCOVX*

Когнитивно-дискурсивная научная парадигма принесла с собой многоаспектность лингвистических исследований и синкретизм интерпретаций внутрисистемных и межсистемных связей языковых систем. Устойчивый интерес к базовой системе языка – лексике – подтверждается развитием лексикографического жанра, в рамках которого реализуются новые способы упорядочивания лексических единиц. Многослойным становится и сопоставление лексических систем в межязыковом аспекте, выявляющее особенности языков на разных уровнях семантической организации – от деривационно-семантического до коммуникативно-прагматического. Составление большого современного сербско-русского словаря на этом фоне представляется его создателям не просто императивом эпохи интенсивных межязыковых контактов, но и лингвистическим корпусом, который обеспечит ценные сведения о лексико-семантическом устройстве обоих языков.

Последние достижения славянских лексикологов нашли свое отражение в коллективных сборниках «Развитие славянской лексикологии и лексикографии» [Современное развитие 2022]; «Лексикографија и лексикологија у светлу актуелних проблема» [Лексикографија и лексикологија 2021], «Лексикологија и лексикографија у светлу савремених приступа» [Лексикологија и лексикографија 2016]; известных трудах по семантике Е.С. Кубряковой [Кубрякова 1981], Ю.Д. Апресяна [Апресян 1995], А. Вежбицкой [Вежбицкая 1999]; М.А. Кронгауза [Кронгауз 2005], Е.В. Рахилиной [Рахилина 2008]; Анны А. Зализняка [Зализняк 2013]; сопоставительной семантике в аспекте словообразования

[Сопоставительное изучение 1987]; трудах сербских исследователей И. Грицкат [Грицкат 1995], Д. Гортан-Премк [Гортан-Премк 1997], Р. Драгичевич [Драгићевић 2007, Драгићевић 2001]; Н. Миланов [Миланов 2021], Г. Штасни [Штасни 2017], Д. Вујовић [Вујовић 2018] и др.; в работах по сопоставлению русского и сербского языков [РСЯ 2011, Шапич 2021, 2022б, Николаева, Наянова 2022], а также в немногочисленных работах по переводу, затрагивающих тему эквивалентности и русско-сербского межъязыкового взаимодействия [Шапич 2022а].

Словник нового переводного сербско-русского словаря опирается на «*Речник српскога језика*» 2018 (далее – РСЯ) [РСЯ 2011]. В настоящем исследовании наряду с указанным источником используются также «*Словарь русского языка*» (МАС) [МАС 1985], «*Сербскохорватско-русский словарь*» (СХРС) [СХРС 1970] и «*Руско-српски речник*» (РСР) [РСР 1998].

Толкование лексем словника по сути является системным сопоставлением лексики двух языков. Несмотря на генетическое родство языков, широкий пласт общеславянской базовой лексики и идентичность заимствований из неславянских языков, в процессе сопоставления выявляется неполная эквивалентность у лексем, на первый взгляд имеющих общие денотаты. При этом многие трудности семантизации проявляют черты системности, указывая на типологические особенности лексических структур.

Толкование сербских слов происходит с помощью переводных эквивалентов. Как исходные слова, так и их эквиваленты в основе многозначны, а в их семном составе, кроме прочего, содержатся информация о словообразовательной (например, номинация свойства) и морфологической (грамматической) категории (например, номинация действия). Так как для данных категорий характерны определенные синтаксические функции, эквивалент, который дается в зоне толкования, должен учитывать категорию, по возможности – деривационные особенности, а также функциональность и стилистический регистр языка. Этим переводное описание лексем отличается от перевода, скажем, художественного текста – если одному из языков не свойственны те или иные формы, переводчик (подсознательно) распределяет семантическую информацию на другие, более «удобные» и типичные для данного языка грамматические категории без опасности искажения общего смысла текста, образуя синтаксические дериваты в том значении, в котором этот термин употребляет Ю.Д. Апресян [Апресян 1995, 165].

Анизоморфизм лексико-семантических структур сербского и русского языков проявляется на эксплицитном и имплицитном уровне. Под эксплицитным уровнем подразумевается такой уровень организации лексической системы, при котором особенности семантической структуры многозначных лексем сербского языка (далее – СЯ) и их эквивалентов в русском языке (далее – РЯ) имеют морфемные (словообразовательные) или грамматические (морфологические) маркеры и могут отчасти интерпретироваться через морфемы или граммы¹. Связь словообразования с семантикой не требует доказательств [Кубрякова 1981; Иванова 1987 и др.], и она оправдана при сравнении близкородственных языков [Волоцкая 1987, 22]. В свою очередь, имплицитным можно назвать уровень языка, где различия между сопоставляемыми эквивалентами не привязаны к формантам и относятся к более глубокой структуре

¹ Так как исследование лексики проводится на словарном материале, возможности рассматривать в качестве семантического материала синтаксемы ограничена.

многозначности. В этом случае релевантным для рассмотрения является набор подзначений, способы их развития (метонимия, метафора и т.д.), синтагматическая сочетаемость и другие показатели. Этот второй более объемный уровень будет рассмотрен нами отдельно в продолжении исследования по сопоставлению лексики.

Не претендуя на полноту охвата темы, рассмотрим некоторые семантические особенности лексической структуры СЯ, обозначенные нами как эксплицитные и проявившие себя на фоне структуры РЯ уже на сравнительно небольшом образце лексикографического материала².

I. Морфемный уровень

При сопоставлении лексики в обоих языках выделяется группа, неоднозначная по своему деривационно-семантическому потенциалу, мотивированная прилагательным *бео* 'белый'. Данная группа рассматривается нами на примере существительных вместе с производными от основы *црн* 'черный' – внутри эквивалентной семантической оппозиции 'белый-черный'.

1.1. Существительные, мотивированные основами с семами 'белый', 'черный'

Группа существительных, мотивированных прилагательными с семантикой цвета *бео* и *црн*, к которым можно присоединить также *гарав* 'черный', образованные от одной основы («цельнооформленные», в отличие от «раздельнооформленных» [Там же, 20]) в СЯ имеет разветвленную структуру. Ее можно представить в виде лексико-семантических групп (некоторые единицы внутри групп повторяются):

- наименования цвета, краски; название свойства: *белина*, *белоћа*, *белило*, *црнило*, *црноћа*, *црност*, *гаравило* (ср. в РЯ *белизна*, *белила*, *побелка*, *чернота*, *чернила*, *чернь*);

- наименования людей по цвету кожи, волос, одежды (монашеской): *белац*; *беликња*, *белка* и *белица*; *црнац*, *црнкиња*, *црнче*, *црка*, *црничђ*, *црнчуга*, *црница*, *црнојка*, *црнојчица*, *црноока*, *црња*, *црњо*³, а также *гаравец*, *гаравица*, *гаравко*, *гаравуша*, *гаравче*; (в РЯ от слова *белый* образовано только *белянка*; от *черный* – *чернавка*, *чернушка*; *чернь*, *чернядь*; *чернец* и *черница*);

- наименования животных и рыб по цвету кожи, шерсти, чешуи – многие указывают на неопределенное животное⁴: *беовица* (рыба), *белац*, *белка*, *белица*, *белов*, *белко*, *белоња*, *белоњица* и *црка* и *црчина* (змея); *гара* (в РЯ *белёк*, *белка*, *белуга*, *белуха*, *беляк* представляют денотаты конкретных животных, в СЯ их не имеется среди производных от данной основы);

- наименования растений: дуба *бел*, *црника* и *црниковина*, пшеницы *белица* и *белија*, конопли *белојка* и *црнојка*, а также *белика* 'подкорка', *црница* и *црнуша* 'эрика; маслина; инжир; черешня'; некоторые соответствия с РЯ проявляют *црника* 'нигелла / нар. чернушка', *црнь* и *црњевац* 'черноголовка' (в РЯ имеются «свои» образования от названия цвета, эквивалентов которых не имеется в данной группе в СЯ: *черника* и *чернушка* 'гриб');

² Системно лексемы сопоставлены до буквы Д; в работу вошли примеры из зон иллюстрации употребления; некоторые примеры для лучшей иллюстрации добавлены из электронных корпусов.

³ Здесь пренебрегаем стилистическими пометами.

⁴ Замечено, что в СЯ номинации животных по критерию цвета образуются по схожим словообразовательным моделям [Лексикографија и лексикологија 2016, 98–98]. Интерес представляет сопоставление сербских моделей с моделями в РЯ, а также подключение других цветов – *плав*, *златан*, *сив* и т.д.

- наименования земли: *црница*, *црнојка*, *црнојчица* (в РЯ от двух основ – *чернозем*);
- наименования ткани, одежды: *белача*, *бель* ‘подстилка’; *црнина* ‘траурная одежда’ (ср. в РЯ *белье*, *траур*);
- некоторые другие: *беланце* ‘белок’, *беланчевина* ‘белок’, *црњак* ‘красное вино’ и ‘черный юмор’, а также *црњиш* ‘зло, плохое’ (в РЯ *белок*; *црњак* ‘баллотировочный шар’, *беловик* и *черновик*; *црњуха* ‘показ мрачных сторон жизни’).

Бросается в глаза многозначность и обобщенность семантики лексем СЯ, повторяемость форм внутри групп: *белац* ‘человек’, ‘священник’, ‘конь’; *белача* ‘верхняя одежда’, ‘носки’; *белица* ‘пшеница’, ‘(белая) слива’, ‘черешня’, ‘куница’, ‘рыба’ и др.; *белка* ‘овца’, ‘коза’, ‘корова’, ‘кобыла’, ‘собака’, ‘кошка’, ‘женщина’, ‘рыба’; *белко* ‘баран’, ‘козел’, ‘конь’, ‘кот’, ‘пес’; ‘мужчина, мальчик’; *црнац* ‘человек с темной кожей’, ‘монах’, ‘человек на тяжелой работе’; *црнка* ‘женщина’, ‘змея’; *црњуша* ‘эрика’, ‘маслина’, ‘инжир’, ‘черешня’. Цельнооформленных соответствий в РЯ меньше, а семантика мотивированных слов конкретнее (уже). Слова с корнем *гар-*, имеющиеся и в РЯ, не имеют производных с семантикой носителей признака черного цвета.

Рассмотрим ситуацию со сложением основ.

1.2. Лексика, образованная сложением корневых морфем

‘Белый’/ ‘черный’ + ...

Существительные с семантикой цвета в СЯ образуются также путем сложения двух корневых морфем, первая – с семой цвета, вторая – характеризующего цветом человека, животного, растения, предмета. Идентичная словообразовательная модель имеется в РЯ: *белоручка*, *белошвейка*, *чернотроп*, *чернокнижник*; она характерна также для прилагательных – *белококий*, *чернобровый* и др. и образует универбативы – *чернобурка*, *черноплодка*.

Нетипичными для РЯ являются эквиваленты наименований людей: *белокатић* ‘человек в белой шапке, арбанас’, *белобаћа* и *белобаћан* ‘человек в белых штанах, арбанас’, *белокожац* ‘белокожий человек’, *црнокожац* ‘чернокожий человек’, *црнобрадаш* ‘чернобородый человек’, *црноберзијанац* и *црноберзијанка* ‘мужчина или женщина, занимающиеся черной биржей’ – ср. невозможные в РЯ *белошапошник, *белоштанник, *белокожец, *чернокожец, *чернобородач, *чернобиржец, *чернобиржица. Однословными эквивалентами представлены *белогардејац* и *белогардист(а)* ‘белогвардеец’, *црнокошуљаш* ‘чернорубашечник’, *Црногорац* ‘черногорец’ (но без производных эквивалентов *Црногорче*, *Црногорчина*, *црногорство*, *црногорштина*), *црностотинаш* ‘черносотинец’, *црноризац* ‘черноризец’ (в СЯ еще и *црноклиралац*, *црномантијаш* и *црношколац* ‘семинарист’). В группе животных имеется *црногривац* ‘черногривый конь’⁵ (см. также топоним *Бјелогривац*) и *белориба* ‘белая рыба’ (ср. рус. *белорыбица*), растений – сосен *белобор* и *црнобор* (см. также топоним *Златибор*), листопадных и хвойных деревьев *белогорица* и *црногорица*, слив – *белошљива* и *црношљива* и др.

В РЯ *черноклен* или *белорыбица* образованы по той же модели, что и *црнобор* и *белорыба* в СЯ, однако деривационные межъязыковые параллели еще не означают семантического тождества: ср. рус. *чернослив* ‘сушеные ягоды особых сортов’, *чернолесье* ‘лиственный лес’ (эквивалент СЯ имеет диаметрально противоположный корень *белогорица*). Отметим, однако, что в источниках

⁵ Сложением образованы и другие наименования, здесь не рассматриваемые: птиц *црноглавица*, *црнокапица* и *црноперка*; змей *белоушка*, *црнокрпица*, *црнокруг* и *црнострел*; рыб *црноперка* и *црнопругац* и т.д.

по-разному фиксируется периферийная лексика, фитонимы, зоонимы и др. Так, например, в МАС отсутствуют наименования птицы *черноголовка*, рыбы *черноперка*, растений *черноплодка* (но приводится *черноплодная рябина*) и *черноголовка*, в отличие от *чернобурка* (лиса; мех) и *черноклён*. Релевантным для нас является критерий возможности / невозможности перевода сербского слова однословным эквивалентом той же категории с сохранением стилистического регистра, т.е. ядерности семантики.

Приведем и другие лексические группы, не имеющие формально-семантических параллелей в РЯ.

‘Часть тела’ + боља

Дериваты, образованные по типу сложения двух корневых морфем, одна из которых означает ‘часть тела’, а вторая *-боља* ‘боль / болезнь’, образуют общую лексико-тематическую группу медицинских состояний. Они не имеют однословных эквивалентов в РЯ, за исключением медицинских терминов (*артрит*, *туберкулез* и т.д.). Это такие слова, как *вратобоља*, *главобоља*, *грлобоља*, *грудобоља*, *гушобоља*, *душобоља*, *зубобоља*, *костобоља*, *ногобоља*, *очобоља*, *петобоља*, *прсобоља*, *срдобоља*, *трбобоља*, *увобоља*, *умобоља*, *устобоља*, *ушобоља* и т.д. (см. также необычные для РЯ прилагательные *умоболан*, *вратоболан* и др.)

‘Угроза / предмет’ + бран

К данной группе относятся дериваты, образованные по типу сложения двух корневых морфем, вторая из которых образована от глагола ‘защищать’, а первая – от существительного со значением угрозы, от которой требуется защита, или защищаемого объекта. Они образуют лексико-тематическую группу ‘защищающий от’ + *суц.* и не имеют однословных эквивалентов в РЯ. Это слова *блатобран*, *бокобран*, *бродобран*, *громобран*, *падобран*, *кишобран*, *суницобран* (ср. также топоним и имя *Србобран*); в РЯ данная группа некомпактна: *брызговик*, *громоотвод*, *зонтик*, *парашют* и т.д.

1.3. Афиксальный способ

Продуктивной и многочисленной в СЯ является группа лексем – имен среднего рода с формантом *-иште* со значением ‘место / место, где было...’ («*potina loci*»), таких как *блатиште*, *бритвиште*, *бобовиште*, *боравиште*, *вртиште*, *гађалиште*, *гајилиште*, *градилите*, *згариште*, *обданиште*, *одмаралиште*, *одмориште*, *степените*, *светилиште*, *сметилиште*, *узгајалиште* и др. О продуктивности свидетельствуют современные лексемы *паркиралиште* и *стајалиште*⁶. Имеющаяся в РЯ модель *настбище*, *убежище*, *училище*, *хранилище* и др. менее продуктивна, так что далеко не все лексемы СЯ группы с суффиксальной семьей ‘место’ имеют конгруэнтные (не только словообразовательные) соответствия в РЯ: **садище* ‘место, где был сад; **бобовище* ‘место, где были посажены бобы’ (в отличие, например, от сопоставимых суффиксов: *сунаище* – *солнышко*, *саџија* – *часовщик* и др.).

Не имеет формального эквивалента в РЯ группа многозначных лексем с семьей ‘плата за...’ нечто, содержащееся в названии корневой морфемы. Это слова типа *баждарина*, *друмарина*, *лежарина*, *путарина*, *станарина*, *чланарина*, *школарина* и др. (даже *врачарина* и *гатарина*).

⁶ Слово *станица* ‘остановка’ является в СЯ более фреквентным, однако *стајалиште* фигурирует в оформлении всех обновленных инструкций пользования общественным транспортом, например, в Белграде; неясно, идет ли речь о стилистическом расслоении или языковой политике.

Группа *пекара, месара, гвожђара, пилъара, цвећара, књиџара* имеет разные соответствия в РЯ: менее продуктивной в современном РЯ является группа *пекарня, маслобойня, сыроварня и белильня*; современные названия мест продажи, производства или оказания услуг образованы путем метонимии по названию товара – *булочная, мясо, овощи-фрукты, цветы*, пользователя – *букинист, охотник* или *гастроном* и т.д.

Диминутивные и аугментативные суффиксы имеют межъязыковые расхождения на функциональном уровне. Сомнение вызывает функциональность в РЯ эквивалентов сербских лексем *блитветина, бритветина, бритвурина, бродина, пасульчина, купусина*; или *бритвица, војводица, базеннич, бресквица, воћкица* – ср. рус. *бритвица, кораблице, фасолице* или *бассейнчик, персичек*. Проблема недостаточно освещена в связи с неоднозначным статусом диминутивов между словом и словоформой [Виноградов 2001, 101] и традиционным непредставлением их в словарях [МАС 1985, т. 1, 7; Ожегов, Шведова 1999, 6; СХРС 1970, 5]. В ряде случаев нетипичность эквивалентов РЯ очевидна: *вранкаст коњ* не может быть **слегка вороным*.

Объяснением этому феномену служат особые прагматические функции, выражаемые данными словоформами в РЯ (диминутивы – для выражения вежливости, эмпатии, оттенков экспрессии), не связанных прямо со спектром значений уменьшительности. В такой функции диминутивность в РЯ характеризует высказывание целиком, тогда как в словаре возникает необходимость зафиксировать соответствие на уровне изолированной вокабулы, а не высказывания. Если взять пример перевода с РЯ на СЯ, высказывание «Ну и темка диплома у тебя!» может передавать отрицательное отношение говорящего к *теме*, но слово *темка* вряд ли следует переводить той же формой и фиксировать в диминутивно-уничижительном значении в словаре; эквивалентной данной фразе на СЯ могла бы быть: «Ала ти је тема за дипломски (ужас)!» Возможно, фиксация диминутивов в РСЯ отражает их тенденцию к лексикализации [Грицкат 1995, 10], тогда как в РЯ их употребление обусловлено стилистически или прагматически. С этим связана и проблема выбора адекватного диминутива из арсенала, имеющегося в РЯ на все функциональные случаи, в условиях отсутствия контекста. Выбор может быть слишком большим: *божић* – и *божок*, и *боженька* (не говоря о празднике *Божић*); *ручица* – *ручка, рученька, ручонка*; *хладњикав* – *холодноватый, холодненький, прохладный* и др.; или, наоборот, может быть скудным или даже отсутствовать.

Особый статус имеет характерная для СЯ группа диминутивных глаголов [Там же, 25–29]: *бљуцкати, боцкати, брискати, воскати се, возакати се, возикати се, врцкати, гађнути, гацкати, гаркати, гаћкати (се), гвиркати, гегуцкати се, гладуцкати, пискарати, ручкати скакутати* и др. На то, что глаголам РЯ не свойственна уменьшительность, указывал еще В.В. Виноградов вслед за А.М. Пешковским [Виноградов 2001, 685]. Префиксально-суффиксальный комплекс в РЯ обеспечивает некоторые эквиваленты со схожей семантикой – *пописывать, попрыгивать, покалывать*, но далеко не все, ср. *брискати* – *слегка вытереть* или *ручкати* – *немножко пообедать*.

II. Грамматико-семантический уровень

Не менее эксплицитными маркерами анизоморфизма изобилует грамматико-семантический уровень языковой организации. При сопоставлении лексем обнаруживается ущербность лексической парадигмы в структуре грамматической (морфологической) категории, несоответствия на уровне

граммам в рамках категорий рода и числа у имен, вида и рефлексивности у глаголов и т.д. Интересны также случаи вынужденной межъязыковой конверсии морфологических категорий. Рассмотрим сказанное подробнее.

2.1. Категория числа

В рамках категории числа обращают на себя внимание не столько грамматические запреты на употребление одного из чисел (в СЯ *груди, плућа, леђа* — только во мн. ч., в РЯ *грудь, легкое, спина* возможно в ед. ч.; ср. также *новац* в ед. ч. в СЯ и *деньги* во мн. ч. в РЯ), сколько функциональная нетипичность ряда форм, образующих лексико-семантические поля. Так, в СЯ допустимы формы множественного числа для лексем с абстрактной семантикой: *телевизије* (видимо, под влиянием метонимического сдвига с лексемой *канал*, имеющей мн. ч.), *активности, делатности, информације, искусства*, а также *полиције, спортови* и некоторые другие — ср. невозможное в РЯ **спорты*. И наоборот, ряды лексем, имеющих в СЯ форму единственного числа, не имеют конгруэнтной формы в РЯ, как, например, в группе с семантикой наименований красящих веществ: *белило* — *белила, вранило* — *чернила, руменило* — *румяна*, см. также *гаравило, гарило* и т.д. Некоторые существительные, собирательные и имеющие в РЯ только форму единственного числа, в СЯ не имеют такого ограничения: срп. *бисери* (от *бисер* 'жемчуг') — рус. *бисер; пецива* — *выпечка* и т.д.

2.2. Категория рода

Межъязыковые пары формально схожих существительных, отличающихся по родовому признаку, выделены давно. Например, группа слов женского рода в СЯ с абстрактным или иным значением типа *анализа, прогноза, метода, диплома* и т.д. или продуктов питания *супа, банана, салата, шоколада* и др. С другой стороны, группа существительных мужского рода в СЯ соответствует в РЯ существительным женского рода: *минут, секунд, систем, проблем, програм* и др.

Здесь хотелось бы выделить специфическую лексико-семантическую группу носителей признака мужского (в ряде случаев они помечены мужским и средним родом) с оценочной семантикой, чаще негативной, с окончанием *-ко* или *-о*, не имеющую формальных эквивалентов в РЯ. Это *алькавко* 'неряха', *базало* 'бездельник', *бајало* 'гадатель', *бало* 'слюнтяй', *белко* 'беляш', *блесавко, бленто* 'дурачок', *брљавко / брљивко* 'неряха', *буцко* 'карапуз', *врљавко* 'косой', см. также *бальезгало, безазленко, блањало, бушкарало, гунђало, гакало, гатало, гегало, закерало, џангризало* и др.

В своем исследовании прилагательных с семантикой характеристик чело века в СЯ Райна Драгичевич выделяет группу *nomina attributiva* с формантами: *-ац, -ак, -ко, -ан, -(н)ик, -оња, -аш, -аћ, -ач, -аице, -ез, -о, -ов, -че, -чина* [Драгићевић 2001, 51]. Некоторые из перечисленных формантов имеют формально-семантические параллели в РЯ⁷ (срб. *-ац / рус. -ец; -ак / -ок; -ик / -ик; -аице / диминутивный формант; -чина / аугментативный формант*). Примеры, приведенные выше, не имеют соответствий такого рода в РЯ. Коннотативная составляющая лексем является дополнительным усложняющим фактором при поиске эквивалентов. Интересны примеры среднего, а также мужского рода с окончанием *-о*, указывающим на некую тенденцию перехода к среднему. Еще В.В. Виноградов, говоря, правда, о диминутивах, заметил, что при

⁷ Приводится один из вариантов.

экспрессивном преобразовании слова нейтрализуются его половые признаки [Виноградов 2001, 62].

В рамках категории рода в СЯ выделяется группа существительных со значением носителя признака, который субстантивирован в имена мужского и женского рода. В РЯ носитель признака может не иметь субстантивированной формы или иметь ее лишь в мужском роде. Приведем пары слов мужского и женского рода из РСЯ: *агент* ‘агент’ – *агенткиња*; *астматичар* ‘астматик’ – *астматичарка*; *бедник* ‘подлец’ – *бедница*; *безазленик* ‘незлобивый человек’ – *безазленка*; *безбрижник* ‘беззаботный человек’ – *безбрижница*; *бесавесник* ‘бессовестный человек’ – *бесавесница*; *беседник* ‘оратор’ – *беседница*; *бескућник* ‘бездомный’ – *бескућница*; *бесловесник* ‘бессловесное создание’ – *бесловесница*; *бесмртник* ‘бессмертный, вошедший в историю человек’ – *бесмртница*; *бесник* ‘бесноватый человек’ – *бесница* (*беснуља*); *бесомучник* ‘безумец’ – *бесомучница*; *бешчасник* ‘бесчестный человек’ – *бешчасница* и т.д.

Тема субстантивации, с одной стороны, связана с вопросом продуктивности деривационных моделей, а с другой – она свидетельствует о стремлении к категоризации, на которое указывает А. Вежбицкая [Вежбицкая 1999]. Это поднимает вопрос когнитивнолингвистического уровня о причинах более «легкой» субстантивации от признака к носителю признака в СЯ, а также о более продуктивном образовании феминитивов в СЯ по сравнению с РЯ.

2.3. Категория вида

При сопоставлении ряда глаголов выявляются ограничения в употреблении одного из видов в одном языке, не характерного для другого языка. Так, например, глагол *бацити* в синтагме *бацити икру* или *бацити бисере пред свиње* в РЯ употребляется лишь в форме несовершенного вида – *метать икру*, *бисер*, в то время как **метнуть икру* и *бисер* невозможно. Практика межъязыковых контактов выявляет и другие несоответствия. Например, видовой паре в СЯ соответствует только несовершенный вид в РЯ: пара *одушевити се* – *одушевљавати се* соответствует в РЯ только глаголу *восторгаться*; *припадати* – *припасти* соответствует глаголу *принадлежать*. Имеются и случаи наоборот: *заспати* не имеет видовой пары в СЯ, но в РЯ имеет: *засыпать* – *заснуть*.

Большое число распространенных двувидовых глаголов в СЯ *вежбати*, *видети*, *вечерати*, *питати*, *причати* и др. требует внимания при приведении эквивалентов на РЯ (также как и при семантизации глаголов движения) из-за их дивергентных отношений; это обстоятельство также требует учета семантико-синтаксических функций вида.

2.4. Рефлексивность

Рефлексивность глаголов в СЯ не всегда соответствует русской. Так, *концерт почиње* ‘концерт начинается’, *текст датира* ‘текст датируется’, *овце пасу* ‘овцы пасутся’, *стреми високом циљу* ‘стремится к высокой цели’ в СЯ нерелексивные; и наоборот: *тест се састоји (од)* ‘тест состоит из’, *она се сунча* ‘она загорает’, *смрзао сам се* ‘я замерз’, *лепо се дружимо* ‘мы хорошо общаемся’ релексивные в СЯ, в отличие от семантически схожих глаголов в РЯ.

В ряде случаев прослеживаются некоторые закономерности: так, выделяется группа релексивных глаголов в СЯ, которые в РЯ требуют соответствующего лексического дополнения в виде местоимения *себя*: например, *гладити се* – *поглаживать себя по лицу*, *себе бороду*, *себя по волосам* (*свои волосы*)

и т.п. (ср. нетипичную форму *гладиться); *осећати се* – чувствовать себя, *лизати се* – лизать себя; *гледати се* – смотреть на себя / свое отражение (наряду со *смотреться*).

Эквиваленты взаимовозвратных глаголов в РЯ требуют обязательной лексической экспликации: *волетати се* – любить друг друга, *знати се* – знать друг друга, *ударати се* (*кресати се*) – бить друг друга, *дрмати се* – трясти друг друга и т.д.

2.5. Межъязыковая конверсия

Необходимость конверсии (транспозиции) в иные грамматические категории при подборе эквивалентов может свидетельствовать о семантических ограничениях на категориальном уровне в одном из языков или предпочтениях грамматических категорий в целом.

Так, уже упомянутые существительные мужского и женского рода со значением носителя признака и суффиксами *-лац*, *-ик-*, *-иц-*, *-ач-*, *-ан-* и др. соответствуют в РЯ прилагательным (причастиям) с различной степенью субстантивации: *гасилац* / *ватрогасац* – пожарный, *говорник* – говорящий, *драгана* – дорогая, *пролазник* – прохожий, *рањеник* – раненый, *научник* – ученый, *места за пушаче* – места для курящих, *за стране ученике* – для иностранных учащихся, *житарице* – зерновые, *носни гласови* – носовые гласные, *пратилац* – сопровождающее лицо, *рачунарске компоненте* – комплектующие, *осуђеник* – осуждённый; см. также *болесник*, *гаравац*, *гароња*, *гаћан* (о человеке), *зводзењак*, *звоздењача*, *генерализатор*, *генералштабац*, *генијалац*, *гладник*, *гладница* и др.

Примечательны наречия на *-ски* и на *-о*. Они традиционно исключаются из переводных словарей как формально и функционально схожие с прилагательными по функции характеристики (первые – действия, вторые – предмета). Перевод адverbиальных конструкций на РЯ часто не имеет наречных соответствий: *богато ручати* – *богато пообедать, *гладно гледати* – *смотреть голодно, *ходати несано* – *бродить бессонно, *бити војно јачи* – *быть военно сильнее, *живети бескућно* – *жить бездомно; а также *богато се удати*, *војно поражен*, *војно неспреман*, *враголански намигнути*, *бити стресно*, *гајтанасто се пружати*, *изгледати воштано*, *решити бескрвно*, *живети бескровно*, *радити бесплански*, *подлога бело обојена*, *обојити бледо*, *гледати бледо*, *учити је паметно*, *воловски гледати*, *вулкански колонијално питање*, *вунасто мек*, *шетати је здраво*, *гладно гутати погледом* и др. Внешнюю схожесть с этими формами составляют и субстантивированные прилагательные среднего рода: *офарбати косу у зелено*, *немати ситно* и т.д., также не имеющие формальных соответствий в РЯ (ср. также местоимение *свако зна* ‘каждый / всякий (не *каждое / всякое) знает’).

На синтагматическом уровне межъязыковые частеречные несоответствия и предпочтения становятся выраженными еще сильнее. Синтагма *гаравило лица* соответствует, скорее, словосочетанию *тёмное лицо*, чем *чернота лица*, и при употреблении данной синтагмы, возможно, первый вариант будет преимущественным. Межъязыковое лексико-семантическое варьирование происходит и в рамках идиоматики: семантика словосочетания *воловско здравље* ‘воловское здоровье’ реализуется в сравнении *здоров как бык*; такие же отношения у словосочетаний *гавранов глас* – *накаркать беду*.

Невозможно полностью отделить лексику от синтаксического уровня, например, при семантизации слова *где*: *Нашао сам га где спава* – *Я нашел его спящим / я обнаружил, что он спит*, но не **я нашел, где / как / что он спит*.

III. Заключение

Таким образом, рассмотрение структурных особенностей лексики СЯ, проявляющихся при ее системном сопоставлении с лексикой РЯ в процессе работы над новым двуязычным словарем, является задачей, требующей комплексного подхода, как семасиологического, так и ономасиологического. Состав многозначных слов поддается структурно-семантическому анализу благодаря связи сем с морфемным составом и лексико-грамматическими (морфологическими) характеристиками, что позволяет назвать этот уровень языковых различий эксплицитным.

Некоторые языковые структуры в работе рассмотрены более подробно, как, например, группа существительных, производных от основы *бео*, *црн* и *гарав*. Деривационная группа СЯ отличается от сопоставляемой группы РЯ высокой полисемией и общностью семантики единиц: *белица* — названия разных фруктов, земли, рыбы; *црногорица* — названия различных хвойных растений, *црноока* — о женщине, рыбе, птице, овце, козе и т.п. Далее, среди лексических групп в СЯ выделены микросистемы, не имеющие системных аналогов в РЯ или уступающие им по типичности или частотности. Это производные от двух основ слова с семантикой боли — *главобоља*, *костобоља*; угрозы и защиты от нее *громобран*, *сунцобран*; от одной основы с формантом с семантикой места — *бобовиште*, *вртиште*; с семантикой оплаты услуг — *станарина*, *путарина*; мест продажи — *пекара*, *месара* и оказания услуг. При рассмотрении диминутивов и схожих с ними словоформ установлено, что они по-разному соотносятся в СЯ и РЯ по языковому статусу и функциональности, что не всегда позволяет зафиксировать их как переводные эквиваленты; за решением необходимо обратиться к прагматике.

На лексико-грамматическом уровне обращают на себя внимание категориальные несоответствия (числа, рода, глагольного вида, рефлексивности), а также функциональное предпочтение грамматических категорий. Системные конверсии в иные грамматические категории, в свою очередь, связаны с (не)типичностью образования существительных от названия какого-л. признака типа *бескућник*, в том числе феминитивов — *бескућница*, а также с несоответствиями наречных форм.

Описанные результаты лексикографического сопоставления многозначных слов представляют собой далеко не исчерпывающий список характерных особенностей лексических групп (категорий) и касаются лишь проблем, которые системно проявились на данном этапе работы над созданием сербско-русского словаря. Дальнейшее сопоставление лексико-семантических структур сербского и русского языков обеспечит более полную картину многозначности, эквивалентности и лексической типологии сербского и русского языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю.Д. Избранные труды. Лексическая семантика (синонимические средства языка). Изд. 2-е, испр. и доп. Т. 1. М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. 442 с.
- Вежбицкая А. Что значит имя существительное? (или: Чем существительные отличаются по значению от прилагательных?) // Семантические универсалии и описание языков / под ред. Т.В. Булыгиной. Перев. И.Д. Шмелев. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 91–133.
- Виноградов В.В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове) / под ред. Г.А. Золотовой. Изд. 4-е. М.: Русский язык, 2001. 720 с.

- Волоцкая З.М. К сопоставительному изучению языков на словообразовательном уровне (на материале семантической категории локативных номинаций) // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков / под ред. Г.П. Нешименко. М.: Наука, 1987. С. 20–26.
- Вујовић Д. Лексичко-семантичке особине термина из области народне медицине на примерима из Речника српскохрватског књижевног језика Матице српске // Научни састанак слависта у Вукове дане 47/1. 2018. С. 365–372.
- Гортан-Премк Д. Полисемија и организација лексичког система у српском језику. Београд: Институт САНУ, 1997. 192 с.
- Грицкат И. О неким особеностима деминуције // Јужнословенски филолог 51. 1995. С. 1–30.
- Драгићевић Р. Придеви са значењем људских особина у савременом српском језику (творбена и семантичка анализа). Београд: Институт за српски језик САНУ, 2001. 284 с.
- Драгићевић Р. Лексикологија српског језика. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 2007. 366 с.
- Зализняк А.А. Русская семантика в типологической перспективе. М.: Языки славянской культуры, 2013. 640 с.
- Иванова И.С. «Вопросы соотношения семантической структуры слова и его словообразовательных связей (на материале имен прилагательных русского, болгарского и чешского языков)» // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков / под ред. Г.П. Нешименко. М.: Наука, 1987. С. 157–160.
- Кронгауз М.А. Семантика. М.: Академия, 2005. 352 с.
- Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: семантика производного слова. М.: Наука, 1981. 200 с.
- Лексикографија и лексикологија у светлу актуелних проблема. Ур. Стана Ристић и др. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2021. 1170 с.
- Лексикологија и лексикографија у светлу савремених приступа. Ур. Стана Ристић и др. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2016. 577 с.
- МАС—Словарь русского языка. В 4-х т. / АН СССР, Ин-т русс. яз. Под ред. А.П. Евгеньевой. Изд. 3-е. М.: Русский язык, 1985.
- Миланов Н. Српски лексички фонд из угла полисемије: глаголи, именице, придеви. Београд: Институт за српски језика САНУ, 2021. 465 с.
- Николаева Н.С., Наянова М.А. Отражение лексемы *светлый в современных сербско-русских и русско-сербских словарях // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 1–2. С. 33–35.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
- Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: Семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2008. 416 с.
- РСЯ – Речник српскога језика. Ур. Милица Вујанић и др. Нови Сад: Матица српска, 2011. 1561 с.
- РСР – Руско-српски речник. Ур. Богољуб Станковић. 2. изд. Нови Сад – М.: Будућност – Матица Српска – Русский язык, 1998. 1001 с.
- Современное развитие славянской лексикологии и лексикографии. Международная коллективная монография / под ред. М.И. Чернышевой. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2022. 400 с.
- Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. / под ред. Г.П. Нешименко. М.: Наука, 1987. 272 с.
- СХРС – Толстой И.И. Сербскохрватско-русский словарь. Изд. 3-е. М.: Советская энциклопедия, 1970. 735 с.
- Шапич Ю.Л. О скрытом в глубине: ГЛУБИНА как элемент понятийной метафоры (русско-сербская параллель) // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику LXIV. 2021. С. 171–182.
- Шапич Ю.Л. О деструктивном влиянии лингвистической интерференции при переводе рассказов А.П. Чехова на сербский язык // Вестник Московского Университета. Серия 22. Теория перевода. 2022а. С. 78–92.
- Шапич Ю.Л. О пространственном фрагментизаторе СТОРОНА в понятийных метафорах // Славистика XXVI/1. 2022b. С. 410–421.
- Штасни Г. Nomina instrumenti у српском језику // Годишњак филозофског факултета у Новом Саду XLII-1. 2017. С. 339–356.

REFERENCES

- Apresian Iu.D. *Izbrannyje trudy. Leksicheskaia semantika (sinonimicheskije sredstva iazyka)*. The 2th edition, vol. I, Moscow, Shkola iazyki russkoi kul'tury, Vostochnaia literatura RAN Publ., 1995. 442 p. (In Russ.)
- Dragičević R. *Pridevi sa značenjem ljudskih osobina u savremenom srpskom jeziku (tvorbena i semantička analiza)*, Beograd, Institut za srpski jezik SANU Publ., 2001, 284 p. (In Serb.)
- Dragičević R. *Leksikologija srpskog jezika*, Beograd, Zavod za udžbenike i nastavna sredstva Publ., 2007, 366 p. (In Serb.)
- Gortan-Premk D. *Polisemija i organizacija leksičkog sistema u srpskom jeziku*, Beograd, Institut SANU Publ., 1997, 192 p. (In Serb.)
- Grickat I. O nekim osobenostima deminucije. *Južnoslovenski filolog*, no. 51, 1995, pp. 1–30. (In Serb.)
- Ivanova I.S. Voprosy sootnosheniia semanticheskoi struktury slova i jego slovoobrazovatel'nykh sviazei (na materiale imen prilagatel'nykh russkogo, bolgarskogo i cheshskogo iazykov). *Sopostavitel'noje izuchenije slovoobrazovaniia slavianskikh iazykov*, ed. G.P. Neshchimenko, Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 157–160. (In Russ.)
- Krongauz M.A. *Semantika*. Moscow, Akademiia, 2005, 352 p. (In Russ.)
- Kubriakova Je.S. *Tipy iazykovykh znachenii: semantika proizvodnogo slova*. Moscow, Nauka Publ., 1981, 200 p. (In Russ.)
- Leksikografija i leksikologija u svetlu aktuelnih problema*, ed. Stana Ristić et. Beograd, Institut za srpski jezik SANU Publ., 2021, 1170 p. (In Serb., Russ. et.)
- Leksikologija i leksikografija u svetlu savremenih pristupa*, ed. Stana Ristić et., Beograd, Institut za srpski jezik SANU Publ., 2016, 577 p. (In Serb., Russ. et.)
- MAS – *Slovar' russkogo iazyka in 4 volumes*, the 3th edition, Moscow, Russkii iazyk Publ., 1985. (In Russ.)
- Milanov N. *Srpski leksički fond iz ugla polisemije: glagoli, imenice, pridevi*, Beograd, Institut za srpski jezik SANU Publ., 2021, 465 p. (In Serb.)
- Nikolajeva N.S., Naianova M.A. Otrazhenije leksemy *svetlyi v sovremennykh serbsko-russkikh i rusko-serbskikh slovariakh. *Mezhdunarodnyi zhurnal humanitarnykh i jestestvennykh nauk*, 2022, no. 1–2, pp. 33–35. (In Russ.)
- Ozhegov C.I., Shvedova N. Iu. *Tolkovyj slovar' russkogo iazyka*, Moscow, Azbukovnik Publ., 1999, 944 p. (In Russ.)
- Rakhilina Je.V. *Kognitivnyi analiz predmetnykh imen: Semantika i sochetajemost'*, Moscow, Russkije slovari Publ., 2008, 416 p. (In Russ.)
- RSJa – *Rečnik srpskoga jezika*, ed. Milica Vujanić et. Novi Sad: Matica srpska Publ., 2011, 1561 p. (In Serb.)
- RSR – *Rusko-srpski rečnik*, ed. Bogoljub Stanković, the 2th edition, Novi Sad – Moscow, Budućnost – Matica Srpska – Russkij iazyk Publ., 1998, 1001 p. (In Serb., Russ.)
- Shapich Iu.L. O skrytom v glubine: glubina kak element poniatinoini metafory (rusko-serbskaia parallel'), *Zbornik Matice srpske za filologiju i lingvistiku*, no. LXIV. 2021, pp. 171–182. (In Russ.)
- Shapich Iu.L. O destruktivnom vliianii lingvisticheskoi interferentsii pri perevode rasskazov A.P. Chekhova na serbskii iazyk. *Vestnik Moskovskogo Universiteta*. Serii 22. Teorii perevoda. 2022a, pp. 78–92. (In Russ.)
- Shapich Iu.L. O prostranstvennom fragmentizatore STORONA v poniatiiinykh metaforakh, *Slavistika* no. XXVI/1, 2022b, pp. 410–421. (In Russ.)
- SHRS – Tolstoi I.I. *Serbskokhorvatsko-russkii slovar'*, the 3th editon, Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1970, 735 p. (In Serb., Russ.)
- Sopostavitel'noje izuchenije slovoobrazovaniia slavianskikh iazykov*, ed. G.P. Neshchimenko, Moscow, Nauka Publ., 1987, 272 p. (In Russ.)
- Sovremennoje razvitije slavianskoi leksikologii i leksikografii. Mezhdunarodnaia kollektivnaia monografija*, ed. M.I. Chernysheva, Moscow, Institut russkogo iazyka im. V.V. Vinogradova RAN Publ., 2022, 400 p. (In Serb., Russ. etc.)
- Štasi G. Nomina instrumenti u srpskom jeziku. *Godišnjak filozofskog fakulteta u Novom Sadu* no. XLII-1, 2017, pp. 339–356. (In Serb.)
- Vezhbitskaia A. Chto znachit imia sushchestvitel'noje? (ili: Chem sushchestvitel'nyje otlichaiutsia po znacheniiu ot prilagatel'nykh?). *Semanticheskije universalii i opisanije iazykov*, ed. T.V. Bulygina, transl. I.D. Shmelev, Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1999, pp. 91–133. (In Russ.)
- Vinogradov V.V. *Russkii iazyk (Grammaticheskoe uchenije o slove)*, ed. G.A. Zolotova, the 4th edition, Moscow, Russkii iazyk Publ., 2001, 720 p. (In Russ.)

- Volotskaia Z.M. K сопоставitel'nomu izucheniiu iazykov na slovoobrazovatel'nom urovne (na materiale semanticheskoi kategorii lokativnykh nominatsii). *Sopostavitel'noje izuchenije slovoobrazovaniia slavianskikh iazykov*, ed. G.P. Neshchimenko, Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 20–26. (In Russ.)
- Vujović D. Leksičko-semantičke osobine termina iz oblasti narodne medicine na primerima iz Rečnika srpskohrvatskoga književnog jezika Matice srpske. *Naučni sastanak slavista u Vukove dane*, no. 47/1, 2018, pp. 365–372. (In Serb.)
- Zalizniak A.A. *Russkaia semantika v tipologicheskoi perspektive*, Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2013, 640 p. (In Russ.)

Received on 06.05.2023
Accepted on 18.02.2024

Информация об авторе:

Шапич Юлия Леонидовна
кандидат филологических наук,
исследователь по договору
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-4788-5497
E-mail: julija.sapic@gmail.com

Information about the author:

Yulia L. Shapich
PhD (Philology), contract researcher
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-4788-5497
E-mail: julija.sapic@gmail.com

Славяноведение, 2024, № 3, с. 74–91

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, No. 3, pp. 74–91

DOI: 10.31857/S0869544X24030061, EDN: WZBOID

Оригинальная статья / Original Article

К вопросу о переключении кодов в речи полилингвов
на литовско-белорусском пограничье
(по материалам этнографических экспедиций)

© 2024 г. М.В. Завьялова, Р. Балкуте

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

mariazavyalova@gmail.com

Центр народных традиций «В круге бытия»
(Вильнюс, Литовская Республика)

r.balkute@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются случаи переключения кодов в речи жителей Литвы, а также пограничных литовско-белорусских территорий, владеющих польским, литовским и белорусским (русским) языками. Анализируемые тексты были записаны Ритой Балкуте в ходе этнографических экспедиций, которые не были нацелены на выявление собственно лингвистических особенностей речи информантов. Анализ материала показывает, что в переключении кодов не последнюю роль играют этнолингвистические факторы, например, информанты часто переходят на польский язык при описании магических практик или при цитировании заговоров. В статье обсуждаются причины таких переходов, а также случаи смешения кодов, когда формируются гибридные тексты на польском и белорусском языках.

Ключевые слова: белорусско-литовское пограничье, заговор, литовский язык, польский язык, белорусский язык, полилингвизм.

Ссылка для цитирования: *Завьялова М.В., Балкуте Р.* К вопросу о переключении кодов в речи полилингвов на литовско-белорусском пограничье (по материалам этнографических экспедиций) // *Славяноведение*. 2024. № 3. С. 74–91. DOI: 10.31857/S0869544X24030061, EDN: WZBOID

On the Issue of Code Switching in the Speech of Multilinguals
on the Lithuanian-Belarusian Borderland (Based on Field Materials)

© 2024. Maria V. Zavyalova, Rita Balkute

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

mariazavyalova@gmail.com

Center for Folk Traditions «In the Circle of Being»
(Vilnius, Republic of Lithuania)

r.balkute@gmail.com

Abstract. The article deals with cases of switching codes in the speech of the inhabitants of Lithuania, as well as the border Lithuanian-Belarusian territories, who speak Polish, Lithuanian and Belarusian (Russian) languages. The analyzed texts were written down by Rita Balkute during ethnographic expeditions, which were not aimed at revealing the actual linguistic features of the speech of the informants. Analysis of the material shows that ethnolinguistic factors play an important role in code switching; for example, informants often switch to Polish when describing magical practices or when quoting spells. The article discusses the reasons for such transitions, as well as cases of mixing codes when hybrid texts are formed in Polish and Belarusian.

Keywords: Belarusian-Lithuanian borderland, spells, Lithuanian language, Polish language, Belarusian language, multilingualism.

For citation: *Maria V. Zavyalova, Rita Balkute.* On the Issue of Code Switching in the Speech of Multilinguals on the Lithuanian-Belarusian Borderland (Based on Field Materials) // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences.* = *Slavyanovedenie.* 2024. No. 3. Pp. 74–91. DOI: 10.31857/S0869544X24030061, EDN: WZBOID

Говоры литовско-белорусского пограничья, а также островные литовские говоры на территории Беларуси давно и активно изучались с самых разных точек зрения: диалектной, историко-лингвистической, социолингвистической как литовскими, так и белорусскими, польскими и российскими учеными¹. Намного меньше внимания исследователями уделялось этнографии и фольклору смешанного населения этих мест. Восполнить эти пробелы отчасти удалось Рите Балкуте, которая на протяжении более 30 лет собирала материалы по народной медицине в Литве, а также в литовских островках Беларуси и Польши. Архив Риты Балкуте насчитывает примерно 15 тысяч единиц полевых записей. Многие из этих текстов многоязычны, т.е. включают в себя высказывания на литовском, польском, белорусском и русском языках. Ниже на карте представлены районы, в которых были записаны анализируемые в данной статье тексты (отмечены штриховкой).

Как видно, материал собирался в юго-восточной и восточной частях Литвы, граничащих с Беларусью. Население в этих краях в основном дву- и трехязычное. Родным языком жителей этого края может быть литовский, белорусский или польский (точнее, литовский диалект польского – «проста мова»). Причем в очень многих случаях, как отмечали Т.М. Судник и Л.Г. Невская, изучавшие этот край, «естественность переключения с одного языка на другой и компетентность говорящих в обоих случаях таковы, что сплошь и рядом [...] оказывается едва ли возможным разделить двуязычного по признаку родной/второй язык, так как скорее всего оба языка усваивались одновременно» [Невская, Судник 1978, 287].

Такая ситуация обусловлена историей описываемых областей. Поликультурность и многоязычие в этих краях сформировались еще в эпоху Великого княжества Литовского. По данным Л. Беднарчука, в XVI–XVII вв. на этой территории

¹ Вот некоторые из значимых работ: Bednarczuk 1994; Ćekmonas 1999; Grinaveckienė 1983; Grinaveckienė 1991; Karaliūnas 1988; Kardelis 2009; Kardelis et al., 2003; Lipskienė, Vidugiris 1967; Rutkowska 2006; Rutkowska 2008; Turska 1995; Vidugiris 1983; Zinkevičius 1993; Видугирис, Каралюнас 1972; Видугирис, Климчук 1978; Невская 1972; Судник 1964; Судник 1975; Чекман 1972; Чекман 1982; Чекмонас 1988.

Карта составлена авторами.

бытовало до семи этнолектов: литовский язык, белорусский язык, северо-восточный диалект польского языка, язык литовских татар, язык тракайских караимов, диалект литовских евреев, «говор язычников Нарева» [Bednarczuk 1994]. С течением времени на территории Великого княжества Литовского количество диалектов только увеличивалось. После раздела Речи Посполитой в этих областях стало усиливаться влияние русского языка, а также изменился статус и характер употребления других языков [Grek-Pabisowa 1997]. Польский язык активно использовался в этой зоне и в недавнем прошлом. После 1920 г., когда поляки заняли Вильнюсский край, практически все описываемые местности находились за демаркационной зоной, отделявшей тогдашнюю Литву от Польши.

Восточная и юго-восточная части Литвы вместе с Вильнюсом принадлежали Польше с апреля 1919 по сентябрь 1939 г., когда этот край заняли советские войска. В период польской оккупации проводилась насильственная полонизация населения, изменялись фамилии, многие литовцы в документах значились как поляки, литовский язык был под запретом. В представленных ниже материалах отразились как раз последствия тех времен, поскольку большинство информантов родились в 20–30-х годах XX в.

Конечно, в настоящее время отношение к литовскому языку изменилось, однако одновременное бытование нескольких языков приводит к трудностям самоидентификации живущих в этом регионе людей. Й. Урбанавичене так описывает социолингвистическую ситуацию на литовско-белорусском пограничье: «К двуязычию в этом регионе относятся благосклонно, переход от одной языковой системы к другой не осуждается — это естественная потребность многоязычной территории, а смена языка не болезненна для местного населения» [Urbanavičienė 2011, 103]. Далее она подчеркивает: «В многонациональной среде не формируется четкая этническая идентичность. Язык в таких сообществах не считается показателем идентичности, это просто средство общения» [Там же, 108].

Учитывая это обстоятельство, Рита Балкуте в общении с информантами избегала вопросов о национальности и просила их говорить на том языке, на котором им проще, информанты часто переходили с одного языка на другой, поскольку так же делают и в повседневной жизни. Вопросы задавались по-литовски или по-русски, но в опросах участвовала также местная жительница, которая говорила с информантами на «простой мове». Языковая компетенция собирателя обусловила выбор информантов: как правило, опрашивались те, кто мог свободно говорить по-литовски, хотя их родной язык или язык, который они чаще использовали, мог быть и другим. Большинство информантов имели литовские корни, но в результате ассимиляции в той или иной мере утратили литовскую идентичность (некоторые называли себя поляками, хотя имели родителей-литовцев).

Поскольку целью Риты Балкуте был сбор материала по народной магии и медицине, тематика рассказов информантов соответствующая. Несомненно, тексты представляют интерес не только с точки зрения языка, но и фольклора. Но в данном случае мы остановимся на лингвистическом аспекте, а именно на переключении кодов. Под переключением кодов понимается «смешение двух или более языков в речи билингвов (или мультилингвов), при котором не обязательно происходит смена собеседника или темы разговора» [Poplack 2001, 2062]. По классификации Мэйскена переключением кодов считается: включение элемента из языка 1 в предложение на языке 2 (*insertion*) и чередование независимых составляющих языков 1 и 2 внутри предложения (*alternation*) [Muysken 2000, 3]. Конгруэнтная лексикализация (*congruent lexicalization* по Мэйскену), т.е. заполнение совпадающей в языках 1 и 2 синтаксической структуры лексическими элементами из обоих языков понимается как смешение кодов (см. [Gluszkowski 2023, 164–165]).

Речь многих информантов ожидаемо изобилует заимствованиями как из литовского языка в польский и белорусский, так и из славянских языков в литовский. Такие случаи в статье не рассматриваются, поскольку это естественно в таком многоязычном крае. В фокус нашего внимания попали те случаи, когда информант сознательно или неосознанно переходил с одного языка на другой (т.е. скорее случаи чередования языковых единиц на разных языках, а не включения). Конечно, нередко это происходило в ответ на заданный на другом языке вопрос или при цитировании (прямой речи на другом языке). Например:

1.

*R.V. Sako, burtininkai sunkiai miršta?*²

Е.И. I drzwi rozmykają, i okny rozmykają, i lubo wybierają deski. Jego dusza nie może wyjść: pan Bóg nigdzie nie przyjmuje, on nie ma miejsce wyjścia duszy. Ну, кто так заклина, не может он умереть. О ту в Janiszek, wiem, taka stara baba była, ale ona żydówka, była wyszedsza za katolika za mąż, to ona umierała tydzień czasu musi. То i okna do końca, i drzwi do końca [odkryli], i potem nad jejo łóżko stalowanie wybrali, to wtenczas umarła³.

R.V. Dėl ko atidaryti reikia?

E.I. Kad dušia išeitų.

Р.В. Говорят, колдуны тяжело умирают?

Е.И. И двери открывают, и окна открывают или разбирают доски. Его душа не может выйти: господь Бог не принимает, у него нет места выхода души. Ну, кто так заклинает, не может он умереть. А тут в Йонишкес, я знаю, такая старая баба была, но она еврейка, была замужем за католиком, так она умирала, может, целую неделю. Так и окна до конца [открыли], и потом над ее кроватью крышу разобрали, то тогда она умерла.

Р.В. Для чего открывать нужно?

*Е.И. Чтобы душа ушла.*⁴

² Здесь и далее фразы и лексемы на литовском и их перевод отмечены курсивом, фразы и лексемы на польском – прямым шрифтом, фразы и лексемы на русском и белорусском – жирным. Инициалы обозначают собирателя и респондентов (Р.В. – Рита Балкуте). Белорусские тексты приводятся без перевода.

³ Здесь и далее записи на польском языке представлены не в фонетической транскрипции, а в орфографической версии собирателей, поскольку не все записи были доступны в аудиоверсии.

⁴ Е. И.-Д. 1994 (LКAR 19(43), LКAG 65(11)).

В этом случае интересно, что информантка только после второго вопроса по-литовски переключается на литовский язык, вначале она отвечает на литовский вопрос по-польски (несмотря на очень хорошее владение литовским языком).

Та же информантка в другом случае переключается на русский язык, когда цитирует староверку:

2.

O! Aš ten pas vyrą kur ištekėjau Sužonių parapijos, tai pas tokią Nascią eidavo. A tenai staravierai buvo.

О! Я там у мужа, где замуж вышла в приходе Су-жоняй, так к такой Насте ходили. А там староверы были.

«Надо сходить к Насте на книжку, корова молока не дает».

Nu to nuais unt knižku, to velnias žino, kiek tenai pieno duos: keturis kartus melžia ir piena neturi kur dėt.

Ну так пойдет на книжку, так черт знает, сколько там молока даст: четыре раза доят и молоко некуда деть.

«Надо к Насте сходить».

Nu ji burtininkų knygą turėjo.

Ну у нее колдовская книга была.⁵

Примечательно, что здесь она два раза упоминает «книжку», называя ее один раз по-русски, второй раз по-литовски. На таких вкраплениях иноязычных лексем, связанных с ритуалом, мы остановимся позднее.

Та же информантка иногда переходила с одного языка на другой, обращаясь к разным собирателям, повторяя одинаковые фразы на разных языках или просто неожиданно переходила с литовского на польский. Ср. ее рассказ о том, как ксендз проклял хулиганов:

3.

E.I. Žinote, aš pasakysiu, mūsų kaimi apvogė bažnyčią. Iš mūsų kaimo tie žmonės buvo. Jau senai, senai apvogė bažnyčią. To, žinai, kunigas mišias kaip išlaikė, tai trečia pakolenija...

Е.И. Знаете, я скажу, в нашей деревне обокрали костел. Из нашей деревни эти люди были. Уже давно, давно обокрали костел. Так, знаешь, ксендз мессу служил, так до третьего поколения...

Trzecie pokolenie... Trzecie pokolenie **pridurków**...

Третье поколение... Третье поколение **придурков**...

R.B. Dėl ko?

Р.Б. Из-за чего?

E.I. Užkeikė, nu, mišias atlaikė ant tų chuliganų.

Е.И. Проклял, ну, мессу отслужил на тех хулиганов.

Msza otrzymał ksiądz na tych chuliganów, które kościół okradli.

Мессу отслужил ксендз за тех хулиганов, которые костел обокрали.

Blogai blogai, palinkėjo blogai, kaip tik užkeikė kunigas.

Плохо, плохо, пожелал плохого, как раз проклял ксендз.

To ot przez potomstwi **pridurki** takie rodili się.

Так вот через потомства **придурки** такие рождались

Sužinoja, kad jie apvogė, – kai nori, viską sužinos. Negalima tokių dalykų daryti:

Узнал, что они обокрали, – когда хочешь, все узнаешь. Нельзя таких вещей делать:

będziesz kiepsko robić komu, wszystko jedno będzie kiepsko tobie. Nie w rodzinie, to w żywioły, w gospodarstwie wszystko jedno będzie upadek jaki czy co, nie można. Nie można: jeżeli nie robisz, nie trzeba i myśleć.

будешь плохо кому делать, все равно будет плохо тебе. Не в родне, так скотине, в хозяйстве все равно будет упадок такой, что невозможно. Нельзя: если не делаешь, не надо и думать⁶.

⁵ Е. И.-Д. 1994 (L KAR 19(67), L KAG 65(35)).

⁶ Е. И.-Д. 1994 (L KAR 19 (10), L KAG 64 (10)).

Сравнивая три приведенных выше примера (1., 2. и 3.), можно сказать, что в первых двух мы наблюдаем мотивированное переключение кодов, а в последнем — немотивированное.

Иногда переключение происходит в самом предложении:

4.

E.I. Wo, Stasiuka znasz? To on jak pracował na maszynie, na samoswale, to oni żesz tam грузы rozważali. Gdzie domy tie. Znalazł książkę. Po słowiańsku napisana. *Ne lietuviškai, ne rusiškai, ne vokiškai* – po słowiańsku. *Taip kaip pas mus* po łacinie, *te tenai* po słowiańsku u ruskich. To on popatrył na tę książkę, czytać nie może i lęka się czytać, wydze, że nie nasza książka, żeby co nie narobić. Bo nacziesz czytać nie wiadomo [co może być]: może *įdomu* porozwratąć, i ludzi pokoliechić – nie wiadomo co. Ale on zaniósł do dawatki. To ta chwiciła, jego pocałowała: «**A, сынутка ты дорогой! Ты не держи та книжка!**» To on tam u jej zostawił, to ona czy spaliła, czy co jej. «**A, сынутка ты дорогой! Не держи ты этой книжки.**»

R.B. *Kodėl jis pamanė, kad ta knyga negera?*

E.I. *Nu negera užtat, kad perskaityt nemokėjo, negalėjo. Lietuviškai moka, lenkiškai moka...*

R.B. *Sako, juodos knygos būdavo?*

E.I. I czarne **книжки** jest. Ja nie widziałam.

E.I. Во, Стасюка знаешь? Так он так работал на машине, на самосвале, так они там грузы развозили. Где дома те. Нашел книжку. По-славянски написана. *Не по-литовски, не по-русски, не по-немецки* – по-славянски. *Так, как у нас* на латыни, *так там* по-славянски у русских. Так он посмотрел на эту книжку, читать не умеет и боится читать, видит, что не наша книжка, как бы чего не натворить. А то начнешь читать, неизвестно, [что может быть]: может *интересно* полистать, а людей покалечить – неизвестно что. Но он принес к монашке. Так она схватила, его поцеловала: «**A, сынутка, ты дорогой! Ты не держи ту книжку!**» Так он там у нее оставил, так она или сожгла, или что. «**A, сынутка ты дорогой! Не держи ты этой книжки.**»

R.B. *Почему он подумал, что эта книга нехорошая?*

E.I. *Ну нехорошая потому, что прочитать не мог, не умел. По-литовски умеет, по-польски умеет...*

R.B. *Говорят, черные книги бывают?*

E.I. И черные **книжки** есть. Я не видела⁷.

Здесь в одном диалоге присутствует и мотивированное, и немотивированное переключение: в начале информантка прибегает к вкраплению литовских лексем и словосочетаний в польский текст, по-видимому, даже не замечая этого. В дальнейшем очевидно, что она переходит на русский язык в случае цитаты, а на литовский — после вопроса собирателя по-литовски. Однако, когда слышит вопрос по-литовское «черных книгах», отвечает снова по-польски, но употребляет при этом русское «книжки». Получается, что «книжка» служит своеобразным триггером переключения на польский (в данном случае) язык.

У той же информантки случаются и вкрапления польских фраз, когда она говорит по-литовски:

5.

R.B. *Ką darydavo, kai įkąsdavo gyvatė?*

E.I. *Nu gyvatės to jak kto, to na wiatro wyjdzie i zamówią.*

To aš nežinau, kaip tenai. Kaip mano mama užkalbėdavo, tai tik žinau, kad reikia [sakyti] triskart «Sveika, Marija», a daugiau nežinau. Un duonos, un sviesta.

R.B. *O jeigu gyvatė vaikinga?*

R.B. *Что делали, когда кусала змея?*

E.I. *От змеи так кто как, так на улицу выходят и заговаривают.*

Так я не знаю, как там. Как моя мама заговаривала, так только знаю, что нужно [говорить] три раза «Радуйся, Мария», а больше не знаю. На хлеб, на масло.

R.B. *А если змея с детьми?*

⁷ Е. И.-Д. 1994 (LKR 19(68), LKAG 65(36)).

E.I. Kiek vaikų, tiek kartų reikia užkalbinti'.

R.B. O kaip žinoti, ar ji vaikinga, ar ne?

E.I. Nu tai atspėsi: jeigu nepadės viena kartą, tai kita kartą užkalbinsi.

R.B. Ar tas pats žmogus turi užkalbėti?

E.I. Reikia šviežio.

Е.И. Сколько детей, столько раз надо заговорить.

Р.Б. А как узнать, с детьми она или нет?

Е.И. Ну так угадаешь: если не поможет один раз, то в другой раз заговоришь.

Р.Б. А тот же человек должен заговорить?

Е.И. Нужен свежий⁸.

Интересно, что при этом в литовском тексте практически нет славянских заимствований. На польский язык информантка переходит только при описании ритуала заговора от змеи. Вот еще один пример подобного перехода на польский язык уже у другой информантки из другой деревни той же области:

6.

R.B. Sako, akys kartais pakenkia?

M.Ž. Kai kitas pažiūri, tai sako: «A, oczy przeszli».

Nu tai būdavo ir stalo kampelius plauni vandeniu, paskui tas gi klemkas plauni ir duodi tam gyvuliui ar tam žmogui. [...]

Do vaikas kai mažas [verkia, rėkia]: «A, – sako, – akys praėjo». Kai vaiką nužiūri, tai paplauti reikia akis tris kartus, a gyvuliui irgi paplauti akis nuo savęs, nuo galvos į užpakalį. [...]

R.B. O kas tam vaikui būna, kai tos akys pakenkia?

M.Ž. Tai vaikas verkia ir būna piktas, nemiega. Žmogui dideliui tai gal nieko. Gyvuliam jauniui labai [pakenkia]. Jeigu paršuką kokį ten ar veršuką kas [pagiria]: «A, koks gražus, – ar tenai: – Aje, koks gražus!» – padyvins, nu ir būna, kad rėkia. [...]

R.B. O ką dar darydavo?

M.Ž. Czerez rasporok spodnice koszulę wziąć, wyciągać i podołkami choć trochę przeprowadzić ir tada apšluostyt. (...)

Р.Б. Говорят, глаза иногда вредят?

М.Ж. Когда иной посмотрит, то говорят: «А, глаза прошли».

Ну так, бывало, и уголки стола моешь водой, потом тоже дверные ручки моешь и даешь тому животному или тому человеку.

Ребенок когда маленький [плачет, кричит]: «А, – говорят, – глаза прошли». Когда ребенка сглазят, то помыть надо глаза три раза, а животному тоже помыть глаза от себя, от головы к задку.

Р.Б. А что с тем ребенком бывает, когда эти глаза вредят?

М.Ж. Так ребенок плачет и бывает злой, не спит. Человеку большому это может ничего. Молодому животному очень [вредит]. Если поросенка там или теленка [похвалят]: «А, какой красивый, – или там: – Ай, какой красивый!» – завидуют, ну и бывает, что кричит.

Р.Б. А что еще делали?

М.Ж. Через распорок юбки рубашку взять, протянуть и подолом хоть немного поводить и тогда вытереть. (...)⁹

Еще ярче эта тенденция проявляется в случае с заговорами: записано множество случаев, когда информант, отвечающий на вопросы только по-литовски, произносит заговор по-польски. Вот несколько примеров:

7.

R.B. Ar ką nors sakydavo, pamatę jauną mėnulį?

J.Ž. Kai pamatai pirmą kartą fazę jauną mėnulio, [reikia sakyti]:

Р.Б. Что-нибудь говорили, когда видели молодой месяц?

Я.Ж. Как первый раз видишь фазу молодого месяца, [надо говорить]:

⁸ Е. И.-Д. 1994 (L KAR 19 (75), L KAG 65 (43)).

⁹ М. Ж.-К. 1994 (L KAR 18(189), L KAG 60(32)).

Młody młodziak,
Młoda ja,
Daj mnie śnić,
Z kim ja skonczę
Wiek żyć.

R.B. Dar kartą pasakykite.

Młody młodziak,
Młoda ja,
Daj mnie śnić,
Z kim ja skonczę
Wiek żyć.

R.B. Tai kada taip sakydavo?

J.Ž. Nu kaip [jauną] mėnulį pamatai pirmą kartą.
Ir nereikia tadu su nieku kalbėt', o [reikia] ait'
miegot', ir viskas. Ale tadu nereikia niekam nė
žodžio sakyt', reikia ait' ir miegot'.

8.

R.B. Ar burdavo merginos šv. Andriejaus naktį?

*E.I. Palauk, šv. Andriejaus dieną aš būriau. O ką aš
būriau? Sėjau [kanapes]. [Aš] atsigulu [ir sakiau]:*

Andrzeju, Andrzeju,
[Ja] konopy sieję,
Daj mnie znać,
[Z] kim ja będę w łóżku spać.

*Neužmigau nė vieno lašuko! Tokios akys
[išsiplėtusios buvo, negalėjau nė], užmerkti, kaip
man baisu buvo! Kaip baisu buvo!*

R.B. Tai jus taip pamokė daryti?

*E.I. Aišku, kad pamokė. [Atsiguliau į lovą] ir
paėmiau grūdelių [kanapės] [ir sėjau] lovoje.
«Konopy, konopy...» – ir barstau ant patalynės [ir
sakau]:*

Andrzeju, Andrzeju,
[Ja] konopy sieję,
Daj mnie znać,
[Z] kim ja będę w łóżku spać.

Nie zasnętam!

9.

M.G. [Rožė būna] nuog išgūščių, visa. Nuog rožės
kalba. [Ką sako?] Nu aš lenkiškai cik [moku]:

Szedł Pan Jezus przez rzeką,
Niósł trzy rózy w ręką.
Jedna biała, druga czerwona,
Trzecia tam zginęła.
Jezau Nazarenski,
Oddel tie choroby ciężkie.

Молодой месяц,
Молодая я,
Дай мне во сне увидеть,
С кем я закончу
Век жить.

Р.Б. Еще раз скажите.

Молодой месяц,
Молодая я,
Дай мне во сне увидеть,
С кем я закончу
Век жить.

Р.Б. Так когда так говорили?

*Я.Ж. Ну как [молодой] месяц видишь первый
раз. И не надо тогда ни с кем говорить, а [надо]
идти спать, и все. Но тогда не надо никому
ни слова говорить, надо идти и спать¹⁰.*

Р.Б. Гадали ли девушки в ночь св. Андрея?

*E.I. Подожди, в день св. Андрея я гадала. А что
я гадала? Сеяла [коноплю]. Я ложусь [и говорю]:*

Анжей, Анжей,
[Я] коноплю сею,
Дай мне знать,
[С] кем я буду в кровати спать.

*Не заснула ни капельки! Такие глаза
[расширенные были, не могла даже] закрыть их,
как мне страшно было! Как страшно было!*

Р.Б. Так вас так научили делать?

*E.I. Конечно, научили. [Легла в кровать]
и взяла зерен [конопли] [и сеяла] в кровати.
«Конопля, конопля...» – и сыплю на постель [и
говорю]:*

Анжей, Анжей,
[Я] коноплю сею,
Дай мне знать,
[С] кем я буду в кровати спать.

Не заснула!¹¹

[Рожа бывает] от испуга, вся. От рожи говорят.
Что говорят? Ну я по-польски только умею:

Шел Господь Иисус через реку,
Нес три розы в руке.
Одна белая, вторая красная,
Третья там пропала.
Иисус Назаретский,
Отдали эти болезни тяжелые.

¹⁰ Я. Ж.-Я. 1993 (L KAR 17 (292), L KAG 42 (32)).

¹¹ Я. К.-Р. 1993 (L KAR 17 (35), L KAG 40 (31)).

Niósł try róży w ręką.
Jedna biała, druga czerwona,
Trzecia tam zginęła.
Jezau Nazarenski,
Oddel tie choroby cięski.

*Nu ir «Sveika Marija». Ale kap kalbėsi, tai reikia jau
tų dūchas nevaikščiūt. Dūchų laikys savo.*

Шел Господь Иисус через реку,
Нес три розы в руке.
Одна белая, вторая красная,
Третья там пропала.
Иисус Назаретский,
Отдали эти болезни тяжелые.

Ну и «Радуйся, Мария». Но как говоришь, то нужно уже духом не ходит. Дух держать свой¹².

На вопрос собирателя, почему заговоры произносятся по-польски, информанты не давали внятного ответа: отвечали, что «так надо» или их так учили. Несомненно, все информанты используют польский язык в повседневной жизни, он должен восприниматься как свой, тем не менее в некоторых случаях он больше связан с магической практикой, чем литовский. Известно, что язык, который имеет статус «чужого», считается более сильным в борьбе с нечистой силой, приобретает могущество заклинания. В рассматриваемом районе польский язык вряд ли можно считать чужим, однако некоторые слова, видимо, оказываются не совсем понятными. Зафиксировано, например, такое свидетельство:

10.

*R. B. O ką daryti, kad kai aini miškan, kad
nepamatytai gyvačiū?*

*J. S. Tai aš lietuviškai tai nežinau. Man kadusi tokia
bobutė [iš] Avižinių [pasakė]. Jų iš lenkų parapijos
atekėjo už mano dzieduko, tai tep vis sakydavo:
„Vaikai, kap ainat uogauc...“ Su tuoj bobuti mes vaikai
tai visad ainat uogauc, tai išmokė tokią maldele:*

Matka Boska potężna
Przycisnęła głową węża...

*Ir matot, va kur stovi Panelė Švenčiausia Dubičiuose,
taigi žalčio galva po kojom... Tai, sako, jei kalbėsit šitą
maldele, tai neinkūs gyvatė nei žalcyš. Tai mes visadu
tep sakydavom.*

R. B. O jūs dar kartą lenkiškai pakartokit.

J. S. Matka Boska potężna
Przycisnęła głową węża...

Panelė Švenčiausia...

*Dar sakiau kokį lenką reikia paklausc kas yra
«potężna...» Gal stebuklinga?*

*Panelė Švenčiausia stebuklinga
Prispaudė žalčio galvą.*

*Р.Б. А что делать, если идешь в лес, чтобы
не увидеть змею?*

*Я.С. Так я по-литовски-то не знаю. Мне
когда-то такая бабуля [из] Авижино [сказала].
Она из польского уезда вышла замуж за моего
дедушку, то так все говорила: «Дети, как иде-
те за ягодами...» С той бабулей мы, дети, всег-
да идем за ягодами, так научила такой молитве:*

Мать Божья могущественная
Прижала голову змеи...

*И видите, вот где стоит Дева Пресвятая в Ду-
бичяй, так что голова ужа под ногами... Так,
говорят, если будете говорить эту молитву,
то не укусят ни змея, ни уж. Так мы всегда так
говорили.*

Р.Б. А вы еще раз по-польски повторите.

Й.С. Мать Божья могущественная
Прижала голову змеи...

Дева Пресвятая...

*Еще, говорю, надо какого-нибудь поляка спро-
сить, что такое «potężna». Может, чудесная?*

*Дева Пресвятая чудесная
Прижала голову ужа¹³.*

Возможно, из-за подобного недопонимания возникают гибридные варианты, когда одно непонятное слово или несколько заменяются лексемами другого языка. Ср., например, гибридный польско-белорусский вариант заговора:

¹² М. Г.-Б. 1996 (Lkar 53 (1414)).

¹³ Я. С.-П., К. Г.-М. 2012 (RBAR 32 (113) panočiai_RBAG cd 3 (261)).

11.

Ma Mania przełknięcia
Kaciata, sabasza, czałowiecia,
Gremoty, samalioty
Wyjdźcie z Mani ciała
Na suche lasa,
Na dzikie balata.
Zgińcie, przypadycie
Przez boskuju moc¹⁴.

У Мани испуг
Кошачий, собачий, человеческий,
Громы, самолеты
Выйдите с тела Мани
На сухие леса,
На дикие болота.
Сгиньте, пропадите
Божьей силой.

В данном случае, видимо, мы имеем дело уже не с переключением кодов, а со смешением кодов, поскольку информант, скорее всего, не осознает, лексемы какого языка он использует. Подобные случаи описаны, в частности, М. Глушковским на примере польско-русских языковых контактов: он подчеркивает, что «конгруэнтная лексикализация характерна для контактов между близкородственными языками, так как тогда намного легче перекрывать фрагменты кода, [...] когда на стыке польской и русской частей высказывания находятся элементы, которые могут относиться к обоим кодам» [Głuszkowski 2018, 44]. В случае неблизкородственных языков (литовского и белорусского или литовского и польского) подобных смешений следовало бы ожидать с гораздо меньшей вероятностью. Кроме того, по свидетельствам исследователей, изучавших местные польские говоры, они формировались на основе белорусского языка: «из представленного анализа лексических литуанизмов видно, что заимствования первоначально попали в белорусские диалекты, образовавшиеся на основе литовского субстрата, а затем уже перекочевали в польский язык» [Rutkovska 2012, 72]. Таким образом, собственно белорусские лексемы иногда трудно отличить от элементов местного польского диалекта.

Интересно, что похожий текст заговора уже полностью по-белорусски был записан от другой информантки в той же деревне:

12.

[Dar kalba] nuog išgūščiū, kap išsiganda. Nu tai sako:

[Еще говоря]т от испуга, когда пугаются.
Ну так говорят:

Перапалохі кацячыя, сабачыя,
Ветраныя, агнявыя, людскія,
Выйдзіце з гэтай ... з гэтага чалавека.

Ale reikia jau vardu sakus.

Но нужно уже имена говорить.

Прайдзіце праз сухія лясы
Праз дзікія балоты
Праз Божую моц,
Дзе людзі не ходзяць.

Ir vėliai «Sveika Marija» kiek gali. Ir vienų, ir tris, kap gali dūki dalaikūs. O tadu rapūtei, rapūtei in to... an ko kalba. Tį koja, ranka, tį... an cukraus.

И опять «Радуйся, Мария» сколько можешь.
И один, и три, как можешь дух задержать.
А тогда подуешь, подуешь на то, на что говоришь. Там нога, рука... на сахар¹⁵.

Подобных гибридных вариантов, конечно, должно быть больше на территории Беларуси. Вот пример трехязычного текста, записанного в Воронове:

¹⁴М. Д.-Б. 1996 (L KAR 53 (1239)).

¹⁵О. Б.-Г. 1996 (L KAR 53 (1415 a)).

13.

M.A. Galiu užkalbėc nuo rožės.

Szedł Pan Jezus przed Jeruzalimem
I znalazł trzy rózy,
Jedna biała, druga sinia, trzecia czerwona,
Jedna spađła, druga zgrubła, trzecia znikła,
I ty zniknij z rana (albo z wieczora), tam juź jego
róža

Ну тры разы так замоўляю. Адным духам трэба. Ну і тады таго хвораму каму замоўляеш, скажашь, жэбы пяць папероў да пана Езуса згаворыць. А яно еслі не ўмее ілі малы дзіця, за яго.

R.B. Kiek kartų reikią kalbėc?

M.A. Cik du: iki pietų ir po pietais. Bet kuriuo laiku. Išgydo jų ir miltais, ale geriausia [kap užkalbėta]. Jų dvylika yr. Geriausiai kap jau užkalbėc. Raikia peržegnoc tą žmogų ir priglausc rankų prie kaktos ir tađu kalbėc. Kap sukalti kartų, tai pusterc an to daikto kur sopa. Ir i tep tris kartus.

M.A. Могу заговорить от рожи

Шел Господь Иисус через Иерусалим
И нашел три розы,
Одна белая, вторая синяя, третья красная,
Одна упала, вторая огрубела, третья пропала,
И ты пропади с утра (или с вечера), там уже его
рожа (роза)

R.B. Сколько раз надо говорить?

M.A. Только два: до обеда и после обеда. В любое время. Лечат их и мукой, но лучше всего [когда заговорено]. Их двенадцать. Лучшие как уж заговорить. Надо перекрестить этого человека и прижать руку ко лбу и тогда говорить. Как раз заговоришь, то подуть на то место, где болит. И так три раза¹⁶.

Примечательно, что, несмотря на употребление сразу трех языков, смешения кодов здесь не происходит: информант сначала говорит по-литовски, сам текст произносит по-польски, но сразу после заговора переходит на белорусский. Возможно, перейти на литовский его побудила языковая компетенция собирателя.

Записан еще один подобный пример диалога, который начинается на белорусском языке, заговор произносится по-польски (с вкраплениями белорусского), а в конце разговора информант переходит на литовский из-за вмешательства в диалог третьего человека, сказавшего фразу на литовском. Тем не менее в конце разговора информант неожиданно вновь переходит на польский («Ona z Plik»):

14.

К.К. Бывала скаціна падала ад урокаў. Я ўжо была у Дубінцах. Калісь ягнятаў вылечылі трах трах... Адзін чалавек прыйшоў, кажа «Якія авечкі хоршыя». Адзін паў, пака до яго добежалі, ужо другі ляжыць.

R.V. А что ему случилось?**К.К. Сэрца лопнула. Ад урокаў сэрца лопнула.****R.V. А что рабіць ад урокаў?****К.К. Ну замаўляла, замовы былі.****R.V. Что там говорили?**

К.К. Наша мама адразу замаўляла, потым ёй цяжка стала, бо трэба адным духам замаваць. То она трошкі мяне вучыла, але я не замаўляла, не займалася. Так:

Jak ciężko Panu Jezusu w grobie leżeć,
Tak ciężko tym użo od szkodzących ocz temu...
Żywiołu (czy człowieku) cierpieć...
I trzy razy „Zdrowość Maria“.

Как тяжело Господу Иисусу в гробу лежать,
Так тяжело уже от вредящих глаз тому...
Скотине (или человеку) терпеть...
И 3 раза «Радуйся, Мария»

R.V. Как там...

Jak ciężko Panu Jezusu w grobie leżeć,
Tak ciężko temu człowieku (czy скаціне)
Od szkodzących ocz jej cierpieć.

Так тяжело Господу Иисусу в гробу лежать,
Так тяжело тому человеку (или скотине)
От вредящих глаз терпеть.

Так. Так тры разы адным духам і потым тры разы «Zdrowość Maria» ужо.

¹⁶ М. А.-Р. 1991 (LKAR 25 (308)).

Р.В. А на чем говорили?

К.К. Так ужо на чалавека, ці на сахару.

Р.В. И что делать?

К.К. Выпіць ці з'есці. [...]>

Р.В. А как там начало, trzeba przeżegnać się?

К.К. Да, trzeba przeżegnać się.

Р.В. И тогда говорить...

К.К. Jak ciężko Panu Jezusu w grobie leżeć,
Tak ciężko temu ўжо чалавеку ці якой скаціне
Od szkodzących oczej cierpieć.

Р.Б. А как там начало, надо перекреститься?

К.К. Да, надо перекреститься.

К.К. Как тяжело Господу Иисусу в гробу
лежать,
Так тяжело тому уже человеку или какой
скотине
От вредящих глаз терпеть.

Тры разы трэба адным духам і тры разы «Zdrowość Maria». Калісь памагала, замаўлялі людзі.

Р.В. Много приходило к маме людей?

К.К. То замаўляла мама і тата ад гэтых урокаў замаўлялі, ад рожы замаўлялі.

J.K. Gudytojų nebuvo...

K.K. Gudytojų buvo, ale pinigų nebuvo.

R.B. O čia nereikėjo mokėti?

K.K. Ne, nemokėjo

J.K. Ju čia kaimynai tas tam.

R.B. O kokia jūsių mamytės pavardė buvo?

*K.K. Marija Radzevičienė – Žezdriniūtė. [...] Она
z Plik*

Ю.К. Врачей не было.

К.К. Врачи были, но денег не было.

Р.Б. А здесь не надо было платить?

К.К. Нет, не платили.

Ю.К. Они тут соседи друг другу.

Р.Б. А какая была фамилия у вашей мамы?

*К.К. Мария Радзевичене-Жездринюте. [...] Она
из Плик¹⁷.*

Несмотря на обилие случаев, когда тексты заговоров произносятся на польском, существуют варианты, когда информанты произносят заговор сразу на двух языках:

15.

Czaru maru diabeł stary,
Jak pokręci, głowę skręci.
Čaru maru pakšt, tau nepasiseks,
Dievas nepadės, velnias pakerės.

Чару-мару, дьявол старый,
Как покрутит, голову открутит.
Чару-мару чпок, тебе не повезет,
Бог не поможет, черт заколдует¹⁸.

Причем лексемы из одного языка могут вторгаться в текст на другом языке, например:

16.

*R.B. O ką reikia daryti, kai blogos akys nužiūri
gyvulį ar žmogų?*
*V.K. Sako, kai aina jau žiūrėt' ką, tai [reikia sau
pasakyti:]*
Sol w oczy, šūda [w zęby]
Druska akin, a šūda[s] šalin.
R.B. Taip reikia pasakyti?
V.K. Aha, nu. Cha cha cha cha...
R.B. O kada taip sako, einant į tvartą?

*Р.Б. А что надо делать, если дурные глаза
сглазят животное или человека?*
*В.К. Говорят, когда идут смотреть что-то,
то [нужно про себя сказать]:*
Соль в глаза, говно [в зубы]
Соль в глаза, а говно в сторону.
Р.Б. Так надо сказать?
В.К. Ага, да. Ха-ха-ха-ха
Р.Б. А когда так говорят, идя в хлев?

¹⁷ Ю. К., К. К.-П. 2011 (RBAR 31 (137)_pelesa_RBAG cd 2 (559)).

¹⁸ Л. П.-П. 2001 (LKBAR 100(9), LKBAG 370(44)).

V.K. Nu, aha.

Sol w oczu, główna w zęby.

R.B. O kas tada būna?

V.K. Nu tai jau tada [tos blogos akys], sako, nepakenkia. Ar tiesa čia, ar ne, tai nežinau.

R.B. O garsiai ar tyliai reikia pasakyti?

V.K. Tyliai, sau, kad jinai tiktai negirdėtu.

В.К. Ну да.

Соль в глаза, говно в зубы.

Р.Б. А что тогда бывает?

В.К. Ну так тогда уже [эти дурные глаза], говорят, не вредят. Правда это или нет, не знаю.

Р.Б. А громко или тихо надо сказать?

В.К. Тихо, себе, чтоб она только не слышала¹⁹.

Примечательно, что в этом случае «от дурных глаз», т.е. от колдунов, которые могут сглазить, нужно оберегаться с помощью польского текста. Записано еще свидетельство, что ведьмы поют по-польски:

17.

Sakydavo, kad raganos... Va čia, kur mes gyvenom, tai buvo trys kalnai. Čia Paųžuolių kalnas, čia mūsų Vaidilų kalnas ir va čia, par Kuvaikų, kitas — Pasiekos kalnas. Tai sakė, kad raganos ant tų kalnų dainuodavo vakarais. Ir kokią dainelę, būdavo, mama sakė, bobutė, būdavo, pasakoja mano, paskui ir mama jau sakydavo, lenkiškai dainavo. [...] Jos ant visų trijų kalnų sėdėdavo ir vienas kalnas nuo kito netoli, tik per Baltramiejaus balą, ir dainuodavo...

Viena sakė, kad: «Biała gęś był», a kita: «Czarwone nogi miała», a trčia sakė: «Pa błocie chodziła, pa błocie chodziła».

Ir va teip viena tą žodį sako ir sako, kita tą, trečia tą ir teip tokia giesmė išeidavo labai graži.

Говорили, что ведьмы... Вот здесь, где мы жили, там было три горы. Здесь гора Паужуолю, здесь наша гора Вайдилу и вот здесь, у Кувайки, другая — гора Пасека. Так говорили, что ведьмы на этих горах пели по вечерам. И какую песню, бывало, мама говорила, бабушка, бывало, рассказывала моя, потом и мама уже говорила, по-польски пели. Они на всех трех горах сидели и одна гора от другой недалеко, только через болото Балтрамеюса, и пели...

Одна говорила, что «Белый гусь был», а другая: «Красные ноги у него были», а третья говорила: «По болоту ходил, по болоту ходил».

И вот так одна то слово говорит и говорит, другая то, третья то, и так такая песня выходила очень красивая²⁰.

Интересно, что само слово ведьма (*ragana*) при этом литовское. Хотя многие лексемы, обозначающие колдунов и связанные с ними действия и предметы (вспомним «черную книжку» — см. текст 4) в литовском тексте могут быть славянскими. Если составить небольшой словарик тех славянских лексем, которые чаще всего встречаются в литовских текстах, не изобилующих заимствованиями, он окажется довольно показательным:

čeraunukas (лит. *kerėtojas*) < бел. чараўнік, пол. *czarownica*

šaptūnai (лит. *užkalbėtojai*) < рус. шептун, бел. шантун

(su-, pa-, už-)čeravoti (лит. *kerėti*) < бел. чараваць, пол. *czarować*

varažyti, vorožyti (лит. *burti*) < бел. варажыць, рус. ворожить

škadyti (лит. *kenkti*) < бел. шкодзіць, пол. *szkodzić*

raboti (лит. *išsigąsti*) < пол. *bać się*, рус. бояться, бел. баяцца

dūvitis (лит. *stebėtis*) < бел. дзівіцца, пол. *dziwić się*

zababonai (лит. *prietarai*) < бел. забабоны, пол. *zabobony*

mačyti, mačinti (лит. *padėti*) < рус. помочь, пол. *pomoc*, бел. дапамагчы

molytva, malytva (лит. *malda*) < рус. молитва, бел. малітва

¹⁹ В. К.-Ж. 1994 (L KAR 21 (179), L KAG 73 (19)).

²⁰ Е. М. 1994 (L KAV 173 (22)).

Получается, что не только магические тексты, но и связанную с магическими ритуалами лексику информанты в речи на литовском языке часто произносят по-польски, хотя они, несомненно, знают литовские соответствия и употребляют их.

В таких случаях мы, конечно, видим примеры интерференции, когда заимствованные славянские лексемы прочно вошли в литовский язык, получив соответствующее грамматическое оформление. Обсуждать явления интерференции в рамках анализа смешения кодов, возможно, было бы некорректно, хотя, как отмечает С. Скорвид, «...смешение кодов является лишь частным, хотя и отличным от других, случаем интерференции» [Skorwid 2017, 378].

В лингвистической литературе, посвященной переключению кодов в речи билингвов, как правило, ставится вопрос, подчиняется ли процесс переключения кодов определенным правилам, и если да, то насколько они универсальны и обязательны [Багана, Блажевич 2010, 67]. Относительно описанных случаев можно согласиться с М. Глушковским, что «частому переключению кода способствует равный статус и престиж обоих языков в глазах данного человека» [Głuszkowski 2013, 272]. Применительно к языковой ситуации на литовско-белорусском пограничье это очень верно, однако вопрос о причине смена кода в процессе речи остается открытым. Обсуждая подсознательные факторы переключения кодов, Ю.Н. Эбзеева, Е.В. Тутова отмечают, что «говорящий использует ту единицу, которая первой “приходит на память”, что, в свою очередь, связывается с частотой употребления лексической единицы. Переключение кодов связывается также с принципом экономии речевых усилий, “культурной непереводимостью” некоторых лексических единиц» [Эбзеева, Тутова 2012, 141]. Для части описанных случаев это верно: если заговор принято произносить по-польски, то и описание магического ритуала, с ним связанного, более вероятно будет произноситься по-польски. Однако в этом регионе зафиксировано немало и литовских заговоров, существуют идентичные тексты на двух языках. При этом обратных случаев (перехода на литовский язык при чтении заговора, если разговор происходит по-польски или по-белорусски) в данных материалах не зафиксировано. Таким образом, на наш взгляд, описанные явления переключения кодов в речи полилингвов на территории литовско-белорусского пограничья показывают определенные тенденции в восприятии литовского и польского языков: польский язык в их сознании оказывается больше связан с магическими практиками.

Видимо, при оценке причин, влияющих на переключение кодов, не стоит недооценивать фольклорный и этнографический контексты.

СПИСОК ИНФОРМАНТОВ:

- В. К.-Ж. 1994 – Владислава Керулене-Жидкаускайте, род. в 1920 г. в Молетском р-не, окр. Биютишкис, дер. Намалишкяй, жив. в Молетском в-не, окр. Йонишкис, дер. Керуляй. Записала Р. Балкуте в 1994 г.
- Е. И.-Д. 1994 – Елена Ингелявичене-Данилявичюте, род. в 1921 г. в Молетском р-не, окр. Йонишкис, дер. Лакагирай, жив. в Молетском р-не, окр. Йонишкис, дер. Пакаманис. Записала Р. Балкуте в 1994 г.
- Е. М. 1994 – Елена Мацюлявичене (Григелявичюте), род. в 1924 г. в Молетском р-не, окр. Йонишкис, дер. Савиденай, жив. в Молетском р-не, окр. Йонишкис, дер. Жидавайнйяй. Записала Р. Балкуте в 1994 г.
- Л. П.-П. 2001 – Люция Петрошкене-Петрикайте, род. в 1933 г. в Укмяргском р-не, окр. Лидуокую, дер. Нуотеку, жив. в Укмергском р-не, окр. Лидуокаяй, дер. Юодаусаяй. Записала Р. Балкуте в 2001 г.
- М. А.-Р. 1991 – Мария Амбражук-Рудзите, род. в 1933 г, род. и жив. в Вороновском р-не, окр. Радуни, дер. Юцунай. Записала Р. Балкуте в 1991 г.

- М. Д.-Б. 1996 – Михалина Двинелене-Бутримюте, род. в 1900 г., род. и жив. в Шальчининкском р-не, окр. Девянишкес, дер. Жижмай. Записала Р. Балкуте в 1996 г.
- М. Г.-Б. 1996 – Мария Гайдене-Баранаускайте, род. в 1923 г. Род. и жив. в Шальчининкском р-не, окр. Девянишкес, дер. Жижмай. Записала Р. Балкуте в 1996 г.
- М. Ж.-К. 1994 – Мелания Жукаускене-Кувейкайте, род. в 1923 г. в Утянском р-не, окр. Йонишкис, дер. Савиденай, жив. в Молетском р-не, окр. Йонишкис, дер. Сутренай с 1943 г. Записала Р. Балкуте в 1994 г.
- О. Б.-Г. 1996 – Она Баранаускаене-Гайдите, род. в 1930 г., род. и жив. в Шальчининкском р-не, окр. Девянишкес, дер. Жижмай. Записала Р. Балкуте в 1996 г.
- Ю. К., К. К.-Р. 2011 – Юозас Кауза, род. в 1929 г.; К. Каузене-Радзвичюте, род. в 1929 г. в Беларуси, Вороновском р-не, окр. Больтишки, дер. Дубиняй, жив. в Беларуси, Вороновском р-не, окр. Больтишки, дер. Смильгиняй. Записала Р. Балкуте в 2011 г.
- Я. Ж.-Я. 1993 – Ядвига Жибене-Янкаускайте, род. в 1930 г., род. и жив. в Молетском р-не, окр. Йонишкис, дер. Пукенишкяй. Записала Р. Балкуте в 1993 г.
- Я. К.-Р. 1993 – Янина Кадонене-Русецкайте, род. в 1910 г. в Молетском р-не, окр. Дубингяй, дер. Скреблинчяй, жив. в Молетском р-не, окр. Йонишкис, пос. Йонишкис. Записала Р. Балкуте в 1993 г.
- Я. С.-П., К. Г.-М. 2012 – Янина Стангене-Падмаскайте, род. в 1933 г. в Варенском р-не, окр. Канывы, дер. Стояй, жив. в Варенском р-не, окр. Канывы, дер. Мантотай; Казимера Гервялэнене-Марцявичюте, род. в 1940 г. Род. и жив. в Варенском р-не, окр. Канывы, дер. Мантотай. Записали Р. Балкуте, Н. Лауринкене в 2012 г.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- LKAV – Lietuvos liaudies kultūros centro Liaudies kūrybos archyvo video įrašai.
LKAR – Lietuvos liaudies kultūros centro Liaudies kūrybos archyvo rankraščiai.
LKAG – Lietuvos liaudies kultūros centro Liaudies kūrybos archyvo garso įrašai.
RBAR – Ritos Balkutės archyvo rankraščiai.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Багана Ж., Блажевич Ю. С. К вопросу о переключении кодов // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. 2010. № 12(83). Вып. 6. С. 63–68.
- Видуگیرис А., Каралюнас С. К вопросу о типах двуязычия в Литовской ССР // Проблемы двуязычия и многоязычия. М.: Наука, 1972. С. 156–160.
- Видуگیرис А., Климчук Ф. Некоторые вопросы этноязыковых процессов на балто-восточнославянском пограничье // Этнолингвистические балто-славянские контакты в настоящем и прошлом. Предварительные материалы. М.: Наука, 1978. С. 10–35.
- Невская Л. Г. О лексическом и семантическом взаимодействии литовского и славянского языков // Славянское славяноведение. 1972. № 1. С. 90–104.
- Невская Л. Г., Судник Т. М. Диалектные контакты в зоне современного балтийско-славянского этноязыкового пограничья // Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Загреб – Люблина, сентябрь 1978 г. Доклады советской делегации. М.: Наука, 1978. С. 285–305.
- Судник Т. М. Заметки о литовско-белорусском двуязычии (на материале говора Гервят) // Проблемы индоевропейского языкознания. М.: Наука, 1964. С. 79–89.
- Судник Т. М. Диалекты литовско-славянского пограничья. Очерки фонологических систем. М.: Наука, 1975. 232 с.
- Чекман В. Н. К проблеме литовско-белорусских лексических связей // Baltistica. 1972. 8(2). С. 147–156.
- Чекман В. Н. К социолингвистической характеристике польских говоров белорусско-литовского пограничья // Studia nad polszczyzną kresową. 1982. 1. С. 123–138.
- Чекмонас В. Функционирование языков и билингвизм // Lietuvių kalba ir bilingvizmas. (LKK T. 27). Vilnius, 1988. С. 416–442.
- Эбзева Ю. Н., Тутова Е. В. Проблема переключения кодов и языковые контакты // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. 2012. № 3. С. 138–143.
- Bednarczuk L. Stosunki etnolingwistyczne na obszarze Wielkiego Księstwa Litewskiego // Acta Baltico-Slavica. 1994. 22. С. 109–124.

- Čekmonas V. O bilingwizmie polsko-litewskim i litewsko-polskim na Dence (czyli na północno-wschodnich obszarach Wileńszczyzny) // Sytuacja językowa na Wileńszczyźnie. Warszawa: Elipsa, 1999. S. 28–39.
- Głuszkowski M. Idiolektalne zróżnicowanie przełączania kodów w dwujęzyczności starowierców regionu Suwalsko-Augustowskiego // Acta Baltico-Slavica. 2013. 37. Warszawa. S. 265–275.
- Głuszkowski M. Mieszanie kodów w kontaktach języków blisko spokrewnionych: na materiale polsko-wschodniosłowiańskiego kontaktu językowego // Z polskich studiów slawistycznych. Ser. 13, t. 2: Językoznawstwo, prace na XVI Międzynarodowy Kongres Slawistów w Belgradzie 2018 / pod red. Zbigniewa Grenia, Poznań, Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 2018. S. 41–50.
- Głuszkowski M. Code-Switching and Code-Mixing on Different Language Levels: The Case of a Polish Language Island in Siberia // Slavistična revija 71/2 (2023). S. 161–174.
- Grek-Pabisowa I. Językowa rzeczywistość na Kresach północno-wschodnich // Kresy – pojęcie i rzeczywistość. Warszawa: SOW, 1997. S. 145–179.
- Grinaveckienė E. Lietuviškos kilmės leksika Lietuvos paribio baltarusių šnektose // Lietuvių kalbotyros klausimai. 1983. 22. P. 182–204.
- Grinaveckienė E. Buivydžių apylinkių (Vilniaus r.) lenkų šnektos lituanizmai // Lietuvių kalbotyros klausimai. 1991. 29. P. 47–64.
- Karaliūnas S. Bilingvizmo situacijos ir jų socialinė dinamika // Lietuvių kalbotyros klausimai. 1988. 27. P. 4–20.
- Kardelis V. Šiaurės rytų aukštaičiai vilniškiai: ribos ir diferenciacija. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2009. 287 p.
- Kardelis V., Sinočkina B., Wiemer B., Zielińska A. Sytuacja językowa na terenie od Wisagini do Hoduciszek na Litwie (raport z anda terenowych) // Acta Baltico-Slavica. 2003. 27. S. 33–52.
- Lipskienė J., Vidugiris A. Dieveniškų tarmė [Svarbesni tarmės ploto ir jos tyrinėjimo istorijos duomenys] // Lietuvių kalbotyros klausimai 9 / Lietuvių kalbos gramatinė andarac. 1967. P. 183–222.
- Muysken P. Bilingual speech: a typology of code mixing. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 306 p.
- Poplack S. Code-Switching (linguistic) / N. Smelser, P. Baltes (editors) // International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences. Amsterdam: Elsevier, 2001. P. 2062–2065.
- Rutkowska K. Litanizmy leksykalne w gwarach polskich na Litwie // J. Rieger, I. Masojć, K. Rutkowska. Słownictwo polszczyzny gwarowej na Litwie. Warszawa: DiG, 2006. S. 73–108.
- Rutkowska K. Świadomość narodowa a język ludności wiejskiej na pograniczu polsko-białorusko-litewskim // Prace Filologiczne. 2008. 54. S. 345–366.
- Rutkowska K. Lietuvių kalbos skoliniai Lietuvos lenkų tarmėse // Acta Linguistica Lithuanica. LXVII. 2012. T. 67. P. 52–77.
- Skorwid S. Code-switching w wypowiedziach użytkowników innosłowiańskich gwar przesiedleńczych w Rosji // Acta Universitatis Wratislaviensis No 3792. Slavica Wratislaviensia CLXV. Wrocław, 2017. S. 369–380.
- Turska H. O powstaniu polskich obszarów językowych na Wileńszczyźnie / wstęp i opr. V. Čekmonas. Vilnius, 1995 (przedruk z r. 1939). 266 s.
- Urbanavičienė J. Adutiškio – Kamojų arealas: kalbinė tapatybė lietuvių ir baltarusių paribyje // Kalbotyra. 2011. 63(3). P. 95–114.
- Vidugiris A. Dėl kalbų kontaktavimo pietryčių Lietuvoje // Lietuvių kalbotyros klausimai. 1983. 23. P. 46–61.
- Zinkevičius Z. Rytų Lietuva praeytyje ir dabar. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1993. 318 p.

Рукопись поступила в редакцию 16.06.23

Рукопись принята к печати 12.02.24

REFERENCES

- Bagana Zh., Blazhevich Iu.S. K voprosu o perekliuchenii kodov. *Nauchnyje vedomosti. Serija Gumanitarnyje nauki*, 2010, no. 12(83), vyp. 6, pp. 63–68. (In Russ.)
- Bednarczuk L. Stosunki etnolingwistyczne na obszarze Wielkiego Księstwa Litewskiego. *Acta Baltico-Slavica*, 1994, 22, pp. 109–124.
- Chekman V.N. K probleme litovsko-belorusskikh leksicheskikh sviazei. *Baltistica*, 1972, 8(2), pp. 147–156. (In Russ.)
- Chekman V.N. K sotsiolingvisticheskoj kharakteristike pol'skikh govorov belorussko-litovskogo pogranich'ia. *Studia nad polszczyzną kresową*, 1982, 1, pp. 123–138. (In Russ.)

- Chekmonas V. Funkcionirovanije iazykov i bilingvizm. *Lietuvių kalba ir bilingvizmas*, (LKK T. 27), Vilnius, 1988, pp. 416–442. (In Russ.)
- Čekmonas V. O bilingwizmie polsko-litewskim i litewsko-polskim na Dence (czyli na północno-wschodnich obszarach Wileńszczyzny). *Sytuacja językowa na Wileńszczyźnie*, Warszawa, Elipsa Publ., 1999, pp. 28–39.
- Ebzejeva Iu.N., Tutova Je.V. Problema perekliucheniia kodov i iazykovyje kontakty. *Vestnik RUDN. Cjeriia Lingvistika*, 2012, no. 3, pp. 138–143. (In Russ.)
- Głuszkowski M. Idioktalne zróżnicowanie przełączania kodów w dwujęzyczności starowierców regionu Suwalsko-Augustowskiego. *Acta Baltico-Slavica*, 2013, 37, Warszawa, pp. 265–275.
- Głuszkowski M. Mieszanie kodów w kontaktach języków blisko spokrewnionych: na materiale polsko-wschodniosłowiańskiego kontaktu językowego. *Z polskich studiów slawistycznych, ser. 13, t. 2: Językoznawstwo, prace na XVI Międzynarodowy Kongres Slawistów w Belgradzie 2018*, pod red. Zbigniewa Grenia, Poznań, Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza Publ., 2018, pp. 41–50.
- Głuszkowski M. Code-Switching and Code-Mixing on Different Language Levels: The Case of a Polish Language Island in Siberia. *Slavistična revija* 71/2 (2023), pp. 161–174.
- Grek-Pabisowa I. Językowa rzeczywistość na Kresach północno-wschodnich. *Kresy – pojęcie i rzeczywistość*. Warszawa, SOW Publ., 1997, pp. 145–179.
- Grinaveckienė E. Lietuviškos kilmės leksika Lietuvos paribio baltarusių šnektose. *Lietuvių kalbotyros klausimai*, 1983, 22, pp. 182–204.
- Grinaveckienė E. Buivydžių apylinkių (Vilniaus r.) lenkų šnektos lituanizmai. *Lietuvių kalbotyros klausimai*, 1991, 29, pp. 47–64.
- Karaliūnas S. Bilingvizmo situacijos ir jų socialinė dinamika. *Lietuvių kalbotyros klausimai*, 1988, 27, pp. 4–20.
- Kardelis V. *Šiaurės rytų aukštaičiai vilniškiai: ribos ir diferenciacija*. Vilnius, Vilniaus universiteto leidykla Publ., 2009. 287 p.
- Kardelis V., Sinočkina B., Wiemer B., Zielińska A. Sytuacja językowa na terenie od Wisagini do Hoduciszek na Litwie (raport z badań terenowych). *Acta Baltico-Slavica*, 2003, 27, pp. 33–52.
- Lipskienė J., Vidugiris A. Dieveniškų tarmė [Svarbesni tarmės ploto ir jos tyrinėjimo istorijos duomenys]. *Lietuvių kalbotyros klausimai* 9, *Lietuvių kalbos gramatinė sandara*, 1967, pp. 183–222.
- Muysken P. *Bilingual speech: a typology of code mixing*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 2000. 306 p.
- Nevskaia L.G. O leksicheskom i semanticheskom vzaimodeistvii litovskogo i slavianskogo iazykov. *Slavianskoje slavianovedenije*, 1972, no. 1, pp. 90–104. (In Russ.)
- Nevskaia L.G., Sudnik T.M. Dialektnyje kontakty v zone sovremennogo baltiisko-slavianskogo etnoiazkykovogo pogranich'ia. *Slavianskoje iazykoznanije. VIII Mezhdunarodny s"jezd slavistov. Zagreb – Liubliana, sentiabr' 1978 g. Doklady sovetsoi delegatsii*. Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 285–305. (In Russ.)
- Poplack S. Code-Switching (linguistic). N. Smelser, P. Baltes (editors). *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*. Amsterdam, Elsevier Publ., 2001, pp. 2062–2065.
- Rutkowska K. Lituanizmy leksykalne w gwarach polskich na Litwie. *J. Rieger, I. Masojć, K. Rutkowska. Słownictwo polszczyzny gwarowej na Litwie*. Warszawa, DiG Publ., 2006, pp. 73–108.
- Rutkowska K. Świadomość narodowa a język ludności wiejskiej na pograniczu polsko-białorusko-litewskim. *Prace Filologiczne*, 2008, 54, pp. 345–366.
- Rutkowska K. Lietuvių kalbos skoliniai Lietuvos lenkų tarmėse. *Acta Linguistica Lithuanica*, LXVII, 2012, t. 67, pp. 52–77.
- Skorwid S. Code-switching w wypowiedziach użytkowników innoślōwiańskich gwar przesiedleńczych w Rosji. *Acta Universitatis Wratislaviensis No 3792. Slavica Wratislaviensia CLXV*. Wrocław, 2017, pp. 369–380.
- Sudnik T.M. Zametki o litovsko-beloruskom dvuiazychii (na materiale govora Gerviat). *Problemy indoevropejskogo iazykoznanija*. Moscow, Nauka Publ., 1964, pp. 79–89.
- Sudnik T.M. *Dialekty litovsko-slavianskogo pogranich'ia. Ocherki fonologicheskikh sistem*. Moscow, Nauka Publ., 1975, 232 p. (In Russ.)
- Turska H. *O powstaniu polskich obszarów językowych na Wileńszczyźnie*, wstęp i opr. V. Čekmonas, Vilnius, 1995 (przedruk z r. 1939), 266 p.
- Urbanavičienė J. Adutiškio – Kamojų arealas: kalbinė tapatybė lietuvių ir baltarusių paribyje. *Kalbotyra*, 2011, 63(3), pp. 95–114.
- Vidugiris A. Dėl kalbų kontaktavimo pietryčių Lietuvoje. *Lietuvių kalbotyros klausimai*, 1983, 23, pp. 46–61.

Vidugiris A., Karaliunas S. К вопросу о типках двuiazychiia в Литовской SSR. *Problemy dvuiazychiia i mnogoiazychiia*. Moscow, Nauka Publ., 1972, pp. 156–160. (In Russ.)

Vidugiris A., Klimchuk F. Nekotoryje voprosy etnoiazykovykh protsessov na balto-vostochnoslavianskom pogranich'je. *Etnolingvisticheskiye balto-slavianskiye kontakty v nastoiashchem i proshlom. Predvaritel'nyje materialy*. Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 10–35. (In Russ.)

Zinkevičius Z. *Rytų Lietuva praeityje ir dabar*. Vilnius, Mokslo ir enciklopedijų leidykla Publ., 1993. 318 p.

Received on 16.06.23

Accepted on 12.02.24

Информация об авторах:

Завьялова Мария Вячеславовна

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Институт славяноведения
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-0613-0028
E-mail: mariazavyalova@gmail.com

Балкуте Рита

Директор Центра народных традиций
«В круге бытия»
г. Вильнюс, Литовская Республика
E-mail: r.balkute@gmail.com

Information about the authors:

Maria V. Zavyalova

PhD (Philology),
Senior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-0613-0028
E-mail: mariazavyalova@gmail.com

Rita Balkute

Director of the Center for Folk Traditions
«In the Circle of Life»
Vilnius, Republic of Lithuania
E-mail: r.balkute@gmail.com

Фотографический альбом Боснии и Герцеговины П.П. Пятницкого (новые сведения)

© 2024 г. К.В. Мельчакова

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

kmelchakova@mail.ru

Аннотация. В статье представлены новые данные, проливающие свет на историю создания «Фотографического сборника церковных древностей и типов славян Европейской Турции. Герцеговина и Босния 1867 года. П. Пятницкого» (СПб., 1868). Альбом получил высокую оценку у искусствоведов и является результатом работы фотографической экспедиции П.П. Пятницкого по Боснийскому вилайету в 1865–1867 гг. О фотографе-самоучке П.П. Пятницком и его пребывании в Боснии и Герцеговине известно довольно мало. Скучность сведений привела к тому, что в историографии укоренился ряд ошибок. В ходе работы с архивами российских консульств в Мостаре (Герцеговина) и Сараеве (Босния) удалось выявить документы, содержащие информацию о поездке П.П. Пятницкого в Боснийский вилайет: уточнить вопросы о финансировании и составе экспедиции, датах пребывания фотографа в регионе. Материалы директора Азиатского департамента МИД П.Н. Стремоухова позволили внести ясность в вопросы организации печати альбома.

Ключевые слова: Боснийский вилайет, П.П. Пятницкий, П.Н. Стремоухов, фотографический альбом, Азиатский департамент МИД.

Ссылка для цитирования: Мельчакова К.В. Фотографический альбом Боснии и Герцеговины П.П. Пятницкого (новые сведения) // *Славяноведение*. 2024. № 3. С. 92–107. DOI: 10.31857/S0869544X24030078, EDN: WYZFYD

Photographic Album of Bosnia and Herzegovina by P.P. Pyatnitsky (New Information)

© 2024. Ksenia V. Melchakova

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

kmelchakova@mail.ru

Abstract. The article publishes new information that sheds light on the history of the creation of the «Photographic Collection of Church Antiquities and Types of Slavs of European Turkey. Herzegovina and Bosnia 1867. P. Pyatnitsky» (St. Petersburg, 1868).

The album was highly appreciated by art historians. The album is the result of the work of a photographic expedition in the Bosnian vilayet in 1865–1867. Very little is known about the self-taught photographer and his time in Bosnia and Herzegovina. The paucity of information has led to a number of errors taking root in historiography. Work with the archives of the Russian consulates in Mostar (Herzegovina) and Sarajevo (Bosnia) made it possible to identify documents containing information about Pyatnitsky's trip to the Bosnian Vilayet: clarify questions about the financing and composition of the expedition, the dates of the photographer's stay in Bosnia and Herzegovina. Materials from the Director of the Asian Department of the Ministry of Foreign Affairs P.N. Stremoukhov made it possible to clarify the issues of organizing the printing of the album.

Keywords: Bosnian Vilayet, P.P. Pyatnitsky, P.N. Stremoukhov, photographic album, Asian Department of the Ministry of Foreign Affairs.

For citation: *Ksenia V. Melchakova*. Photographic Album of Bosnia and Herzegovina by P.P. Pyatnitsky (New Information) // *Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2024. No 3. P. 92–107. DOI: 10.31857/S0869544X24030078, EDN: WYZFYD

В 1868 г. саратовский фотограф-любитель Пётр Павлович Пятницкий преподнес императрице Марии Александровне в подарок «Фотографический сборник церковных древностей и типов славян Европейской Турции. Герцеговина и Босния 1867 года». Этот альбом содержит еврал снимки, сделанные им во время путешествия по землям Боснийского вилайета Османской империи.

Долгое время имя Петра Павловича Пятницкого привлекало внимание исключительно искусствоведов, историков фотоискусства и саратовских краеведов [Бархатова 2009, 141; Максимов, Сафронов 2004, 128–141; Морозов 1953, 13–14; Самохвалова 2013; Сафронов, Максимов 2003, 23]. Поскольку о самом фотографe и его поездке в Боснийский вилайет сохранилось довольно мало сведений, в историографии укоренился ряд ошибочных представлений о фотографической экспедиции в эти края. Одним из них является утверждение о том, что Пятницкий совершал путешествие в компании слависта, автора путевых заметок о Боснии и Герцеговине¹ и первого управляющего российским консульством в Сараеве (1857–1858 гг.) Александра Федоровича Гильфердинга. В работах большинства исследователей присутствует анахронизм, так как Гильфердинг находился в Боснии и Герцеговине за десять лет до Пятницкого [Бархатова 2009, 141; Максимов, Сафронов 2004, 128; Михайлова 2020, 193; Самохвалова 2013]. Существуют и труды, в которых высказывается предположение о повторном визите Гильфердинга в Боснию для сопровождения фотографической экспедиции Пятницкого [Черных 2017; Черных 2021]. Так, в монографии А.В. Черных «Научная деятельность и публицистика А.Ф. Гильфердинга (1831–1872), посвященные южным, западным и восточным славянам» (Елец, 2021) обнаруживается целый раздел «Путешествие П.П. Пятницкого и А.Ф. Гильфердинга по Герцеговине и Боснии в 1866–1867 гг.», где автор, на основе опубликованных материалов, работ предшественников и опираясь на косвенные источники, выдвинул ряд предположений относительно маршрута движения Пятницкого, целях его экспедиции и вероятности участия в ней Гильфердинга, а также написал о сверхсекретном характере путешествия фотографа и его разведывательной миссии [Черных 2021, 7–62]. Многие из сообщений, озвученных А.В. Черных, являются ошибочными.

¹ Гильфердинг 1859.

В последнее время возрос интерес сербских и боснийских исследователей к фотографическому наследию Пятницкого. По снимкам, сделанным фотографом, реконструируются элементы народного костюма, интерьеры монастырей.

Мне пришлось неоднократно обращаться к истории создания фотографического альбома, посвященного Боснии и Герцеговине [Мельчакова 2019, 147–153, 200–204; Мельчакова 2020; Мельчакова 2018]. В ходе работы в АВПРИ удалось выявить в наследии российского МИД ранее не введенные в научный оборот сведения о поездке П.П. Пятницкого в Боснию и Герцеговину, которые позволили дополнить имеющиеся знания и внести уточнения к опубликованным ранее данным. Цель статьи – представить известные факты о визите Пятницкого в Боснийский вилайет, имеющие документальное подтверждение.

Источниковая база исследования включает сам альбом Пятницкого, материалы периодической печати 1860–1870 гг. и неопубликованные документы, хранящиеся в АВПРИ и ЦГИА СПб. Это материалы Санкт-Петербургского отделения Московского славянского благотворительного комитета, российских консульств в Сараеве (Босния) и Мостаре (Герцеговина) и Азиатского департамента МИД России.

Биография П.П. Пятницкого практически не изучена. Наиболее информативна статья саратовской исследовательницы Н. Самохваловой, которая дает следующие данные: Петр Павлович Пятницкий (01.05.1832–25.02.1882) родился в Саратове в дворянской семье чиновника 9-го класса, члена Саратовского провиантского комиссариата. Крестным отцом Петра был саратовский губернатор Ф.Л. Переверзев. Позже П.П. Пятницкий являлся гласным губернского земского собрания, депутатом Саратовского дворянского собрания, членом губернского статистического комитета и Саратовского речного яхт-клуба [Самохвалова 2013]. Проживал в Саратове на ул. Немецкой² в доме Полякова (Цукшвердт) [Сафронов, Максимов 2003, 23]. Исследователи саратовского фотоискусства Максимов Е.К. и Сафронов Ю.А. характеризовали Пятницкого следующим образом: «По отзывам современников, он считался честным деятелем, всегда радушным, любезным и предвзвешенным. В общении вызывал симпатию, являлся приятнейшим собеседником. Все, знавшие Петра Павловича, отмечали его “страстную любовь к фотографии”» [Максимов, Сафронов 2004, 128]. Пятницкий не был профессиональным фотографом, однако в своем увлечении добился значительных успехов.

В 1860-е годы Боснийский вилайет представлял собой отдаленный от центра славянский уголок Османской империи, где бок о бок проживали мусульмане, православные и католики. Основная масса населения пребывала в бедности, регион периодически сотрясали волнения. В середине 1860-х годов османские власти начали приводить в исполнение реформы османизма в крае [Олюнин 2006; Aličić 1983]. Идею совершить путешествие в Боснию и Герцеговину подал Пятницкому российский консул в Мостаре Валериан Владимирович Безобразов (1859 г. – сентябрь 1866 г.). 1 августа 1865 г.³ он отправился в 29-дневный отпуск в Россию⁴. По неуставленным обстоятельствам ему пришлось задержаться на родине (к месту службы он вернулся только 8 декабря 1865 г.)⁵. Во время отпуска и состоялась его встреча с Пятницким. Об этом известно из письма консула к директору Азиатского департамента МИД Петру

² Ныне проспект Кирова.

³ Здесь и далее даты даются по старому стилю.

⁴ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 20516. Мостар. 1865 г. Л. 22–27об.

⁵ Там же. Л. 48.

Николаевичу Стремоухову: «С согласия вашего превосходительства в октябре 1865 года, по приезде моем в деревню, я сделал г. Пятницкому означенное предложение, в присутствии его братьев и моих родных, предупредив его, что от министерства он не может рассчитывать ни на какое вспоможение»⁶. Фотограф-любитель согласился на эти условия.

Все экспедиционные расходы лежали на плечах самого Пятницкого. По протекции Стремоухова российский МИД организовал беспошлинную доставку оборудования и оказал содействие с оформлением документов для пересечения границ⁷. Специально для экспедиции Пятницкий выписал из Лондона дорогостоящий усовершенствованный фотографический аппарат⁸.

Точная дата приезда Пятницкого в Боснийский вилайет неизвестна. Согласно одному из донесений российского консула в Мостаре Николая Александровича Иларионова (28.09.1866 – февраль 1872 г.), Пятницкий прибыл в Герцеговину со своим помощником Буссе (к сожалению, его имени так и не удалось установить) в ноябре 1865 г.⁹ Поскольку Иларионов тогда в Герцеговине еще не работал, вполне возможно, что он мог ошибиться. Есть вероятность, что фотограф-любитель приехал в Мостар вместе с Безобразовым в начале декабря. Также известно, что экспедицию пришлось прервать. В частном письме из Мостара 29 апреля 1866 г. Безобразов сообщил Стремоухову, что Пятницкий на короткое время отправился в Россию для устройства дел после внезапной кончины брата¹⁰. К тому моменту фотограф уже успел сделать ряд снимков, скорее всего в Герцеговине: «В настоящее время г. Пятницкий имеет уже довольно порядочную коллекцию видов, но еще не отпечатанных», – написал Безобразов¹¹. 11 мая 1866 г. Пятницкий доставил в Россию упомянутое выше письмо Стремоухову. Так состоялось их очное знакомство.

Летом 1866 г. фотограф снова поехал в Герцеговину. В фондах АВПРИ сохранился курьерский паспорт, выданный Пятницкому 27 июля 1866 г. в Санкт-Петербурге. В нем было указано следующее: «Объявляется через сие всем и каждому, кому о том ведать надлежит, что показатель сего титулярный советник Пётр Пятницкий отправляется курьером через Вену, Триест и Рагузу в Мостар. Того ради дружески просим все высокие области и приглашаем каждого, кому сие предъявится, нашим же воинским и гражданским управителям всемиловитивейше повелеваем титулярного советника Пятницкого не только свободно и без задержания везде пропускать, но и всякое благоволение и споможение ему оказывать»¹². Судя по штампам, территорию Российской империи фотограф покинул 30 июля 1866 г. В сентябре Пятницкий уже был в Мостаре. 10 сентября 1866 г. российский консул в Сараеве Евграф Романович Шулепников (1858–1868 гг.) сообщил в МИД о распространении в Боснийском вилайете эпидемии холеры и устройстве десятидневного карантина по всей границе. Въезд путешественников был возможен только через Брод¹³. Очевидно, Пятницкий успел попасть в Герцеговину до введения карантинных мер.

⁶ Там же. Ф. 146. Оп. 495. Д. 81. Л. 13–13об.

⁷ Там же. Л. 13об.

⁸ Там же. Л. 1.

⁹ Там же. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 2052. Мостар. 1866 г. Л. 33.

¹⁰ Там же. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 619. Мостар. 1866 г. Л. 95–98.

¹¹ Там же. Л. 95об.

¹² Там же. Ф. 146. Оп. 495. Д. 10872. Л. 3–4.

¹³ Там же. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 809. Сараево. 1866 г. Л. 67–67об.

26 сентября 1866 г. Безобразов в донесении № 99 переслал в Азиатский департамент уничтоженный курьерский паспорт фотографа¹⁴.

Пятницкий и Буссе, по словам Безобразова, проживали в его доме на полном обеспечении и никаких дополнительных расходов не имели¹⁵. В конце сентября 1866 г. В.В. Безобразов передал свой пост Н.А. Иларионову и поручил ему заботы о миссии Пятницкого. Никаких официальных инструкций от носителя фотографа МИД не отправлял, российские дипломаты действовали по личной просьбе Стремоухова¹⁶. О пребывании Пятницкого в Боснийском вилайете чрезвычайный посланник Российской миссии в Константинополе Николай Павлович Игнатьев узнал только в ноябре 1866 г., когда фотограф столкнулся с трудностями¹⁷.

5 ноября 1866 г. Иларионов направил Игнатьеву донесение № 145, где извещил начальство о сложностях, которые ставили под угрозу работу фотографической экспедиции. Пятницкий обратился к консулу с просьбой выхлопотать для него официальное разрешение на свободные поездки по Герцеговине с целью снятия фотографических видов. Губернатор Герцеговины отказал и рекомендовал обратиться к генерал-губернатору (вали) вилайета Топал Шериф Осман-паше. Нота на имя Осман-паши была направлена в Сараево. Вали дал разрешение только на съемку в окрестностях Мостара (Буна и Благай) и в монастыре Житомыслич. «На поездки же г. Пятницкого по отдаленным местам Герцеговины Осман-паша никак не соглашается, говоря, что он боится, вследствие известного фанатизма ее жителей, различных неприятностей, могущих ему приключиться и потому никак не желает принимать на себя ответственности за них. При сем он изъявил полную готовность снабдить г. Пятницкого надлежащею буюрунтьей (приказ, распоряжение вали. — *К.М.*) для свободно путешествия по Боснии. Паша прибавил также, что если г. Пятницкий получит разрешение из Константинополя, то он со своей стороны сочтет приятным для себя долгом дать ему всевозможные облегчения для исполнения его предприятия, тем более, что тогда он будет поставлен вне всякой ответственности», — доложил Иларионов в Константинополь¹⁸.

В частной беседе Осман-паша сообщил сараевскому консулу Е.Р. Шулепникову о распространяющихся по вилайету слухах о том, что Пятницкий является тайным русским агентом, который прибыл для подготовки местных христиан к восстанию. Начальник внешних дел вилайета, Али-бей, рассказал сараевскому консулу, что с момента пересечения границы за Пятницким был установлен строгий надзор. Хотя подозрения в шпионаже и не подтвердились, вопрос о свободном перемещении фотографа надлежало решать в Константинополе¹⁹. Причину опасений местных чиновников Иларионов объяснил начальству следующим образом: «Главное, что возбудило особенно подозрение турецкой власти — это та обстановка, которую дал г. Безобразов г. Пятницкому по его приезде в Мостар. Он поместил в доме императорского консульства как г. Пятницкого, так и его товарища (Буссе. — *К.М.*), со всеми их машинами и дал дозволение г. Пятницкому носить форменную фуражку, присвоенную только императорским консулам и чиновникам консульств. Совершенно естественно,

¹⁴ Там же. Ф. 146. Оп. 495. Д. 10872. Л. 2–4об.

¹⁵ Там же. Д. 81. Л. 13–14.

¹⁶ Там же. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 2052. Мостар. 1866 г. Л. 33–33об.

¹⁷ Там же. Ф. 146. Оп. 495. Д. 10872. Л. 5об.; Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 2052. Мостар. 1866 г. Л. 33–35об.

¹⁸ Там же. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 2052. Мостар. 1866 г. Л. 34.

¹⁹ Там же. Л. 34об. —35.

что у турецкой власти, очень хорошо знающей, что подобные форменные фуражки носят только агенты императорского министерства, должно было родиться подозрение, что и г. Пятницкий точно так же принадлежит к числу их. Кроме того, по всей вероятности, в разговорах своих как с турецкой властью, так и с местными деятелями, г. Безобразов позволял себе делать намеки на будто бы официальный характер приезда в Герцеговину г. Пятницкого, потому что из разговоров моих как с турками, так и с христианами, я мог понять, что они считали г. Пятницкого за чиновника императорского министерства, получающего вознаграждение от него за свои труды»²⁰. Таким образом, действия Пятницкого и Безобразова не только посеяли подозрения, но и бросили тень на российское консульство в Мостаре. Важно отметить, что в это время активную деятельность в регионе вели Сербия, Черногория и Австрия, каждая из которых разрабатывала планы включения территорий Боснии и Герцеговины в состав своих земель. По вилайету были раскинuty сети тайных агентов. Православные монастыри Герцеговины, представлявшие главный интерес для Пятницкого, зачастую становились центрами организации повстанческой деятельности. При Осман-паше усилился полицейский надзор в крае.

Ожидая решения дела, П.П. Пятницкий направился в герцеговинский монастырь Житомыслич²². На данный момент известно о 18 снимках, сделанных там. Среди них общий вид монастыря и расположенное рядом село, церковь, монашеские кельи, священник, иконостас, предметы церковной утвари и фрески. Ввиду возрастающего интереса коллег из Сербии, Боснии

Монастырь Житомыслич. Ковчег (дарохранительница) серебряный в виде церкви с кипарисными в окнах изображениями Ликов Святых²¹.

Монастырь Житомыслич. Церковные вещи: Лампады серебряные филограновой работы с изображением Св. ликов; мощехранительница серебряная чеканной работы; блюдо для освящения хлебов (пятихлебница) с тремя чашами. Работано в Сараеве XVI столетия.

²⁰ Там же. Л. 35–35об.

²¹ Здесь и далее даются фотографии из «Фотографического сборника церковных древностей и типов славян Европейской Турции. Герцеговина и Босния 1867 года П. Пятницкого» (СПб., 1868) с оригинальными подписями.

²² Там же. Л. 35об.

и Герцеговины к этим материалам, в приложении к статье публикуется список известных на данный момент снимков из монастыря Житомыслич²³.

В планах у Пятницкого была большая поездка по Герцеговине и Старой Сербии с целью «снятия фотографических видов» православных церквей и монастырей²⁴. Он просил российский МИД посодействовать ему в осуществлении задуманного. В ожидании решения вопроса, Пятницкий и Буссе отправились в Сараево²⁵.

17 января 1867 г. Игнатъев докладывал Стремоухову, что дело удалось решить и необходимые бумаги отправлены Иларионову. По поводу произошедшего он добавил: «Если бы императорская миссия была предупреждена о сем своевременно и если бы г. Пятницкий не подал повода местным властям подозревать, что он чиновник, отправленный правительством с официальным поручением осматривать сербские древности, церкви и монастыри, то вероятно он не встретил бы никаких особых затруднений. Как бы то ни было, я надеюсь, что это дело не будет иметь дальнейших последствий и что ныне можно считать его оконченным»²⁶. В феврале 1867 г. Иларионов доложил в Константинополь и Санкт-Петербург, что переслал визириальное письмо, предписывающее Осман-паше не препятствовать Пятницкому и Буссе в путешествиях и фотографической съемке. О дозволении султана Шулепников уведомил членов экспедиции. На тот момент времени они находились в Сараево²⁷.

Долгое пребывание в Боснии и Герцеговине фотографа-путешественника оказалось затратным мероприятием. Пятницкий обращался за помощью к старшей сестре Анне Павловне (1825–?), вдове действительного статского советника, губернского секретаря В.А. Тинькова (1796–?). Доподлинно известно о двух случаях пересылки ею денежных средств в Боснию и Герцеговину на нужды брата. Это достаточно большие суммы: 782 руб. в апреле и 1 200 руб. в мае 1867 г.²⁸ (для сравнения годовое жалование вице-консула в Мостаре в 1868 г. составляло 1 960 руб.²⁹). Доставкой средств занимался Азиатский департамент МИД. Деньги отправлялись в министерство финансов, там выписывались векселя, которые пересылали в консульства. На месте Пятницкий получал векселя в иностранной валюте: 2 555 франков 70 сантимов в первом случае и 158 фунтов стерлингов 3 шиллинга и 7 пенсов — во втором³⁰. Расписка в получении такого векселя от 21 мая 1867 г. в Сараево — последняя на данный момент известная весточка от Пятницкого из Боснии³¹. Точная дата завершения фотографической экспедиции в вилайете не установлена. На родину Пятницкий вернулся не позднее октября 1867 г.³² Таким образом, в общей сложности фотограф пробыл в Боснии и Герцеговине более года.

Основываясь на содержании фотографического альбома можно перечислить местности, в которых побывали Пятницкий и Буссе: территории, на которых проживало баньянское племя (земли между городами Никшич и Билеча

²³ О монастыре Житомыслич того времени см.: *Иларионов Н.А.*

²⁴ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 2052. Мостар. 1866 г. Л. 35об.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. Ф. 146. Оп. 495. Д. 10872. Л. 5об-6.

²⁷ Там же. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 2053. 1867 г. Мостар. Л. 5–5об.; Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 620. 1867 г. Мостар. Л. 24–24об.

²⁸ Там же. Ф. 146. Оп. 495. Д. 10872. Л. 9–19.

²⁹ Справочная книга, 271–275.

³⁰ С учетом комиссии за банковские операции.

³¹ АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 10872. Л. 19.

³² Там же. Д. 81. Л. 1–2.

Герцеговина. Селячки шумского племени, Требинского округа, в праздничной одежде.

Герцеговина. Селяк-староста (кнез), шумского села, в праздничной сельской одежде.

на юго-востоке Герцеговины, ныне Черногория), герцеговинский монастырь Косиерово, располагавшийся на берегу реки Требишница (уникальность этих снимков заключается в том, что монастыря там больше нет – в 1966 г. он был перенесен в черногорский город Петровичи), монастырь Дужи и Требине (восточная Герцеговина), герцеговинский монастырь Добричево (недалеко от города Билеча)³³, герцеговинский монастырь Пива (ныне Черногория), монастырь Житомыслич (центральная часть Герцеговины, недалеко от Мостара), Мостар, Сараево и Боснийская Крайна. Точной карты перемещений фотографа составить пока не представляется возможным. Очевидно, что в первый визит Пятницкий успел немного поездить по Герцеговине, второй начал с Житомыслича, затем переместился в Боснию, далее, вероятно, завершил осмотр Герцеговины. Снимков Старой Сербии, куда намеревался отправиться фотограф, в его наследии обнаружить не удалось. Таким образом, предположения А.В. Черных о маршруте фотографа не верны [Черных 2021, 22–31]. Также нет никаких свидетельств о том, что в путешествии его мог сопровождать А.Ф. Гильфердинг³⁴.

По возвращении в Россию встала проблема с изданием материалов экспедиции. В этом деле Пятницкому оказал содействие П.Н. Стремоухов. В начале ноября 1867 г. он направил секретарю императрицы Марии

³³ Ныне – село Орах в Боснии и Герцеговине.

³⁴ Как справедливо заметил А.В. Черных, в 1866 г. Гильфердинг действительно дважды находился в отпуске в Европе (две недели в марте и 28 дней в сентябре, который значительно затянулся) [Черных 2021, 29], но в архивном наследии слависта есть только упоминания о путешествии вместе с супругой Варварой Францевной и большим сыном Фелей по Германии, Швейцарии и Франции. Гильфердинги искали подходящий для ребенка климат, чтобы провести зиму (см., например: письмо А.Ф. Гильфердинга к А.В. Плетнёвой // РО ИРЛИ РАН. Ед. хр. 54). В 1867 г. мальчик скончался.

Александровны П.А. Морицу прошение принять под покровительство альбом Пятницкого и позволить поставить на нем посвящение государыне: «Один из наших соотечественников г. Пятницкий, движимый любознательностью и чувством живейшего участия к историческим судьбам единоверцев наших в Турции, решился в прошлом году предпринять поездку на собственный счет в Боснию и Герцеговину с целью ознакомиться с древними памятниками этих двух провинций и снять фотографические виды с тех из них, которые особенно замечательны по своему самобытному характеру [...]. Путешествие г. Пятницкого по двум помянутым областям Турции сопряжено было с крайними затруднениями и лишениями, подвергаясь почти на каждом шагу опасности быть схваченным или убитым, вследствие крайне возбужденной при настоящих обстоятельствах подозрительности местных турецких властей, считавших его за тайного агента нашего правительства, г. Пятницкий успел однако энергией своей преодолеть все представившиеся ему препятствия и привести в исполнение задуманное им предприятие. Плодом трудов и усилий молодого путешественника была довольно большая коллекция фотографических изображений, снятых им с наиболее замечательных предметов древности Боснии и Герцеговины и с некоторых местных типов; она заслуживает вполне внимания по весьма отчетливой работе и по новости, так как до сего времени у нас подобных коллекций еще не было. Зная, какое живое участие принимает Её Императорское Величество Государыня Императрица во всем, что касается до единоверцев наших в Турции, г. Пятницкий выразил мне желание, чтобы труд его, стоивший ему весьма значительных по средствам его, материальных пожертвований и, можно без преувеличений сказать, нравственных страданий, был посвящен имени Её Величества [...]. Этот знак монаршего внимания был бы для г. Пятницкого лучшим вознаграждением за все понесенные им лишения»³⁵. Следом Стремоухов направил императрице для ознакомления 27 снимков³⁶. Мария Александровна была осведомлена о проблемах населения Боснии и Герцеговины, покровительствовала школам для девочек, работавшим в Сараеве и Мостаре. О содействии в решении дела Пятницкого Стремоухов просил также фрейлину императрицы графиню Антонину Дмитриевну Блудову³⁷. Последняя одной из первых развернула благотворительную деятельность в землях турецких славян, в том числе и в Боснии [Мельчакова 2019, 129–132; Чуркина 1987].

18 ноября 1867 г. П.А. Мориц сообщил Стремоухову, что государыня выразила согласие на посвящение альбома ее имени и пожаловала П.П. Пятницкому 300 руб. серебром на его издание³⁸. 1 декабря фотограф получил деньги³⁹. 19 декабря 1867 г. в Санкт-Петербурге был отпечатан альбом. На первой странице стояла дарственная надпись: «Ея Императорскому Величеству Государыне Императрице Марии Александровне. Усерднейшее подношение верноподданного Петра Пятницкого. 1 января 1868 года». 21 января 1868 г. императрица сообщила, что желает принять Пятницкого лично⁴⁰.

³⁵ АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 81. Л. 1–2.

³⁶ Там же. Л. 4.

³⁷ Там же. Л. 5.

³⁸ Там же. Л. 6–6об.

³⁹ Там же. Л. 9.

⁴⁰ Там же. Л. 12.

20 ноября 1867 г. Пятницкий и Буссе представили сборник фотографических изображений на заседании отделения этнографии ИРГО⁴¹. В журнале заседаний упомянуто, что демонстрация снимков должна была сопровождаться чтением статьи о народной одежде сербов и хорватов В.И. Ламанского, но за недостатком времени текст не зачитывали. Сам же альбом «был рассмотрен присутствующими с живейшим любопытством»⁴².

Вероятно, Пятницкий ожидал какого-то вознаграждения за свои труды от Азиатского департамента МИД. Еще 17 ноября 1867 г. Стремоухов обращался к экс-консулу в Мостаре Безобразову за разъяснениями на счет обещаний фотографу. Ответ был направлен только 22 января 1868 г.: «Мы предполагали за ним в случае, если его работа будет удостоена всемиловейшего одобрения, хлопотать на счет подписки на альбом, к которому я предполагал приложить описание видов и местностей [...] и вырученную сумму разделить между нами. Вот все, что я обещал г. Пятницкому»⁴³.

Посредничество в распространении альбома взял на себя Азиатский департамент МИД. В феврале Стремоухов разослал циркулярные письма с предложением о приобретении альбома руководителям ряда научных организаций, музеев и библиотек⁴⁴. Такие циркуляры получили: граф Ф.П. Литке (Императорская академия наук, ИРГО), граф С.Г. Строганов (Императорская археологическая комиссия), граф А.Г. Строганов (Одесское общество истории и древностей), граф А.С. Уваров (Московское общество любителей художеств; Московское археологическое общество), С.А. Геденон (Императорский Эрмитаж), А.С. Норов (Археологическая комиссия), И.Д. Делянов (Императорская публичная библиотека), В.А. Дашков (Московский публичный и Румянцевский музей), Г.Е. Шуровский (Императорское общество любителей естествознания в Москве), князь Т.Т. Гагарин (Императорская академия художеств). Цена альбому назначалась в 100 руб. за 80 снимков. Текст такого письма, оглашенный на заседании совета ИРГО 4 марта 1868 г. был опубликован в Известиях общества⁴⁵.

Заказы на изготовление фотографического сборника поступили от следующих институций⁴⁶:

1. Императорское Русское Географическое общество.
2. Императорская Публичная библиотека.
3. Императорская Археологическая комиссия.
4. Московский публичный музей.
5. Императорская Санкт-Петербургская академия наук.

Если считать экземпляр, врученный императрице, то можно сделать нехитрый вывод, что напечатано было минимум шесть альбомов.

Каждый альбом состоял из 80 снимков в большой лист. С описанием альбома можно ознакомиться в издании «Фотографические и фототипические коллекции императорской публичной библиотеки. Вл.В. Стасова» (СПб., 1885)⁴⁷. Список фотографических снимков также опубликован мною [Мельчакова 2019, 200–204].

⁴¹ А.В. Черных ошибочно отождествил помощника Пятницкого с его однофамильцем известным географом Федором Федоровичем Буссе (1838–1897) [Черных 2021, 33].

⁴² Журнал заседания Отделения, 190.

⁴³ АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 81. Л. 14–14об.

⁴⁴ Там же. Л. 15–29.

⁴⁵ Журнал заседания Совета, 26–27.

⁴⁶ АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 81. Л. 22–23, 25, 27–29.

⁴⁷ Фотографические и фототипические коллекции, 53–55, 67–69, 98–100, 170–172.

Монастырь Житомыслич. Иконостас голубого цвета с резьбою позолоченною и частью окрашенною красной краской. Царские врата резные, малого размера. Местные образа старинной живописи и от ветхости с едва заметными изображениями.

Однако содержание альбомов могло немного отличаться. В ходе проведения исследования были осмотрены экземпляры, хранящиеся ныне в ГПИБ и Славянском фонде БАН. Оба альбома отпечатаны 19 декабря 1867 г. в Санкт-Петербурге в типографии товарищества общества «Полюза». В альбоме, хранящемся в ГПИБ, присутствует фотография «Группа монахов и игумен Пивского монастыря», а в версии альбома из Славянского фонда БАН — снимок «Даниил Баляч, игумен монастыря Кассиерово». Если обратиться к описанию альбома, данному Вл.В. Стасовым, то здесь фото Даниила Баляча заменяет снимок «Группа монахов с игуменом монастыря Кассиерово», а вместо снимков «Монастырь Добричево. Образ Богородицы, писанный в Сараеве XVII столетия» и «Герцеговина. Вид села, близ монастыря Житомыслич» — обнаруживаются «Горожанин и горожанка города Требины» и «Местные образа, очень старинной живописи, в иконостасе Благовещенской церкви герцеговинского монастыря “Житомыслич”, построенного во второй половине XVI века»⁴⁸. Таким образом, мне известно 83 снимка. В черновике письма П.Н. Стремоухова П.А. Морицу от 14 ноября 1867 г. говорится, что в ходе работы фотограф сделал около 100 снимков⁴⁹.

В 1869 г. Пятницкий, вероятно, намеревался осуществить переиздание альбома в сокращенном формате. На заседании Санкт-петербургского отделения Славянского благотворительного комитета 27 апреля 1869 г. было оглашено заявление П.П. Пятницкого об издании сборника рисунков славянских достопримечательностей. Пятницкий просил о содействии в доведении числа подписчиков до 200 и обещал пожертвовать в основной фонд отделения 20% (т.е.

⁴⁸ Там же, 53, 98–99.

⁴⁹ АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 81. Л. 4.

5 руб.) с каждого проданного экземпляра⁵⁰. На том же заседании Пятницкий был принят в число действительных членов комитета⁵¹. В № 18 «Современной летописи» за 1869 г. был опубликован отрывок из отчета заседания Московского Славянского благотворительного комитета 11 мая текущего года. В нем сообщалось о письме П.П. Пятницкого, который «два года путешествовал по Европейской Турции и составил обширное собрание фотографических снимков типов славян и древностей». Говорилось и о желании Пятницкого издать сборник из 50 снимков и поднести его в подарок императрице Марии Александровне. 20% от средств, вырученных за продажу сборника, Пятницкий также намеревался перечислять в Славянский комитет⁵².

В финансовых отчетах Петербургского отделения комитета указано, что на 12 мая 1869 г. от частных благотворителей поступило 70 руб. на издание альбома⁵³; в 1870 г. — еще 20 руб.⁵⁴ Неизвестно, были ли переданы эти средства Пятницкому, так как, согласно отчетам, до 1874 г. эта сумма все еще хранилась в казне Комитета⁵⁵. Вероятно, новое издание сборника осуществить не удалось.

В альбоме Пятницкого присутствуют как примеры студийной, так и приобретающей популярность в 1860-х годах пейзажной съемки. По классификации известного историка искусств Вл.В. Стасова, на снимках фотографа встречаются народные типы и портреты, архитектура Герцеговины, герцеговинские фрески и иконы, предметы славянского художественно-промышленного производства⁵⁶. Техника походной фотографии 1860-х годов подробно описана в монографии историка и теоретика фотоискусства С.А. Морозова [Морозов 1953, 19–28]. В основе технологии, использованной Пятницким, лежал мокроколлоидный процесс. Фотографу приходилось возить с собой не только громоздкий фотографический аппарат, но и целый обоз с походной лабораторией, стеклянными пластинами, покрывалами, треножниками... Пластины большого размера отличались хрупкостью, довести и сохранить их было невероятно сложно, каждую необходимо было упаковывать в отдельные ящики. Груз походного фотографа того времени исчислялся десятками килограмм [Морозов 1953, 20]. В 1860-е годы в Боснийском вилайете только начался процесс дорожного строительства. Остается догадываться, каких трудов стоило Пятницкому и Буссе преодолевать труднопроходимые горные тропы и чудом доставить в Россию хрупкие стеклянные пластины, запечатлевшие образы жителей Боснии и Герцеговины, предметы их быта, старинные православные монастыри и сохранившееся в них богатство.

Фотографические снимки П.П. Пятницкого из Боснии и Герцеговины получили высокие оценки от искусствоведов. Отмечается, что фотограф показал себя талантливым этнографом. С.А. Морозов подчеркнул, что Пятницкий считается первым, кто запечатлел на камеру балканскую кубовидную архитектуру с черепичной прямой кровлей и церкви без куполов. Технически им безукоризненно были переданы орнаменты и резьба внутренних украшений зданий. Виды архитектурных памятников на его фотографиях хорошо связаны с горным лесным ландшафтом, который не сливается в одно пятно, что можно

⁵⁰ Первые 15 лет, 14; ЦГИА СПб. Д. 1. Л. 6.

⁵¹ Первые 15 лет, 853; ЦГИА СПб. Д. 1. Л. 68, 192.

⁵² Современная летопись, 14–15.

⁵³ ЦГИА СПб. Д. 1. Л. 160б.

⁵⁴ Там же. Л. 59об.; Краткий отчет, 135, 137, 139.

⁵⁵ ЦГИА СПб. Д. 1. Л. 126, 181об.

⁵⁶ Фотографические и фототипические коллекции, 53–55, 67–69, 98–100, 171–172.

часто видеть на снимках того времени [Морозов 1953, 14]. Е. В. Бархатова также обратила внимание на высокое качество видовой съемки и постановочных студийных кадров фотографа-самоучки [Бархатова 2009, 141].

Повышенный интерес фотографа именно к Герцеговине был связан с тем, что там сохранилось большее количество православных монастырей. Никаких данных, подтверждающих разведывательный характер миссии Пятницкого, его участие в организации повстанческой деятельности православного населения региона и причастности А. Ф. Гильфердинга к работе фотографической экспедиции, выявить не удалось. Доступные источники говорят скорее о том, что это была авантюра талантливого фотографа-любителя, который попал в славяно-турецкие края по приглашению В. В. Безобразова. Экспедиция в Боснию и Герцеговину оказалась довольно затратным мероприятием. Российский МИД, по личной просьбе П. Н. Стремоухова, оказывал всяческое содействие Пятницкому, но не финансировал его путешествие. Вряд ли средства, вырученные от продажи альбомов, покрыли расходы на экспедицию. В любом случае, благодаря трудоемкой работе Пятницкого и Буссе, мы можем заглянуть в мир Боснийского вилайета 1860-х годов. Подготовленный их экспедицией фотографический материал представляет большую ценность для исследователей региона.

Увлечения фотографией Пятницкий не оставил. Вернувшись в родной город, он подготовил альбом «Воспоминания о Хвалынске», а в 1880 г. сделал около 300 снимков⁵⁷ Саратовской губернии, приуроченных к празднованию ее столетнего юбилея (1881 г.) [Максимов, Сафронов 2004, 127–141]. 25 февраля 1882 г. талантливый фотограф-самоучка скоропостижно скончался в возрасте 49 лет.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.
 БАН – Библиотека Российской академии наук.
 ГПИБ – Государственная публичная историческая библиотека.
 ИРГО – Императорское Русское Географическое Общество.
 РО ИРЛИ РАН – Рукописный отдел Пушкинского дома.
 ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- АВПРИ. Ф. 146. Славянский стол. Оп. 495; Ф. 161/1. Главный архив. Оп. 181/2; Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2.
 Босния и Герцеговина: Книги из Славянского фонда Библиотеки Академии наук. Библиограф. указатель / Гусева О. В. СПб.: Библиотека Академии наук, 2006. 104 с.
Гильфердинг А. Ф. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. СПб., 1859.
 Журнал заседания Отделения Этнографии Императорского Русского Географического Общества: – 20 ноября 1867 г. // Известия Императорского Русского Географического Общества. 1867. Т. III. № 8. СПб., 1868. С. 188–190.
 Журнал заседания Совета Императорского Русского Географического Общества. – 4 марта 1868 г. // Известия Императорского Русского Географического Общества. 1868. Т. IV. СПб., 1869. С. 22–28.
Иларионов Н. А. Православный монастырь Житомыслич в Герцеговине // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1870. Кн. 3. Смесь. С. 1–17.
 Краткий отчет о деятельности С.-Петербургского отдела славянского благотворительного комитета, с 11 мая 1870 по 1 января 1872 года // Журнал министерства народного просвещения. СПб., 1872. Ч. CLIX, январь – февраль. С. 116–139.

⁵⁷ Русский музей, 255.

- Первые 15 лет существования С.-Петербургского Славянского Благотворительного Общества (бывший Петербургский Отдел Славянского Благотворительного Комитета в Москве) по протоколам обоих собраний его членов, состоявшимся в 1868—1883 г. СПб., 1883. 882 с.
- Русский музей представляет: Вторая фотобиенале историко-архивной фотографии российских музеев и архивов / Альманах. Вып. 397. СПб.: Palace Editions, 2013. 256 с.
- РО ИРЛИ РАН. Ф. 234. Плетневы. Оп. 4.
- Современная летопись. 1869. № 19. С. 14—15.
- Справочная книга для должностных лиц центральных и заграничных установлений Министерства иностранных дел. Составил по поручению Министерства иностранных дел М. Никонов. СПб., 1869.
- Фотографические и фототипические коллекции императорской публичной библиотеки. Вл. В. Стасова. СПб., 1885. 176 с.
- Фотографический сборник церковных древностей и типов славян Европейской Турции. Герцеговина и Босния 1867 года П. Пятницкого. СПб., 1868.
- ЦГИА СПб. Ф. 400. Петроградское славянское благотворительное общество. Оп. 1.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бархатова Е.В. Русская живопись. Первый век фотоискусства, 1839—1914. СПб.: Альянс; Лики России, 2009. 399 с.
- Максимов Е.К., Сафронов Ю.А. Старый Саратов на фотографиях и открытках. Саратов: ОАО «Приволжское книжное издательство», 2004. 271 с.
- Мельчакова К.В. Боснийский вилайет в объективе фотографа П.П. Пятницкого // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2018. Вып. 13. № 1—2. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 60—71.
- Мельчакова К.В. Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России в 1856—1875 гг. М.: Индрик, 2019. 432 с.
- Мельчакова К.В. К вопросу о путешествии фотографа П.П. Пятницкого в Боснийский вилайет: новые факты // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. 13—14 октября 2020 г. / отв. ред. Е.С. Узенёва, О.В. Хаванова. М.: Институт славяноведения РАН, 2020. С. 63—68.
- Михайлова А.А. Черно-белые воспоминания о Старой Сербии: К информативной ценности архивных фотографий начала XX века // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2020. С. 193—210.
- Морозов С.А. Русские путешественники-фотографы. М.: Государственное издательство географической литературы, 1953. 184 с.
- Олюнин С.В. Боснийский эялет в конце XVIII — 70-х гг. XIX столетия: османский опыт модернизации традиционного общества. М.: Академия гуманитарных исследований, 2006. 130 с.
- Самохвалова Н. Жил-был фотограф один // Газета недели в Саратове 15.01.2013. № 1.
- Сафронов Ю.А., Максимов Е.К. Фотосалоны саратовского края. Каталог паспарту 1854—1917 гг. Саратов: ОАО «Приволжское книжное издательство», 2003. 160 с.
- Черных А.В. Государственная, дипломатическая и общественно-политическая деятельность А.Ф. Гильфердинга (1831—1872): монография. Липецк: Гравис, 2017. 399 с.
- Черных А.В. Научная деятельность и публицистика А.Ф. Гильфердинга (1831—1872), посвященные южным, западным и восточным славянам: монография (часть II). Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2021. 236 с.
- Чуркина И.В. К вопросу о первом русском обществе помощи югославянским народам // Общественные и культурные связи народов СССР и Балкан XVIII—XX вв. (Балканские исследования. Вып. 10) / отв. ред. Г.Л. Арш. М.: Наука, 1987. С. 62—74.
- Aličić S.A. Uređenje Bosanskog ejaleta od 1789 do 1878 godine. Sarajevo: Orijentalni Institut u Sarajevu, 1983. 199 s.

Рукопись поступила в редакцию 03.10.2023
Рукопись принята к печати 05.10.2023

REFERENCES

- Aličić S.A. *Uređenje Bosanskog ejaleta od 1789 do 1878 godine*. Sarajevo, Orijental Institut in Sarajevo Publ., 1983, 199 p.

- Barkhatova Je.V. *Russkaia zhivopis'. Pervyi vek fotoiskusstva, 1839–1914*. St. Petersburg, Al'ians; Liki Rossii Publ., 2009, 399 p. (In Russ.)
- Chernykh A.V. *Gosudarstvennaia, diplomaticheskaia i obshchestvenno-politicheskaia deiatel'nost' A.F. Gil'ferdinga (1831–1872): monografiia*. Lipetsk, Gravis Publ., 2017, 399 p. (In Russ.)
- Chernykh A.V. *Nauchnaia deiatel'nost' i publitsistika A.F. Gil'ferdinga (1831–1872), posviashchennye iuzhnyim, zapadnyim i vostochnym slavianam: monografiia (chast' II)*. Yelets, Yelets State Ivan Bunin University Publ., 2021, 236 p. (In Russ.)
- Churkina I.V. K voprosu o pervom ruskom obshchestve pomoshchi iugoslavianskim narodam. *Obshchestvennyye i kul'turnyye svyazi narodov SSSR i Balkan XVIII–XX vv. (Balkanskije issledovaniia. Vyp. 10)*, ed. G.L. Arsh, Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 62–74. (In Russ.)
- Maksimov Je.K., Safronov Iu.A. *Staryi Saratov na fotografiakh i otkrytkakh*. Saratov, Open Joint-Stock Company «Privolzhsky book publishing house» Publ., 2004, 271 p. (In Russ.)
- Melchakova K.V. *Bosniiskii vilaiet v ob'ektive fotografa P.P. Piatnitskogo. Slavianskii mir v tret'jem tysiacheletii*, 2018, Issue 13, no. 1–2, pp. 60–71. (In Russ.)
- Melchakova K.V. *Bosniia i Gertsegovina v obshchestvenno-politicheskoi zhizni Rossii v 1856–1875 gg.* Moscow, Indrik Publ., 2019, 432 p. (In Russ.)
- Melchakova K.V. K voprosu o puteshestvii fotografa P.P. Piatnitskogo v Bosniiskii vilaiet: novyye fakty. *Slavianskii mir: obshchnost' i mnogoobrazije. Tezisy konferentsii molodykh uchenykh v ramkakh Dnei slavianskoi pis'mennosti i kul'tury. 13–14 oktiabria 2020 g.*, eds Je.S. Uzeneva, O.V. Khavanova, Moscow, Institut of Slavic Studies RAS Publ., 2020, pp. 63–68. (In Russ.)
- Mikhailova A.A. Chernobelye vospominaniia o Staroi Serbii: K informativnoi tsennosti arkhivnykh fotografii nachala XX veka. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, no. 1 (27), 2020, pp. 193–210. (In Russ.)
- Morozov S.A. *Russkije puteshestvenniki-fotografy*. Moscow, State Publishing House of Geographical Literature Publ., 1953, 184 p. (In Russ.)
- Oliunin S.V. *Bosniiskii eialet v kontse XVIII – 70-kh gg. XIX stoletii: osmanskii opyt modernizatsii traditsionnogo obshchestva*. Moscow, Academy of Humane Studies Publ., 2006, 130 p. (In Russ.)
- Safronov Iu.A., Maksimov Je.K. *Fotosalony saratovskogo kraia. Katalog paspartu 1854–1917 gg.* Saratov, Open Joint-Stock Company «Privolzhsky book publishing house», 2003, 160 p. (In Russ.)
- Samokhvalova N. Zhil-byt fotograf odin. *Gazeta nedeli v Saratove*, 15.01.2013, no. 1. (In Russ.)

ПРИЛОЖЕНИЕ

Перечень снимков, сделанных П.П. Пятницким в монастыре Житомыслич (Герцеговина)⁵⁸

1. Герцеговина. Вид села, близ монастыря Житомыслич.
2. Герцеговина. Монастырь Житомыслич. Общий вид монастыря, построенного во 2-й половине XVI столетия Милославом Милорадовичем, известным в летописях под именем «Храбрени».
3. Монастырь Житомыслич. Образ Иоанна Крестителя с изображениями всей его жизни.
4. Монастырь Житомыслич. Стенная фреска, изображающая основателя монастыря Милослава Милорадовича, держащего в правой руке церковь, в левой посох. Над головою надпись: «Милицов, Спахия».
5. Монастырь Житомыслич. Образ: распятие Спасителя с положением во гроб. От ветхости образ во многих местах треснул.
6. Монастырь Житомыслич. Аналой (налоня) семигранный деревянный с перламутровой и слоновой кости инкрустацией. На верхнем медном обруче из надписи видно, что работан в Сараеве в ЗЭСД⁵⁹ году.

⁵⁸ В описании представлены подписи к снимкам из альбома П.П. Пятницкого.

⁵⁹ Так указано в подписи к снимку.

7. Монастырь Житомыслич. Ковчег (дарохранительница) серебряный в виде церкви с кипарисными в окнах изображениями ликов святых.
8. Монастырь Житомыслич. Церковь, сооружена во второй половине XVI столетия во имя Благовещения Пр. Богородицы, с пристроенной в позднейшее время деревянной колокольней.
9. Монастырь Житомыслич. Монашеские кельи. Доска (клепало), при-вешенная на цепях, заменяла колокола, когда не дозволялось их иметь христианам при церквях.
10. Монастырь Житомыслич. Церковные вещи: лампы серебряные фило-грановой работы с изображением св. ликов; мошехранительница сере-бряная чеканной работы; блюдо для освящения хлебов (пятихлебница) с тремя чашами. Работано в Сараеве XVI столетия.
11. Монастырь Житомыслич. Кресты, кипарисного дерева, обложенные по-золоченным серебром с камнями. Работано в Сараеве в XVI столетии.
12. Монастырь Житомыслич. Церковные вещи: кадило (кадильница) сере-бряное, крышка которого изображает пять церковных глав с крестами. Из надписи видно, что «кадило раба Божия Джуря Храбрани». 2 лампы филограновой работы.
13. Монастырь Житомыслич. Верхняя и нижняя сторона оклада Евангелия, печатанного в Москве при царе Алексее Михайловиче в 1661 году. Об-ложено по бархату серебром с позолотой и камнями в Сараеве мона-хом Висарионом.
14. Монастырь Житомыслич. Церковное блюдо XV столетия, с изображе-нием Адама и Евы, с надписью во круг.
15. Монастырь Житомыслич. Стойка (столица), употребляемая в церквях для молящихся, с подъемною скамьей, для сидения.
16. Монастырь Житомыслич. Иконостас голубого цвета с резьбою позоло-ченную и частью окрашенную красной краской. Царские врата резные, малого размера. Местные образа старинной живописи и от ветхости с едва заметными изображениями.
17. Герцеговина. Сельский священник – монах (калуджер) монастыря Жи-томыслич, отправляющийся с требой.
18. Местные образа, очень старинной живописи, в иконостасе Благовещен-ской церкви герцеговинского монастыря Житомыслич, построенного во второй половине XVI века⁶⁰.

Received on 03.10.2023

Accepted on 05.10.2023

Информация об авторе:

Мельчакова Ксения Валерьевна
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Институт славяноведения
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-6011-5841
E-mail: kmelchakova@mail.ru

Information about the author:

Ksenia V. Melchakokva
PhD (History),
Senior Researcher
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-6011-5841
E-mail: kmelchakova@mail.ru

⁶⁰ Дается по изданию: Фотографические и фототипические коллекции, 98–99.

Славяноведение, 2024, № 3, с. 108–118

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, No. 3, pp. 108–118

DOI: 10.31857/S0869544X24030083, EDN: WYYTVS

Оригинальная статья / Original Article

Доклад В.М. Турока-Попова на заседании
Секции общественных наук Президиума АН СССР 1964 г.
о задачах советского славяноведения

© 2024 г. С.О. Назаров

Архив Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

sergey_nazarov13@mail.ru

Аннотация. В данной статье показан вклад В.М. Турока-Попова в критическое осмысление методологических проблем советской исторической науки, в том числе советского славяноведения, в период оттепели. Из документов личного фонда ученого, хранящегося в Архиве РАН, впервые публикуется его доклад о задачах славяноведения для заседания Секции общественных наук Президиума АН СССР 1964 г., цель которого заключалась в разработке методологических вопросов истории. По материалам заседания был издан сборник «История и социология» (1964), однако доклад Турока-Попова в него включен не был, что ограничило круг лиц, которые могли бы с ним ознакомиться. К публикации прилагается письмо В.В. Альтмана, в котором передана реакция на доклад участников заседания и указываются некоторые причины отсутствия его текста в сборнике.

Ключевые слова: Архив РАН, В.М. Турок-Попов, историография, советское славяноведение.

Ссылка для цитирования: Назаров С.О. Доклад В.М. Турока-Попова на заседании Секции общественных наук Президиума АН СССР 1964 г. о задачах советского славяноведения // *Славяноведение*. 2024. № 3. С. 108–118. DOI: 10.31857/S0869544X24030083, EDN: WYYTVS

Report of V.M. Turok-Popov at the 1964 Meeting
of the Section of Social Sciences of the Presidium
of the USSR Academy of Sciences on the Tasks of Soviet Slavic Studies

© 2024. Sergey O. Nazarov

Archive of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

sergey_nazarov13@mail.ru

Abstract. This article presents V.M. Turok-Popov's contribution to the critical reflection of methodological problems of Soviet historical science, including Soviet Slavic studies, during the thaw. From the documents of the scientist's personal fund

kept in the Archive of the Russian Academy of Sciences, his report on the tasks of Slavic studies for the meeting of the Section of Social Sciences of the Presidium of the USSR Academy of Sciences in 1964, the purpose of which was to develop methodological issues of history, is published for the first time. The proceedings of the meeting were published in the collection 'History and Sociology' (1964), but Turok-Popov's report was not included in it, which limited the circle of people who could have familiarised themselves with it. The publication is accompanied by a letter from V.V. Altman's letter, which conveys the reaction to the report of the participants of the meeting and indicates some reasons for its absence from the collection.

Keywords: Archive RAS, V.M. Turok-Popov, historiography, Soviet Slavic Studies.

For citation: *Sergey O. Nazarov.* Report of V.M. Turok-Popov at the 1964 Meeting of the Section of Social Sciences of the Presidium of the USSR Academy of Sciences on the Tasks of Soviet Slavic Studies // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2024. No. 3. P. 108–118. DOI: 10.31857/S0869544X24030083, EDN: WYYTVS

В Архиве Российской академии наук хранится фонд Владимира Михайловича Турока-Попова (1904–1981) (Ф. 2134), доктора исторических наук, специалиста по Новейшей истории Австрии и Германии, проблемам мирового коммунистического и рабочего движения, истории национальных движений в Центральной и Юго-Восточной Европе. Фонд примечателен как своей наполненностью, так и содержанием документов: в него вошли научные, научно-популярные и публицистические работы В.М. Турока-Попова, различные материалы к трудам, личные документы, фотографии и изобразительные материалы, документы о редакционно-издательской, научно-организационной и международной деятельности, а также обширная переписка с учеными и общественно-политическими деятелями, в том числе с иностранными коллегами. Немалая ценность фонда заключается в том, что значительная его часть представлена документами жены В.М. Турока-Попова – Коки Александровны Антоновой (1910–2007), доктора исторических наук, специалиста по истории Индии в Средние века и Новое время. Долгие годы ученые прожили вместе, разделяя все невзгоды и радости судьбы. Кока Александровна оставила после себя интереснейшие воспоминания, из которых были опубликованы: «В.М. Турок (к 90-летию со дня рождения)» [Антонова 1995], «Один из первых советских индологов Н.М. Гольдберг (1891–1961)», «Александр Михайлович Осипов (1897–1969): Мы его звали Дедом» [Антонова 1998], «Мы – востоковеды...» [Антонова 1999]. В 2010 г. памяти К.А. Антоновой вышла книга «В России надо жить долго...» [«В России...» 2010], в которую в том числе были включены ее воспоминания о детстве и стихотворения. В 2013 г. издан сборник «Владимир Михайлович Турок – историк и его время» [«Владимир Михайлович Турок» 2013], включивший также воспоминания Коки Александровны. Однако анализ обширного научного и мемуарного наследия К.А. Антоновой требует отдельного исследования.

В настоящее время фонд В.М. Турока-Попова находится на завершающей стадии научного описания и ждет утверждения экспертной комиссией. Целью данной статьи является освещение вклада ученого в разработку методологических проблем советской исторической науки и публикация его доклада о задачах славяноведения для заседания секции общественных наук Президиума АН СССР 1964 г.

Жизненный путь Владимира Михайловича был полон невероятными событиями, соответствующими масштабу эпохи XX в. Во многом именно факты биографии ученого определили его научные интересы. В 1920 г. юный

Владимир Попов был вынужден эмигрировать с родителями (отец – купец 2-й гильдии) из охваченной Гражданской войной России в Константинополь, а оттуда – в Вену. Поступив в Венский университет на специальность «экономист», будущий историк сблизился с группой коммунистически настроенных студентов и в 1921 г. вступил в Коммунистическую партию Австрии, что стало поводом к разрыву отношений с семьей. До 1925 г. Владимир Михайлович проживал в бараке для студентов в небольшом районе Гринцинг, работая корреспондентом Российского телеграфного агентства по Болгарии. За этот период В.М. Турок-Попов познакомился с такими известными деятелями коммунистического движения Восточной Европы, как И. Реваи, М. Ракоши, А. Бараль, Г. Димитров, Ф. Фюрнберг, Г. Гуаперт¹. Желая скрыть свое социальное происхождение, Владимир Михайлович представлялся как приехавший в Австрию «из Турции», что послужило поводом к появлению прозвища «Турок», которое на некоторое время стало его псевдонимом, а позднее двойной фамилией – Турок-Попов [Антонова 1995, 92–93].

После возвращения в 1925 г. в Советскую Россию, Владимир Михайлович остался жить в Москве и предпринял попытку перевестись из Коммунистической партии Австрии в ВКП(б), но получил отказ (документы о переводе сохранились в фонде ученого и включают справки, выписки протоколов заседаний комиссии и рекомендации однопартийцев по Коммунистической партии Австрии). С тех пор политическая деятельность была завершена, но началась активная научная работа. До Великой Отечественной войны В.М. Турок-Попов работал в Международном аграрном институте при Коминтерне и в Институте национальностей при ЦИК СССР.

В 1943 г., после реэвакуации из Ташкента, В.М. Турок-Попов поступил в аспирантуру Института истории АН СССР. По воспоминаниям К.А. Антоновой, свое решение Владимир Михайлович мотивировал следующим образом: «Я буду заниматься тем же, чем занимался всю жизнь, только тогда это была текущая политика, а теперь эти же события уже история» [Антонова 1995, 95]. В 1946 г. под научным руководством Ф.И. Нотовича он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Локарнская конференция 1925 г.», на основе которой в 1949 г. была издана монография «Локарно». После защиты В.М. Турок-Попов стал младшим научным сотрудником Института истории АН СССР.

Знание немецкого, французского, английского, итальянского, испанского, болгарского, сербского и польского языков позволяло Владимиру Михайловичу свободно работать с источниками по темам его исследований. Он написал более 20 научных статей, опубликованных в журналах «Вопросы истории», «Известия АН СССР», «Советское славяноведение» и других, статьи по Новейшей истории и истории международных отношений для Большой советской энциклопедии и публицистические статьи в «Литературной газете». В 1955 г. была издана монография ученого «Очерки по истории Австрии (1918–1929)», на ее основе в 1957 г. он защитил докторскую диссертацию. В 1961 г. В.М. Турок-Попов перешел из Института истории АН СССР в Институт славяноведения АН СССР, а в 1962 г. увидела свет его книга «Очерки истории Австрии (1929–1938)», которая представляла собой второй том монографии.

Научные заслуги Владимира Михайловича были признаны и в Европе. В 1960–1970 гг. по приглашению иностранных коллег ученый посетил Болгарию, Германскую Демократическую Республику, Австрию, Венгрию, регулярно

¹ Подробнее об этом периоде жизни В.М. Турика-Попова см.: [Турок 1965; 1966].

участвовал в конференциях по истории рабочего движения в г. Линц (Австрия), о чем свидетельствует обильное количество документов, сохранившихся в фонде. В 1972 г. В.М. Турок-Попов по инициативе канцлера Австрии Бруно Крайского был включен в состав Комиссии по исследованию истории Австрии в 1919–1938 гг. В том же 1972 г. его избрали почетным членом Исторического общества Венгерской академии наук, а в 1977 г. в Вене ему вручили Почетный крест «За науку и искусство» I класса Австрийской республики за усилия по ознакомлению советских людей с историей Австрии. Также ученый был награжден болгарским орденом Георгия Димитрова.

Несколько отличной от основной сферы интересов в истории, но не второстепенной по значению, в научной биографии Владимира Михайловича стала тема методологии исторической науки. Турок-Попов в первые годы оттепели смело выступил с критикой преобладавшего в советской историографии однотипного повествования об исторических событиях, замкнутого в строгие схемы, игнорирующего специфические особенности того или иного региона, индивидуальных действий исторических личностей, повседневной жизни простых людей. Эти положения он изложил в статье «Историк и читатель», опубликованной в «Литературной газете» № 16 от 4 февраля 1961 г. Подтверждая свою аргументацию примерами из двух учебных пособий для студентов, вышедших в 1959 г., ученый констатировал, что «под пером некоторых авторов крестьянская трагедия при капитализме становится скучной схемой обязательных правил разорения и обнищания на том или ином этапе общего кризиса капитализма», а «крестьянство превращается в безликую массу» [Турок 1961, 2]. Историк не снимал ответственности и с рецензентов и редакторов, нередко закрывавших глаза на недостаточность живости и занимательности изложения материала, пропустивших подобного рода книги к изданию.

Статья вызвала бурную реакцию как профессиональных историков, так и простых читателей и послужила поводом к обсуждению вопросов языка и стиля научных работ по общественным дисциплинам в разных научных инстанциях, в том числе в Институте истории АН СССР. В этих обсуждениях Владимир Михайлович принимал активное участие. Как отметила К.А. Антонова: «После этой статьи и ее обсуждения имя Турока стало известным среди интеллигенции Москвы и Ленинграда» [Антонова 1995, 101].

Другой возможностью для ученого донести свою позицию касавшуюся выработки подходов и новых задач в советской исторической науке стало знаменательное заседание Секции общественных наук Президиума АН СССР, проходившее 3–6 января 1964 г., на котором присутствовали 155 историков, социологов и философов². На заседании с пленарным докладом «О разработке методологических вопросов истории» выступили академик П.Н. Федосеев и член-корреспондент АН СССР Ю.П. Францев. Заседание завершилось постановлением Президиума АН СССР, первым пунктом которого значилось: «Считать одной из первостепенных задач всех научных учреждений и научных советов Секции общественных наук Президиума Академии наук СССР в области истории всестороннюю разработку методологических вопросов, обратив особое внимание на разработку таких узловых проблем, как взаимосвязь исторического и социологического, соотношение общих закономерностей всемирно-исторического процесса и особенностей развития отдельных стран и групп стран, научная периодизация исторического процесса

² АРАН. Ф. 1731. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 5–6.

(соотношение между понятиями формация, историческая эпоха и исторический этап и др.)»³.

Красной нитью всех выступлений участников заседания проходило признание пагубного влияния культа личности И.В. Сталина на развитие исторической науки и необходимость преодоления его последствий, в первую очередь навязанного культа догматизма в науке и, как следствие, непомерного цитатничества и схематизма [Альтман, Куманев 1964, 7]. Не подвергая сомнению статус марксистско-ленинской концепции истории как единственно правильной, ученые попытались наметить те методологические проблемы, разработка которых, по их мнению, требовала особого внимания. Так, одной из ключевых проблем заседания стала проблема соотношения единичного и всеобщего, типического и особенного в истории. Такого соотношения, благодаря которому можно было бы уйти от схематического изложения, но и не отказаться от формационного подхода. Единого мнения по этому вопросу не было. Если, например, В.Г. Трухановский призывал максимально приблизиться к личности в истории, «писать историю, не схематичную, а именно живую историю, с плотью, с кровью, с эмоциями и страстями» [Там же, 134], то М.Я. Гефтер был убежден в необходимости исторического синтеза, который мог быть реализован в разработке марксистской концепции всемирно-исторического процесса, соединяющей национально-особенное с всеобщим, но «очищенной от второстепенного и случайного» [Там же, 148].

Значимость проведения данного мероприятия для советской исторической науки сложно переоценить. Несмотря на многочисленные восхваления заслуг советских историков в борьбе с буржуазной наукой, участники заседания не ограничились критикой схематизма и цитатничества, но были вынуждены признать и низкий уровень разработки методологии истории, что не могло не способствовать плодотворной саморефлексии и поиску новых концепций. Однако заседание Секции общественных наук Президиума АН СССР 1964 г. не стало началом необходимого поиска, а знаменовало собой закат оттепели в историографии, поскольку в новых политических реалиях проведение подобного рода собраний с широким представительством и смелыми критическими замечаниями в адрес собственных методологических концепций было невозможно.

По документам из фонда В.М. Турока-Попова стало известно, что историк присутствовал на заседании как представитель Института славяноведения и подготовил доклад к обсуждению заявленной темы. К сожалению, пока не удалось выяснить, смог ли ученый выступить перед коллегами или с содержанием доклада участники заседания ознакомились самостоятельно. В свою очередь, материалы заседания с докладом П.Н. Федосеева и Ю.П. Францева, текстами выступлений участников обсуждения и постановление Президиума АН СССР были опубликованы в книге «История и социология» (М., 1964) под редакцией В.В. Альтмана и В.А. Куманева. В содержание книги вошли тексты выступлений 22 ораторов и 10 участников, не сумевших выступить в прениях, но изложивших свои соображения в письменной форме (в их числе — М.В. Нечкина, П.А. Жилин, Ю.А. Аверниев и др.). Был опубликован и доклад К.А. Антоновой, посвященный вопросам восточного феодализма и генезиса капитализма на Востоке [Там же, 274–284]. Однако текст доклада Владимира Михайловича в данное издание по неясным причинам включен не был, в результате чего участие историка в заседании осталось нигде не отмеченным.

Обнаружение текста доклада В.М. Турока-Попова и письма В.В. Альтмана восполняет эту историческую несправедливость. Доклад примечателен содержанием,

³ Там же.

поскольку в сравнении с другими участниками, его автор сделал акцент на постановке задач и методологических рекомендаций специально для советского славяноведения, а не исторической науки в целом, к тому же обошелся без цитирования классиков марксизма-ленинизма и настаивал на продуктивности связей с некоторыми «буржуазными» историками. В свою очередь, приложенное к докладу письмо В.В. Альтмана, кандидата исторических наук, давнего приятеля В.М. Турока-Попова и одного из редакторов книги «История и социология», дает представление о реакции современников на текст доклада и несколько разъясняет причины его отсутствия в книге, но, к сожалению, не проясняет ситуации в целом.

Доклад В.М. Турока-Попова и приложенное к нему письмо В.В. Альтмана представляют собой авторизованные машинописные тексты. Документы публикуются с соблюдением современной орфографии и пунктуации⁴ (см. приложение).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР – Академия наук Союза советских социалистических республик.
АРАН – Архив Российской академии наук.
ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков).
КНР – Китайская Народная Республика.
КПК – Коммунистическая партия Китая.
КПСС – Коммунистическая партия Советского союза.
ЦИК СССР – Центральный исполнительный комитет Союза советских социалистических республик.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

АРАН Ф. 1731. Секция общественных наук Академии наук СССР. Оп. 1. Ед. хр. 12.
АРАН Ф. 2134. Турок-Попов Владимир Михайлович (1904–1981). Оп. 1. Ед. хр. 6.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антонова К.А. Один из первых советских индологов Н.М. Гольдберг (1891–1961); Александр Михайлович Осипов (1897–1969): Мы его звали Дедом // Слово об учителях. Московские востоковеды 30–60-х годов. М.: ГРВЛ, 1988. С. 167–177; С. 200–206.
Антонова К.А. Мы – востоковеды... // Восток. 1991. № 1. С. 140–152; № 4. С. 124–136; № 5. С. 131–146; 2000. № 4. С. 16–131.
Антонова К.А. В.М. Турок (к 90-летию со дня рождения) // Славяноведение. 1995. № 1. С. 92–105.
«Владимир Михайлович Турок – историк и его время» / сост. и отв. ред. Л.Б. Алаев, Т.Н. Загородникова. М.: Степаненко А.Ю., 2013. 420 с.
«В России надо жить долго...»: памяти К.А. Антоновой (1910–2007) / сост. и отв. ред. Л.Б. Алаев, Т.Н. Загородникова. М.: Восточная литература, 2010. 470 с.
История и социология / под ред. В.В. Альтман, В.А. Куманев. М.: Наука, 1964. 341 с.
Сталин И.В. Сочинения. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1946. Т. 2. 428 с.
Турок В. Историк и читатель // Литературная газета. 1961. № 16. С. 2.
Турок В.М. Страницы истории рабочего движения в Австрии на Балканах (из книги «Улица Коминтерна...») // Австро-Венгрия и славяно-германские отношения. М.: Наука, 1965. С. 146–180.
Турок В.М. Мое знакомство с революционерами и царевичами // Международные отношения в Центральной и Восточной Европе и их историография. М.: Наука, 1966. С. 151–171.
Турок В.М. В.И. Ленин о Брюннской программе (1899 г.) по национальному вопросу // Народы Азии и Африки. 1970. № 6. С. 42–57.

Рукопись поступила в редакцию 17.10.2023
Рукопись принята к печати 23.10.2023

⁴ Там же. Ф. 2134. Оп. 1. Ед. хр. 6.

REFERENCES

- Antonova K.A. Odin iz perykh sovetskikh indologov N.M. Gol'dberg (1891–1961); Aleksandr Mikhailovich Osipov (1897–1969): My jeho zvali Dedom. *Slovo ob uchiteliakh. Moskovskije vostokovedy 30–60-kh godov*, Moscow, GRVL Publ., 1988, pp. 167–177; pp. 200–206. (In Russ.)
- Antonova K.A. My – vostokovedy... *Vostok*, 1991, no 1, pp. 140–152; no 4, pp. 124–136; no 5, pp. 131–146; 2000, no 4. pp. 16–131. (In Russ.)
- Antonova K.A. V.M. Turok (k 90-letiiu so dnia rozhdeniia). *Slavianovedeniye*, 1995, no. 1, pp. 92–105. (In Russ.)
- Istoriia i sotsiologiya*, eds. V.V. Al'tman, V.A. Kumanev. Moscow, Nauka, 1964, 341 p. (In Russ.)
- Stalin I.V. *Sochineniia*. Moscow, OGIZ; Gosudarstvennoje izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., 1946, t. 2, 428 p. (In Russ.)
- Turok V. Istorik i chitatel'. *Literaturnaiia gazeta*, 1961, no. 16, p. 2. (In Russ.)
- Turok V.M. Stranitsy istorii rabocheho dvizheniia v Avstrii na Balkanakh (iz knigi «Ulitsa Kominterna...»). *Avstro-Vengriia i slaviano-germanskie otnosheniia*, Moscow, Nauka Publ., 1965, pp. 146–180. (In Russ.)
- Turok V.M. Moje znakomstvo s revoliutsionerami i tsareubiitsami. *Mezhdunarodnyie otnosheniia v Tsentral'noi i Vostochnoi Jevrope i ikh istoriografiia*, Moscow, Nauka Publ., 1966, pp. 151–171. (In Russ.)
- Turok V.M. V.I. Lenin o Briunnskoii programme (1899 g.) po natsional'nomu voprosu. *Narody Azii i Afriki*, 1970, no. 6, pp. 42–57. (In Russ.)
- «Vladimir Mikhailovich Turok – istorik i ego vremya» / eds. L.B. Alaev, T.N. Zagorodnikova. Moscow, Stepanenko A. Yu., 2013. 420 p. (In Russ.)
- «V Rossii nado zhit' dolgo...»: pamiati K.A. Antonovoi (1910–2007), eds. L.B. Alaev, T.N. Zagorodnikova. Moscow, Vostochnaya literatura, 2010, 470 p. (In Russ.)

Received on 17.10.2023

Accepted on 23.10.2023

ПРИЛОЖЕНИЕ

Доктор исторических наук
В. М. Турок
(Институт славяноведения)

Все выступавшие высказывали, конечно, свою личную точку зрения, а не мнение того Института, в котором они работают. Это и естественно, поскольку в ходе дискуссии возникают некоторые спорные или еще не решенные вопросы. Один из этих вопросов мне хотелось затронуть. Речь идет о круге вопросов, изучаемых советскими славяноведами. В годы Великой Отечественной войны и в первый период после разгрома гитлеровской Германии задача советских славяноведов заключалась прежде всего в опровержении и разоблачении расового бреда гитлеровцев о «расе господ», о том, что славянских народам якобы суждено самой природой находиться в подчинении у немцев, что славяне будто бы не в состоянии были создавать собственную государственность без посторонней помощи и т.д. Все это, конечно, не имело ничего общего с наукой, а имело целью создание лживой и чловеконенавистнической системы аргументации для того, чтобы оправдать вторжение германского империализма в страны Восточной и Юго-восточной Европы. Задачу разгрома этих утверждений историки-слависты успешно выполняли как конкретно-историческими работами, иногда по самым детальным сюжетам, так и публикацией крупных обобщающих трудов по истории отдельных стран восточной и юго-восточной Европы. Многотомные издания Института славяноведения по истории Болгарии, Польши, Чехословакии, Югославии, большая коллекция «Ученых записок», «Кратких сообщений» и индивидуальных монографий вошли в общий фонд идеологической борьбы против германского фашизма и помогли укреплению и развитию национального сознания славянских народов,

освобождавшихся с помощью Советской армии от гитлеровского господства. Молодой коллектив Института славяноведения создал большую и полезную библиотеку по истории славянских стран.

Однако в новых условиях, когда марксистское славяноведение развилось и окрепло, когда в странах народной демократии возникли квалифицированные кадры историков-славистов, возникает необходимость обсудить некоторые методологические проблемы.

Прежде всего тяжелые последствия культа личности отразились и на советском славяноведении. Сталинско-догматические искривления в национальном вопросе приводили к тому, что при изучении истории славянских народов и их взаимоотношений с другими народами Европы классовый анализ кое-где уступал место изложению и даже восхвалению межнациональных конфликтов, идеализации феодального прошлого, неправильной трактовкой взаимных культурных влияний. В результате этого, интернационалистские позиции в ряде случаев подменялись проповедью национальной исключительности, погоней за ложно понятным приоритетом и противопоставлением наций друг другу.

Мешало развитию науки также принятие в качестве абсолютной истины для всех времен и народов догматического определения нации, которое было дано И.В. Сталиным и приняло характер обязательной директивы⁵. А обязательные директивы, если они оказываются неправильными, задерживают развитие науки, ибо сковывают творческую мысль марксизма-ленинизма. Сталинское определение нации было схематическим и неправильным и, например, на основе этого определения историческая литература в течение долгого времени продолжала считать австрийцев немцами, а это в свою очередь искажало картину взаимоотношений между народами Центральной и Юго-восточной Европы. Для дальнейшего развития советского славяноведения необходимо обсудить и уточнить определение нации. Это особенно важно в обстановке, когда догматические поклонники И.В. Сталина из числа китайских руководителей пытаются использовать сталинские определения и сталинский догматизм в целом для противопоставления национально-освободительных движений международному рабочему движению⁶.

В этих условиях особенно большое значение приобретает борьба против проявлений национализма и шовинизма в западноевропейской литературе. При этом историкам-славистам, вероятно, придется обратить внимание и на некоторые смежные науки. Так, например, бросается в глаза факт, недостаточно изученный историками и литературоведами: на протяжении последних лет на Западе происходит своеобразное возрождение литературы на немецком языке, возникшей в течений первых двух (без малого) десятилетий XX в.

⁵ В статье 1913 г. «Марксизм и национальный вопрос» И.В. Сталин дает следующее определение нации: «Исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» (см.: [Сталин 1946, 290–367]). В.М. Турок-Попов выступал с критикой статьи И.В. Сталина и позднее, в том числе, этой теме он посвятил статью для журнала «Народы Азии и Африки» [Турок 1970] и доклад на присуждении ему звания почетного члена Исторического общества Венгерской академии наук в Будапеште в 1973 г.

⁶ Критика культа личности И.В. Сталина на XX съезде КПСС в 1956 г. и провозглашение Н.С. Хрущевым концепции «мирного сосуществования» привели к ухудшению отношений между СССР и КНР. В 1963 г. между КПСС и КПК развернулась так называемая полемика о генеральной линии международного коммунистического движения («великая полемика»). Конфликт состоял из обмена многочисленными письмами, в которых КПСС и КПК обвиняли друг друга в отступлении от марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма.

на территории Австро-Венгрии и продолжавшей развиваться в последующем в государствах-наследниках. При этом буржуазная публицистика и литературоведение популяризируют далеко не всех авторов этого периода. Например, в буржуазной литературе остается почти забытым такой талантливый автор, как Эгон Эрвин Киш⁷, явно по той простой причине, что его произведения содержат страстный призыв к борьбе против социальной несправедливости и угнетения. С другой стороны, шумную рекламу получают произведения, авторы которых погибли, так и не найдя выхода из окружающей их страшной действительности капитализма. Настроения безнадежности, фрейдистского предопределения человеческой судьбы в итоге непреодолимых, как бы врожденных инстинктов были присущи многим писателям времен распада монархии Габсбургов и первых лет экономического и политического хаоса после окончания мировой войны 1914–1918 гг. Именно эти настроения безнадежного и пассивного пессимизма и привлекают буржуазных историков литературы, многие из которых хотели привить эти же настроения своим современным читателям.

Внимание славяноведов должно, в частности, привлечь то обстоятельство, что особенно широко популяризируются на буржуазном Западе произведения Пражского кружка писателей⁸. При этом литературоведческий анализ буржуазных критиков стремится приглушить социальное звучание произведений этих писателей, а то обстоятельство, что, находясь в Чехии, они писали на немецком языке, использовать для разжигания национальных антагонизмов.

Западногерманский литературный критик Гюнтер Андерс⁹ писал еще лет десять тому назад о Кафке: «Как еврей, он был своим в христианском мире. Как индифферентный еврей – ибо таковым Кафка был вначале – он не был своим среди евреев. Как человек, говорящий по-немецки, он не был своим среди чехов. Как говорящий по-немецки еврей, он не был своим среди немцев. Как богемец, он не был вполне австрийцем»¹⁰. Это определение на один волосок отстоит от изображения писателя человеком без рода и родины. Конечно, советская наука не может идти по пути этой замены социального анализа национальным.

Однако попытки разжигания шовинистических страстей требуют от советских славяноведов внимания и отпора, ибо эти попытки далеко не единичны и облегчаются тем, что значительная группа писателей, живших в Праге, были людьми немецкого языка. Поэтому их творчество, как правило, не попадает в поле зрения славяноведов. Между тем жизнь и деятельность этой группы писателей не могут быть поняты без изучения той социальной среды в Чехии и в Австро-Венгрии, в которой они сложились как писатели. Но для изучения

⁷ Киш Эгон Эрвин (1885–1948) – чешско-немецкий писатель, журналист еврейского происхождения. В 1918 г. был одним из основателей Австрийской коммунистической партии и командиром красной гвардии в Вене. В 1937–1938 гг. был бойцом интернациональных бригад в Испании. Во время Второй мировой войны проживал в Мексике, сотрудничал с газетой «*Freies Deutschland*» («Свободная Германия»), органа Национального антифашистского комитета «Свободная Германия», издававшейся на территории Советского Союза с 1943 г. В.М. Турок-Попов также написал о Э.Э. Кише в своих воспоминаниях: [Турок 1966, 154–155].

⁸ «Пражский кружок писателей» или «Пражская школа» – литература на немецком языке, возникшая в Праге на рубеже XIX–XX вв. К этому направлению относят таких писателей, как Франц Кафка, Франц Верфель, Лео Перуц, Макс Брод и др. Э.Э. Киш также принадлежал к данному направлению, представляя его левое крыло.

⁹ Андерс Гюнтер (1902–1992) – австрийский писатель, философ немецко-еврейского происхождения, литературный критик, активный участник атомного и антивоенного движения. Автор книг «Устарелость человека» (1956), «Человек на мосту» (1959), «Надпись на стене» (1967).

¹⁰ Цитата из книги Андреса Гюнтера «Кафка. За и против» (1951).

этой среды историки и литературоведы-слависты должны будут преодолеть рамки чисто локальной тематики, основанной на страноведческом разделении труда. На данном этапе развития славяноведения возникает неизбежность более широкой тематики. Нельзя изучать историю Хорватии или хорватской литературы вне всего комплекса национальностей, с которыми приходилось иметь дело хорватам на различных этапах своей истории. И прежде всего славяноведам придется интенсивнее, чем до сих пор, изучать историю Австро-Венгрии в целом. А это требует гораздо более широкого кругозора, чем занятия локальной историей. Это, конечно, отнюдь не означает отказа от изучения по страноведческому признаку, но требует дополнения к страноведению.

Другой важной задачей, которой в последнее время занимаются славяноведы, является борьба с той отраслью буржуазной исторической науки, которая входит в так называемый «остфоршунг»¹¹. Однако для определения правильного направления и задач этой борьбы необходимо, наконец, найти дефиницию того, чем же является «остфоршунг». Различные советские авторы дают разнообразные и иногда взаимно исключающие друг друга определения. Нельзя же в конце концов считать «остфоршером» любого буржуазного историка, который изучает историю стран Восточной Европы.

Необходимо также окончательно преодолеть встречающиеся у некоторых авторов догматическое представление, что каждого буржуазного автора, изучающего историю Восточной Европы, надо заранее рассматривать как врага и соответственно с ним обращаться. Во время культа личности Сталиным внедрялось представление, что опаснее всего не прямые и открытые реакционеры, а буржуазные авторы, прикидывающиеся либералами или, чего доброго, левыми. Против этих последних и направлялся главный удар. Это было отражением вреднейшей сталинской теории о фашизме и социал-фашизме, как близнецах. Из этих сталинских догм и родились представления нынешних сектантов и догматиков, что в период общего кризиса капитализма не бывает либералов и что против буржуазных авторов, выражающих либеральные взгляды, следует бороться теми же или более острыми методами, что и против самых бешеных реакционеров.

Отбрасывая догматические представления старого, опираясь на решения XX и XXII съездов КПСС, ведя упорную борьбу с догматиками, советское славяноведение отбрасывает и прежние догматические представления о либералах, как главных врагах. В борьбе против представителей «остфоршунга» советские славяноведы, как и все советские историки, конечно, дифференцируют буржуазных ученых и стремятся привлечь на свою сторону попутчиков и союзников, нейтрализовать безразличных и решительно изолировать противников из антикоммунистического стана.

В. Турок

Ф. 2134. Оп. 1. Ед. хр. 6. Авторизованная машинопись с правкой

¹¹ «Остфоршунг» (нем. Ostforschung – изучение Востока) – научное направление по изучению стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, которое возникло во второй половине XIX в. в Австрии и Германии. В начале XX в. и в период нацистского режима результаты «Остфоршунга» использовались властями Германии в качестве идеологических базы доктрины «Натиск на Восток» (нем. Drang nach Osten).

Письмо В. В. Альтмана В. М. Туроку-Попову (1964 г.)

Глубокоуважаемый Владимир Михайлович!

Я чувствую себя виноватым перед Вами (хотя, по совести говоря, не виноват) из-за того, что Ваше выступление осталось втуне. Сейчас уже идут гранки, но, поскольку у меня даже нет Вашего текста, я ничего сделать не могу. А жаль, потому что Ваше выступление мы читали с большим интересом и, если бы Вы согласились на устранение некоторых чрезмерностей (а Вы, наверное, согласились бы на это) выступление было бы в книге «История и социология» одним из наиболее ценных: ведь по вопросам методологии славяноведных исторических исследований так никто и не говорил.

С самым искренним приветом

В. Альтман

Ф. 2134. Оп. 1. Ед. хр. 6. Авторизованная машинопись

Информация об авторе:

Назаров Сергей Олегович

и.о. научный сотрудник, Архив РАН

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-5541-2393

E-mail: *sergey_nazarov13@mail.ru*

Information about the author:

Sergey O. Nazarov

acting research officer, Archive of the RAS

Moscow, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-5541-2393

E-mail: *sergey_nazarov13@mail.ru*

Sarajevo-1914. Sparking the First World War / ed. by M. Cornwall. London: Bloomsbury, 2020. 320 p.

Сараево-1914: Разжигая Первую мировую войну

© 2024 г. И.К. Богомолов

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

bogomolov@inion.ru

Ссылка для цитирования: *Богомолов И.К.* Sarajevo-1914. Sparking the First World War / ed. by M. Cornwall. London: Bloomsbury, 2020. 320 p. // *Славяноведение*. 2024. № 3. С. 119–123. DOI: 10.31857/S0869544X24030099, EDN: WYXHKL

Sarajevo-1914. Sparking the First World War / ed. by M. Cornwall. London: Bloomsbury, 2020. 320 p.

© 2024. Igor K. Bogomolov

Institute of Scientific Information for Social Sciences of Russian Academy
of Sciences (Moscow, Russian Federation)

bogomolov@inion.ru

For citation: *Igor K. Bogomolov.* Sarajevo-1914. Sparking the First World War / ed. by M. Cornwall. London: Bloomsbury, 2020. 320 p. // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2024. No. 3. P. 119–123. DOI: 10.31857/S0869544X24030099, EDN: WYXHKL

Убийству эрцгерцога Франца Фердинанда 28 июня 1914 г. суждено было стать одним из главных событий XX в. Покушение в Сараево вызвало огромное количество дискуссий, породило теории заговора, на которых зачастую основывались научные и государственные взгляды на причины и характер Первой мировой войны. Столетие события в 2014 г. лишь подстегнуло эти споры, наглядно показавшие, что историография по-прежнему находится под сильным влиянием прошлых эмоций и пристрастий, разбивается на лагеря, наследующие от предшественников старые позиции. Было вполне ожидаемо, что часть сербских историков негативно

воспримет монографии К. Кларка [Clark 2012] и Ш. Макмикина [McMeekin 2011], в которых значительная доля вины за начало Первой мировой войны возложена на Сербию и Россию. Ожидаемо было и появление своеобразных «ответов» на эти работы, обвиняющих Вену в желании «раздавить» Сербию [Zametica 2017]. Как и прежде, слышна апологетика Франца Фердинанда, якобы павшего жертвой заговора, подготовленного в Белграде и Петербурге [Кинг, Вулманс 2014]. Как и многие другие крупные и судьбоносные исторические события, сараевское покушение попало в своеобразную ловушку неугасаемой связи с современностью. О нем

вспоминают, как правило, раз в десять лет, используя скорее как орудие в давних спорах и как инструмент в политической риторике. В истории Первой мировой войны это событие служит своего рода «увертюрой» и стабильным поставщиком красивых заголовков. Как верно подметил П. Миллер, «кто еще не слышал о “пистолете, который превратил историю в пыль”, об “автомобиле, который изменил историю”, или даже о “диване, на котором можно было бы уложить весь двадцатый век”?» (имеется в виду диван, на котором скончался Франц Фердинанд) [Miller 2016].

Название рецензируемой монографии – «Разжигая Первую мировую войну» – тоже не избежало этого соревнования в метафоризации. Составители и не стремились отойти от традиционных сюжетов, связанных с убийством эрцгерцога, покорно встраиваясь в «огромную историографическую индустрию, охватывающую мифы, гипотезы и пристрастия – что именно произошло, почему это произошло и кто на самом деле несет ответственность» (с. 2). Вместе с тем через книгу красной нитью проходит не только само сараевское покушение, но и его контекст – социально-экономическая, политическая, культурно-историческая и демографическая ситуация на Балканах и в Австро-Венгрии в начале XX в. Во введении М. Корнуолл отметил, что цель авторов состоит не в том, чтобы «оценить, как память об убийстве в Сараеве создавалась и использовалась в различных культурных средах за прошедшее столетие», но в том, чтобы «придать больше ясности и контекста якобы заезженной теме, иллюстрирующей как геополитический ландшафт, в котором произошло “Сараево-1914”, так и волны, которые это событие создало на местном, региональном и международном уровнях» (с. 9).

Структура книги отражает стремление авторов сфокусироваться именно на контексте, а не на самом убийстве Франца Фердинанда. 14 глав сгруппированы в трех частях. В первой сделан акцент на личности эрцгерцога, его политике, планах и союзниках, в двух других – на международном и региональном аспекте его убийства.

А. Ханниг написала о том, как австрийский наследник престола «укреплял свое положение, используя различные личные связи, чтобы гарантировать плавный переход власти после смерти Франца Иосифа» (с. 18). Критике автора подверглись свидетельства С. Цвейга о реакции на убийство Франца Фердинанда населения Бадена, где писатель в июне 1914 г. находился на лечении. Уже через два часа, писал он, «нельзя было обнаружить ни единого признака истинной скорби. Люди шутили и смеялись, в ресторанах снова допоздна играла

музыка» [Цвейг 1996, 596]. Эти строки часто цитируются, когда речь идет об убитом эрцгерцоге, но, по мнению Ханнинг, воспоминания Цвейга о нем были «не только очень субъективными, но в некоторых моментах совершенно ложными» (с. 18). Нельзя, однако, сказать, что автор привела убедительные контраргументы и новые источники, ограничившись цитатами из некрологов крупнейших венских газет того времени и воспоминаний бывшего министра иностранных дел Австро-Венгрии Л. Берхтольда. Тем не менее Ханнинг далека от обеления личности Франца Фердинанда. Его враждебность по отношению к различным национальностям и политическим группам, а также к некоторым странам и их главам была «не только иррациональной, но и опасной» (с. 30). Причиной тому были, помимо характера эрцгерцога, и довлеющие над ним традиции и стереотипы. Как и многие представители Габсбургов, Франц Фердинанд, «очевидно, не смог распознать знамения времени; он отказался сотрудничать с более широкими социальными и политическими кругами, полагаясь вместо этого на старые феодальные структуры и сильную армию». Навсегда останется открытым вопрос о том, могло ли его правление «предотвратить катастрофическую войну и падение монархии» (с. 30).

А. Рахтен более подробно проанализировал политические планы Франца Фердинанда в отношении югославянских земель Австро-Венгрии. По мнению автора, наследник габсбургского престола «явно не имел намерения продолжать децентрализацию и без того ослабленной дуалистической системы» (с. 42). Но он не терял интерес к идее триализма, так как видел в ней противовес венгерскому влиянию и великосербской идее. Для эрцгерцога и его сторонников триализм был «прежде всего средством демонстрации дуалистической системы» и консолидации реальной власти в руках Вены (с. 43). Рахтен сравнил эту точку зрения с позицией Н. Пашича, считавшего, что для Сербии самая серьезная угроза исходила именно от предполагаемой программы Франца Фердинанда. Однако, в отличие от Франца Иосифа, эрцгерцог, по крайней мере, пытался найти решение югославянского вопроса. Это часто делалось «в резкой, неуклюжей и старомодной манере, но никто не может отрицать его волю к реформам, его готовность объединить культурное разнообразие Центральной Европы в более прочное государственное образование» (с. 52). Другой вопрос, каковы были шансы на реализацию этих планов, учитывая, что австрийский наследник престола явно не стремился идти на реальные уступки национальным окраинам империи.

И. Ивелич оценил идеи Франца Фердинанда по переустройству дуалистической

монархии как «фигурный листок для программы, направленной на укрепление полномочий австрийского центра». Предполагавшийся пересмотр договора 1867 г. не мог существенно расширить политические права немадьярских народов; скорее, им было бы предложено «равенство в неравенстве» (с. 66). Это хорошо видно и по положению хорватского дворянства в переломную эпоху начала XX в. Многие аристократы разной национальности и политической ориентации оказались в затруднительном положении накануне Великой войны. В эпоху дуализма дворяне, выступавшие с проавстрийских позиций, по большей части были вынуждены примириться с Будапештом. Хорватская аристократия в основном «была лояльна династии Габсбургов, но в то же время хорошо осознавала, что общий политический, экономический и национальный контекст меняется и ставит под угрозу их элитное положение» (с. 73). После 1918 г. многие дворяне надеялись, что принятие югославского гражданства гарантирует им лучшее отношение к себе, игнорируя тот факт, что эта новая балканская страна имела «совершенно иной характер и историю», не вырастила собственное дворянство и «рассматривала аристократию Габсбургов как нежелательный и враждебный элемент» (с. 72).

Общественные настроения в Хорватии накануне и в годы войны подробно рассмотрел М. Корнуолл. Политические пристрастия в довоенной Хорватии были, благодаря меняющемуся геополитическому контексту, чрезвычайно сложными и разнообразными. Многие политические деятели играли на противоречиях между Веной и Будапештом, а также на ухудшающихся австро-сербских отношениях. Во время войны хорватско-венгерская коалиция сохранилась, большинство представлявших ее депутатов вплоть до конца войны были склонны к консервативному и прагматичному подходу к будущему Хорватии. Однако, когда в 1918 г. «ветер изменился, Белград лишил Будапешт контроля над регионом» (с. 227).

На примере австрийской армии Т. Шир рассмотрела языковой вопрос в Боснии и Герцеговине в начале XX в. Для командования местных армейских частей разделение на сербов и хорватов «не отражало региональных реалий, и они также хотели поддержать усилия, направленные на то, чтобы избежать маргинализации солдат-мусульман» (с. 94). Во время Великой войны «хорватский» часто назывался языком солдат-католиков, «сербский» — православных, а «сербохорватский» — мусульман. Используя термин «сербохорваты» вместо «боснийцев», австрийские военные приняли во внимание идеи мусульманских политиков. Сегодня название

языка, на котором говорят в Боснии и Герцеговине, «все еще обсуждается и очень часто напоминает нам о временах Габсбургов. Использование языка во многом интерпретировалось и интерпретируется как этническая или национальная принадлежность» (с. 95).

Р. Окей также поместил «боснийский вопрос» в более широкий контекст, подробно рассмотрев образовательные и культурные истоки организации «Млада Босна» и отказываясь от «террористического или революционного» подхода в ее изучении. Сараевское покушение, по его мнению, «явно соответствует теме революционной студенческой молодежи, которая не фигурировала в 1789 г., но появилась в 1848 г., а затем, как известно, в царской России, начиная с “хождения в народ”». Тем не менее к началу XX в. народничество студентов, «действовавших на фоне социокультурного отчуждения, приобретало все более этнонационалистический подтекст» (с. 103).

Поднят в монографии и традиционный вопрос о роли Белграда в подготовке покушения. Д. Шеранц отметил, что большое влияние Драгутина Димитриевича и его соратников «не было случайным совпадением, а отражало природу сербской политической культуры» (с. 143). Они не смогли бы удержаться на высоких должностях в армии без поддержки Радомира Путника, который, однако, не одобрял все действия Аписа. До тех пор, пока сохранялся национальный консенсус по вопросам внешней политики, допускались и другие, более проблемные аспекты поведения офицеров. Тем не менее двойственность власти по отношению к неформальным офицерским организациям («неконституционным элементам») не могла длиться вечно. После 1913 г., когда основная часть внешнеполитических задач была достигнута, пути «Черной Руки» и гражданских властей начали резко расходиться. Убийство в Сараеве «можно рассматривать как один из эпизодов внутренней борьбы за власть между сербским правительством и военными» (с. 143). Автор предположил, что покушение на эрцгерцога было специально рассчитано на то, чтобы нанести ущерб правительству Пашича, стремившегося «ликвидировать сеть офицеров и обеспечить легитимность своего режима с новым монархом на сербском троне». Противодействуя этому с помощью покушения на Франца Фердинанда, Димитриевич «готовил почву для дипломатического скандала, а не пытался спровоцировать австро-сербскую войну» (с. 144).

Л. Хёббельт отметил, что Австро-Венгрия, в отличие от Сербии, была меньше скована внутривластными проблемами при принятии решения о начале войны. Даже победы Балканского

союза в 1912–1913 гг. не привели к брожениям на южных окраинах империи, внутренняя «славянская угроза» если и была, то явно переоценивалась. Тем не менее в начале XX в. Вена считала балканское направление ключевым. Ее действия после сараевского покушения «невозможно понять без учета двух Балканских войн. Если бы Франц-Фердинанд был убит в 1907 или 1908 г., очень маловероятно, что это привело бы к мировой войне». В 1914 г. австрийцы «выбрали войну, потому что они чувствовали, что больше не могут позволить себе мир, которым они “наслаждались” в 1912–1913 гг.» (с. 152). Военные маневры и мобилизация в эти годы стоили дорого и опустошили казну, не давая очевидной отдачи. По мнению автора, если бы габсбургская элита стремилась к войне, она, безусловно, начала бы ее раньше. В 1914 г. австрийцы «ошибались, когда думали, что война будет короткой; в 1912 г. они ошибались, когда думали, что Балканская война против Османской империи будет долгой» (с. 154). Австро-Венгрия начала «третью Балканскую войну», потому что другие возможности посчитала исчерпанными (с. 154).

Причины такого настроения Вены в более широком контексте проанализировал Т.Г. Отте. Автор подтвердил вывод, к которому пришел в основательной монографии об июльском кризисе 1914 г. [Отте 2014]. По его мнению, Австро-Венгрия к тому времени «больше не мыслила себя и не действовала как великая европейская держава, а скорее как более крупная региональная держава, для которой “урегулирование с Сербией” перевешивало все остальные соображения» (с. 166). В рецензируемом сборнике автор добавил спорный тезис о том, что, несмотря на склонность кайзера Вильгельма II «рассматривать мировую политику с точки зрения надвигающейся расовой борьбы, систематической подготовки к войне не было; не было также никакого систематического анализа зарождающегося кризиса» (с. 168). Один из главных и недооцененных в Берлине вопросов — о судьбе «австрийского наследства» после ожидавшегося падения двуединой монархии — встал перед Германией слишком быстро, чтобы действовать осторожнее. В этом смысле такое маленькое государство, как Сербия, «обладало косвенной властью в такой степени, которая была бы непостижимой, даже невыносимой для Талейрана или Александра I в начале долгого XIX в.» (с. 177). Однако и Отте повторил тезис о том, что ни одна европейская держава не хотела войны летом 1914 г. Яркий пример — англо-австрийские дипломатические отношения: посол А. Менсдорф покинул Лондон спустя почти две недели после начала мировой войны. Ф. Бридж в связи с этим отметил, что «своими действиями Германия сняла с плеч

Австро-Венгрии мантию главного поджигателя войны — по крайней мере, так решили англичане. В белой книге британского правительства о последних днях мира монархия отделалась на удивление легко: были “хорошие надежды” на мир, пока Германия “не захлопнула дверь” на переговорах, напад на Россию — момент, за который ухватилась, к удовлетворению австрийцев, вся британская пресса» (с. 193).

В главах Б. Клябьяна и Х. Грюнерта повествуется о реакции населения и властей Сараева и Триеста на убийство Франца Фердинанда. В Боснии оно вызвало волну ожесточенных столкновений, в которых чувство преданности династии смешивалось с ненавистью к «другому». Местные власти зачастую закрывали глаза на эти бесчинства, что в конечном счете нанесло «непоправимый ущерб гражданскому единству, которое вышло далеко за рамки Первой мировой войны. Как и везде, распад империи Габсбургов принес не мир, а эскалацию социального хаоса» (с. 248). Грюнерт подчеркнул, что изменения в национальной политике Вены в Боснии начались задолго до лета 1914 г. Учет политических требований путем «кооптации элит различных конфессиональных групп» сменился «политикой, которая четко определяла врагов государства и нападала на них и на всю их социальную среду» (с. 265). Еще до войны местная австрийская власть отказалась от своих обычных методов управления лояльностью поданных империи, в результате чего быстро потеряла легитимность в глазах большинства боснийских сербов.

В завершающей главе Д. Хайкова проанализировала образ Франца Фердинанда в общественном сознании и государственной политике межвоенной Чехословакии. Попытки лидеров Первой республики создать негативный образ эрцгерцога, который соответствовал их проекту «деавстризации», были лишь частично успешными. Наследник престола остался в народной памяти благодаря литературным произведениям (прежде всего — «Похождения бравого солдата Швейка» Я. Гашека) и «местам памяти» (замок Конопишт). В 2014 г. столетие убийства Франца Фердинанда широко отмечалось: прошли многочисленные выставки, а в заголовках газетных статей часто использовалась фраза Гашека «Они убили нашего Фердинанда». Отношение к эрцгерцогу в современном Конопиште «перешло от враждебного к сочувственному и даже некоторой степени гордости за этого знаменитого местного жителя» (с. 286). Спустя столетие после сараевского убийства интерес к его личности в Чехии только возрос.

В рецензируемой монографии проведен качественный анализ социально-экономической

и политической ситуации на Балканах в начале XX в. Эта книга действительно не столько об убийстве в Сараеве, сколько о том, что ему предшествовало и к чему оно привело. Затронуты малоизученные сюжеты, прежде всего об общественно-политических настроениях в Боснии и Хорватии. «Традиционные» сюжеты также освещены подробно, сделан ряд интересных наблюдений и выводов об австрийской внешней политике, политической борьбе в Белграде, причинах поддержки Германией своего союзника и, соответственно, военного исхода июльского кризиса 1914 г. Освещая столь масштабную тему, невозможно затронуть все связанные с ней сюжеты, однако отсутствие некоторых из них все же вызывает вопросы. В книге, например, практически не упоминается Россия и ее балканская политика, дипломатические шаги Петербурга после австрийского ультиматума Сербии и причины ее поддержки в решающий момент. Не вполне продуманной видится и структура монографии. К примеру, близкие по содержанию главы И. Ивелийч и М. Корнуолла находятся в разных частях, логичнее было бы поставить рядом главы А. Рахтена и Л. Хёбеля. Но в конечном счете книга представляет большой интерес и, безусловно, займет достойное место в обширной историографии Сараево-1914.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

Кинг Г., Вулманс С. Первая мировая. Убийство, развязавшее войну. М.: АСТ, 2014. 384 с.

Информация об авторе:

Богомолов Игорь Константинович
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Институт научной информации
по общественным наукам
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-8381-0284
E-mail: bogomolov@inion.ru

- Цвейг С. Собрание сочинений в 10 т. М.: Terra, 1996. Т. 8.
- Clark C. *The Sleepwalkers: How Europe Went to War in 1914*. London: Allen Lane, 2012. 736 p.
- McMeekin S. *The Russian Origins of the First World War*. Cambridge: Harvard University Press, 2011. 344 p.
- Miller P. «The First Shots of the First World War»: The Sarajevo Assassination in History and Memory // *Central Europe*. 2016. Vol. 14. No. 2. Pp. 141–156. DOI: <https://doi.org/10.1080/14790963.2017.1355514>.
- Otte T. *July Crisis: The World's Descent into War, Summer 1914*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 534 p.
- Zametica J. *Folly and Malice: The Habsburg Empire, the Balkans and the Start of World War One*. London: Shephard-Walwyn, 2017. 794 p.

REFERENCES

- Clark C. *The Sleepwalkers: How Europe Went to War in 1914*. London, Allen Lane Publ., 2012, 736 p.
- King G., Vulmans S. *Pervaja mirovaja. Ubijstvo, razjyazavshee vojnu*. Moscow, AST Publ., 2014, 384 p. (In Russ.).
- McMeekin S. *The Russian Origins of the First World War*. Cambridge, Harvard University Press Publ., 2011, 344 p.
- Miller P. «The First Shots of the First World War»: The Sarajevo Assassination in History and Memory, in *Central Europe*, 2016, vol. 14, no. 2, pp. 141–156. DOI: <https://doi.org/10.1080/14790963.2017.1355514>.
- Otte T. *July Crisis: The World's Descent into War, Summer 1914*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 2014, 534 p.
- Zametica J. *Folly and Malice: The Habsburg Empire, the Balkans and the Start of World War One*. London, Shephard-Walwyn Publ., 2017, 794 p.

Information about the author:

Igor K. Bogomolov
PhD (History), Senior Research Fellow
Institute of Scientific Information for Social
Sciences of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-8381-0284
E-mail: bogomolov@inion.ru

Славяноведение, 2024, № 3, с. 124–126

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, No. 3, pp. 124–126

DOI: 10.31857/S0869544X24030104, EDN: WYUAYK

Рецензия / Review

Хованщина. Донесения шведских агентов, 1682–1683 гг. / подготовка текста, перевод, примечания и послесловие Г.М. Казакова и А.С. Лаврова. СПб.: Наука, 2022, 230 с.

© 2024 г. Ш. Трёбст

Институт глобальных и европейских исследований Лейпцигского университета
(Лейпциг, Германия)

troebst@uni-leipzig.de

Ссылка для цитирования: *Трёбст Ш.* Донесения шведских агентов о хованщине 1682–1683 гг. / подготовка текста, перевод, примечания и послесловие Г.М. Казакова и А.С. Лаврова. СПб.: Наука, 2022, 230 с. // *Славяноведение*. 2024. № 3. С. 124–126. DOI: 10.31857/S0869544X24030104, EDN: WYUAYK

Khovanshchina. Doneseniia shvedskikh agentov, 1682–1683 gg. Podgotovka teksta, perevod, primechaniia i posleslovie G.M. Kazakova i A.S. Lavrova. – St. Petersburg: Nauka, 2022, 230 p.

© 2024. Stefan Troebst

Global and European Studies Institute, Leipzig University
(Leipzig, Germany)

troebst@uni-leipzig.de

For citation: *Stefan Troebst.* Khovanshchina. Doneseniia Shvedskikh Agentov, 1682–1683 gg. Podgotovka teksta, perevod, primechaniia i posleslovie G.M. Kazakova i A.S. Lavrova. St. Petersburg: Nauka, 2022, 230 p. // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2024. No. 3. Pp. 124–126. DOI: 10.31857/S0869544X24030104, EDN: WYUAYK

«События трех дней в середине мая 1682 г. в Москве принадлежат к самым мрачным главам старомосковской истории», – написал в 1964 г. в биографии Петра I Райнхард Витрам (1902–1973). Речь идет о Хованщине – кровавом бунте московских стрельцких полков, в результате которого в последующие месяцы во главе стрельцкого приказа встал новый глава, князь Иван Андреевич Хованский. Царевна Софья, которая согласно утвердившейся в историографии точке зрения, сама мобилизовала стрельцов для укрепления собственной

власти, добилась, наконец, в октябре 1682 г. их умиротворения, включая казнь Хованского.

Подробные отчеты современников о востании, о Хованщине и о действиях правительницы Софьи содержатся в известных донесениях иностранных дипломатов в Москве: нидерландского резидента Иоганна ван Келлера, датского торгового агента Генриха Бутенанта и находившегося с осени 1682 г. в Москве датского посланника Хильдебранда фон Горна. Королевство Швеция не имело в то время в Москве ни дипломатического представителя, ни торгового агента, из чего нетрудно

предположить, что в Стокгольме располагали скудной информацией о насыщенном драматическими событиями 1682 г. в столице Российского государства. Однако это было не так, поскольку до 1680 г. в Москве действовал шведский фактор (торговый агент) Кристоф Кох, который в 1683 г. вернулся туда в качестве шведского посланника [Droste, Maier 2018], создал, находясь в шведской Нарве, внутрироссийскую сеть информантов в Москве, Новгороде и Пскове. Полученные донесения в копиях без указания авторства Кох регулярно отправлял – дополняя собственной информацией – в Стокгольм, секретарю Карла XI Иоганну Бергенльму и ответственному за московское направление дипломатии надворному советнику Йонасу Клингstedту.

Рецензируемое издание, подготовленное историками А. С. Лавровым [Lavrov 2009] и Г. М. Казаковым [Kazakov 2021], хорошо знакомыми с историей Стрелецкого бунта и Хованщины, состоит из пяти частей: 1) 43 донесения Коха (на немецком языке) и его корреспондентов с апреля 1682 г. по февраль 1683 г., включая переводы на русский язык (с. 3–99); 2) раздел комментариев объемом почти 50 страниц (с. 100–148); 3) два пояснительных очерка редакторов-составителей (Г. М. Казаков: «Хованщина и информационная сеть шведских агентов в России в 1682 г.», с. 151–170; А. С. Лавров: «Шведские донесения как источник по истории стрелецкого восстания 1682 г.», с. 171–204); 4) подробная тематическая библиография российских и иностранных работ и список источников (с. 205–214); 5) именные указатели на кириллице и латинице (с. 215–228).

Вступительный очерк Г. М. Казакова посвящен выяснению имен корреспондентов Коха в Москве, Новгороде и Пскове. Историк предположил, что в мае 1682 г. в Пскове находился шведский фактор Арман Арманов, однако в последующие месяцы года его имя в документах более не встречается. Одним из двух корреспондентов в Новгороде, по мнению редактора-составителя, был шведский фактор Нильс Хизинг, который работал там с 1678 г., а до этого как королевский стипендиат изучал русский язык в Упсале. Двумя московскими корреспондентами историк назвал вышеупомянутого голландского резидента Иоганна ван Келлера и шведского купца Томаса Книпера, который жил в Москве в 1682 г., еще до того, как в 1689 г. сменил на посту московского резидента Коха, возведенного тогда же в дворянство под именем фон Кохена. Приведенная в книге подробная таблица всех отчетов Коха показывает, что курьерская почта из Нарвы

в Стокгольм занимала не менее двух недель, а зимой иногда и более месяца, не считая, конечно, времени, затрачиваемого на доставку из Москвы, Новгорода и Пскова в Нарву, т. е. еще две-три недели.

А. С. Лавров поставил вопрос о характере стрелецкого бунта: был ли он результатом конфликта между враждующими боярскими группировками Милославских и Нарышкиных, подлинно народным восстанием или сочетанием того и другого, но однозначного ответа не дал. Что касается ценности донесений Коха, историк пришел к выводу, что шведский дипломат, опираясь на информаторов на местах, в отличие от доминирующей в историографии точки зрения, считал поводом для бунта стрельцов острый кризис в московских государственных финансах того времени, а главным организатором восстания боярина И. М. Милославского, а не правительницу Софью или стрелецкого вождя И. А. Хованского, который в июне 1682 г. даже представлялся Коху сторонником мирного разрешения конфликта. Лавров назвал ценными высказывания Коха о предполагаемых союзниках стрельцов – старообрядцах и холопах, а также мнение дипломата, согласно которому стрельцы осенью не капитулировали, а пошли на компромисс с правительством регентши.

Образцовое во всех отношениях издание донесений шведских агентов из Московского государства в драматичном 1682 г. убедительно подтверждает оценку, содержащуюся в авторской аннотации, что информация из шведских донесений помогает по-новому взглянуть на историю стрелецкой смуты, и характеристику уровня информированности шведского правительства как беспрецедентной разведывательной аналитики особенностей московского бунта 1682 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Droste H., Maier I.* Christoff Koch (1637–1711): Sweden's Man in Moscow // Travelling Chronicles: News and Newspapers from the Early Modern Period to the Eighteenth Century / ed. by S.G. Brandtzæg, P. Goring, Ch. Watson. Leiden: Brill, 2018, s. 119–139 (Library of the Written Word, 66).
- Kazakov G.* Die Moskauer Strelitzen-Revolt 1682. Diplomatische Spionage, Nachrichtenverkehr und Narrativentransfer zwischen Russland und Europa. Stuttgart: Steiner, 2021. 278. S. (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa. 91).
- Lavrov A.* La Hovanščina et la crise financière de la Russie moscovite. La notion de crise et l'histoire de la Moscovie // Cahiers du monde russe. 2009. T. 50. No. 2–3. S. 533–556.

REFERENCES

- Droste H., Maier I. Christoff Koch (1637–1711): Sweden's Man in Moscow. In: *Travelling Chronicles: News and Newspapers from the Early Modern Period to the Eighteenth Century*, ed. by S.G. Brandtzæg, P. Goring and Chr. Watson, Leiden, Brill Publ., 2018, pp. 119–139 (= Library of the Written Word, 66).
- Kazakov G. *Die Moskauer Strelitzen-Revolution 1682. Diplomatische Spionage, Nachrichtenverkehr und Narrativtransfer zwischen Russland und Europa*, Stuttgart, Steiner Publ., 2021, 278 p. (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa. 91).
- Lavrov A. La Hovanščina et la crise financière de la Russie moscovite. La notion de crise et l'histoire de la Moscovie. *Cahiers du monde russe*, 2009, 50, 2–3, pp. 533–556.

Информация об авторе:**Трёбст Штефан**

доктор наук (история), профессор
 Институт глобальных и европейских
 исследований Лейпцигского университета
 г. Лейпциг, Германия
 ORCID: 0000-0001-5190-3208
 E-mail: troebst@uni-leipzig.de

Information about the author:**Stefan Troebst**

DSc. (History), Professor
 Global and European Studies Institute,
 Leipzig University
 Leipzig, Germany
 ORCID: 0000-0001-5190-3208
 E-mail: troebst@uni-leipzig.de

Границы, регионы, идентичности в Центральной и Юго-Восточной Европе

2024 г. Е.Б. Лопатина

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

ellolebo@gmail.com

Ссылка для цитирования: Лопатина Е. Б. Границы, регионы, идентичности в Центральной и Юго-Восточной Европе // *Славяноведение*. 2024. № 3. С. 127–135. DOI: 10.31857/S0869544X24030115, EDN: WYKUKJ

Borders, Regions, and Identities in Central and South-Eastern Europe

2024 Elena B. Lopatina

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

ellolebo@gmail.com

For citation: *Elena B. Lopatina*. Borders, Regions, and Identities in Central and South-Eastern Europe // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*, 2024. No. 3. P. 127–135. DOI: 10.31857/S0869544X24030115, EDN: WYKUKJ

24–25 января 2023 г. в Институте славяноведения РАН состоялась конференция «Границы, регионы, идентичности в Центральной и Юго-Восточной Европе»¹, расширившая проблематику границ и пространств, которая была предметом анализа на круглом столе 2022 г. «Границы и пространства в истории Восточной Европы: от фиксированных до фантомных (вторая половина 1940-х – 1970-е годы)»². Изменение границ после военных конфликтов XX в. создало новые условия как для развития отношений между странами Центральной и Юго-Восточной Европы, так и для жизни населения пограничных территорий. Не только геополитика и межгосударственные отношения, но и местные, региональные факторы влияли на жизнь локальных сообществ, различных по этническим, конфессиональным и социальным признакам. На конференции, имевшей междисциплинарный характер, были освещены противоречия во внешней политике стран Центральной и Юго-Восточной Европы и межгосударственные споры о границах, специфические черты приграничных регионов и городов пограничья, особенности электорального поведения, отражающие феномен

¹ Программа конференции доступна на сайте Института славяноведения. URL: <https://inslav.ru/conference/24-25-yanvarya-2023-g-granicy-regiony-identichnosti-v-centralnoy-i-yugo-vostochnoy-evrope> (дата обращения: 30.01.2024).

² Программа круглого стола доступна на сайте Института славяноведения. URL <https://inslav.ru/conference/25-yanvarya-2022-g-granicy-i-prostranstva-v-istorii-vostochnoy-evropy-ot-fiksirovannyh-do> (дата обращения: 30.01.2024).

«фантомных границ», а также были затронуты вопросы идентичности сообществ пограничья и повседневной жизни населения при смене власти, обусловленной изменением границ.

Открывала конференцию секция «Границы, территории, пространства: постановка проблемы, терминология и классификация», где была структурирована проблематика исследований о границах. М. В. Дмитриев проанализировал динамику модификаций западных границ «польского мира» в истории Центральной Европы в XIII–XIX вв³, а А. А. Улуян предложил обратить внимание на основные концепты пространственно-политического облика Балкан в конце XX – начале XXI в.⁴

Во второй секции «Мерцание границ: пограничные споры и противоречия во внешней политике стран Центральной и Юго-Восточной Европы» первым выступил А. П. Сальков с докладом о словацко-венгерских территориальных противоречиях в марте – сентябре 1939 г.⁵ Тему приграничных споров продолжила Т. А. Покивайлова, которая рассмотрела изменения западных границ Румынии по итогам Венских арбитражей 1940 г. Она отметила, что в течение двух десятилетий межвоенного периода в Венгрии нарастали ревизионистские, реваншистские тенденции, стремление пересмотреть условия Трианонского мирного договора и возвратиться к прежним границам, что сближало ее с гитлеровской Германией. На отошедших к Венгрии по Венскому арбитражу землях начались массовые гонения на румын. Румынская газета «*Universul*» писала 10 октября 1940 г. о том, что в Северной Трансильвании было убито 300 румын, конфисковано имущества у румынских граждан на два миллиарда лей, 50 тысяч крестьян было согнано с земли, две тысячи чиновников остались без работы. Недовольство Венским арбитражем и потерей части Трансильвании охватило всю страну. Массовые демонстрации прошли в Бухаресте, Брашове, Клуже с лозунгами против Венского арбитража и против короля Кароля II и румынского правительства, принявших условия Венского арбитража. Демонстранты выступали также против политики Германии и Италии, под диктовку которых был проведен Второй венский арбитраж, и Румыния лишилась части Трансильвании. На волне этого недовольства генерал Ион Антонеску организовал государственный переворот. Кароль II был свергнут, и на престол вошел его сын, наследный принц Михай I.

Докладчица подчеркнула, что в результате Второго Венского арбитража в выигрыше осталась гитлеровская Германия, прочно привязавшая к себе как Венгрию, так и Румынию, поочередно обещая решить вопрос в отношении Трансильвании в пользу каждой из сторон, втянув их в войну против Советского Союза.

Выступление А. Ф. Носковой было посвящено польской тематике, а именно проблеме польских границ и власти на переговорах в Москве в августе и октябре 1944 г. После учреждения в Москве в июле 1944 г. ПКНО сформировались условия для переговоров о послевоенных границах Польши и о составе нового польского правительства. 3 августа Сталин принимал польского премьера Миколайчика, для которого приоритетом было восстановление довоенной границы с СССР. Для Сталина проблемой была не граница уже «за плечами» Красной Армии, а факт существования польского двоевластия. Он видел выход в объединении «люблинцев» (членов люблинского ПКНО) и «лондонцев» (членов польского правительства в Лондоне) и 5 августа убеждал в этом ведущих деятелей ПКНО. 6–7 августа состоялась встреча «поляков из Лондона с поляками из Люблина». Спорили по линии прохождения границы с СССР, но особенно обстоятельно и эмоционально о составе объединенного правительства, т. е. о характере новой власти. Никто не хотел уступать свое в нем «большинство».

Поскольку не было получено согласия Миколайчика на границу по линии Керзона, участники переговоров не могли считать итоги переговоров окончательными. Кроме того, поляки не договорились о создании объединенного правительства. Неизбежен был второй раунд переговоров, который завершился 18 декабря 1944 г. беседой Сталина и Миколайчика. Польский премьер, ведя переговоры в Москве и фактически признавая линию Керзона, получил второй реальный шанс начать при поддержке западных союзников восстановление отношений с СССР на условиях социально-политического компромисса левых и либерально-демократических сил в стране и эмиграции. Однако, ничего не добившись в Лондоне, Миколайчик и его кабинет были приговорены к отставке правыми силами.

Подытоживая свое выступление, А. Ф. Носкова отметила, что весной 1945 г. в условиях существования союза Польши с СССР и Временного правительства в стране Миколайчик правильно распорядился третьим шансом. Признав линию Керзона, он два года был вице-премьером Временного Правительства Национального Единства Народной Польши, но после поражения на выборах бежал в Лондон, где оказался «третьим лишним» в польской политической эмиграции.

³ Славяноведение. 2024. № 2. С. 34–54.

⁴ Славяноведение. 2024. № 3.

⁵ Славяноведение. 2024. № 1. С. 54–69.

Вторую секцию «Миграции и мигранты при смене границ и смене власти» открыла И.Н. Шульц докладом, посвященным проблеме идентичности русской эмиграции в послевоенной Чехословакии. Как заметила докладчица, в современном чешском общественном дискурсе укреплен тезис о прекращении деятельности русской эмиграции как единого социального организма с приходом в Чехословакию Красной армии в 1945 г. и связанной с ней депортацией русских эмигрантов в СССР. Не опровергая документальные факты ареста и депортации нескольких сотен русских эмигрантов, но изучив ряд не введенных ранее в научный оборот документов, докладчица утверждала, что русская эмиграция в Чехословакии в первое послевоенное десятилетие не исчезла, а после периода протектората самовоспроизвелась в советской рамке, а именно — в форме Клуба советских граждан в Праге, Брно и ряде других городов словацкой части страны. Не только на волне восхищения победой СССР во Второй мировой войне, но и по иным, часто практическим причинам, русские эмигранты, оставшиеся в Чехословакии, массово принимали советское гражданство. Внутри сообщества выделилась группа людей, нацеленных на отъезд в СССР, тем более такая агитация проводилась Посольством СССР в Чехословакии. Однако докладчица не склонна считать, что решение о реэмиграции люди принимали, только лишь поддавшись пропаганде. Прожив на чужбине четверть века, многие так и не смогли смириться с утратой «потерянного рая» и постоянной необходимостью переопределять себя в условиях иной социокультурной среды. Процесс отъезда происходил постепенно. Первым эшеломом, вместе с перемещенными лицами, которых часто насильственно возвращали в СССР, на родину вернулся последний секретарь Льва Толстого Валентин Булгаков, который оказался в эмиграции, будучи гражданином СССР. Наиболее известным стал состав, отправившийся с реэмигрантами из Праги в Узбекистан в 1955 г. К сожалению, установить, сколько эмигрантов вернулось на родину в первые послевоенные годы, не представляется возможным, так как отдельная статистика по эмигрантам не велась. Деятельность Клуба советских граждан прекратилась в начале 1960-х годов.

И.Н. Шульц пришла к выводу, что эмигранты, оставшиеся в Чехословакии, постепенно утрачивали свою «русскость» под влиянием иной социокультурной среды, поскольку, во-первых, их идентичность была слабее, чем у уехавших, а во-вторых, не все из них хотели подтверждать свою новоприобретенную «советскую идентичность».

Продолжила работу секции А.С. Лубоцкая, которая проанализировала особенности формирования идентичности малоазийских греков после катастрофы 1922 г. Малоазийская катастрофа стала величайшим бедствием в истории молодого греческого государства: ушла в небытие «Великая идея» возвращения исторических территорий, была перечеркнута многовековая история эллинизма Малой Азии, были уничтожены тысячи мирных жителей, а более миллиона малоазийских греков лишились своих корней.

В 1923 г. на Лозаннской мирной конференции был узаконен принудительный обмен населением между двумя странами: греческую землю покидало порядка 380 тысяч мусульман, турецкую — почти 1 100 000 православных греков. Насильственного выселения из своих домов смогли избежать лишь греки Константинополя и мусульмане, проживающие в Западной Фракии. Вопрос о поселении малоазийцев так и не был решен вплоть до конца Второй мировой войны. Не все переселенцы владели греческим языком, многие из них были туркофоны, что, учитывая огромную численность новоприбывших, вызывало негативные, порой даже агрессивные чувства среди местных жителей. Как данность малоазийская Родина все чаще становилась для беженцев утраченным Раем. Ощущение инновости беженцев, их непохожесть на остальных порождала особые отличительные черты в жизни и деталях быта малоазийцев. В политическом плане новоприбывшие все чаще придерживались левых или либеральных взглядов. Что касается социума, несмотря на интеграцию второго поколения беженцев в греческое общество, переселенцы старались держаться своего круга, своих территориально-исторических корней.

После двух войн — Второй мировой и гражданской — разделение греческого общества на «своих» и «чужих» стало постепенно исчезать. Начался процесс культурной интеграции малоазийцев в греческую семью. За это отвечало в том числе и греческое кино. В 1960–1970-х годах было снято несколько знаковых работ, посвященных беженцам. Основная идея фильмов — потерянный рай, но сквозной смысл картин был намного шире. Это и задача встраивания переселенцев в греческое общество, в общую историю (малоазийцы — такие же потомки древних греков, продолжатели традиций эллинизма), и все та же проблема сохранения памяти.

Подводя итоги, А.С. Лубоцкая подчеркнула, что, с одной стороны, малоазийцы влились в греческую семью, обогатив ее новыми культурными кодами и традициями, с другой — они сохранили память о своих корнях, утерянной Родине и надежду на возвращение. Бывшие беженцы продолжают поддерживать свою историческую общность, бережно собирая и охраняя воспоминания предков.

Завершил работу секции доклад Т.В. Волокитиной о феномене двойной лояльности болгарской диаспоры в румынской Добрудже в контексте взаимных притязаний двух соседних государств на спорную территорию. Болгары Южной Добруджи представляли собой в основном аграрное население. От других региональных сообществ их отличали православное вероисповедание, разговорные болгарские диалекты, традиционная культура и менталитет. Добруджанских болгар характеризовала четко выраженная этнонациональная идентичность. Проживая в родственном государстве с 1913 г., они составляли многочисленное и компактное пограничное меньшинство с определенным ирредентистским потенциалом. В Бухаресте, озабоченном, в первую очередь, бессарабским вопросом и отношениями в связи с ним с Советской Россией, опасались симбиоза болгарского ирредентизма и идеологических установок Коминтерна. И это обстоятельство определило политику Бухареста в Добрудже. Она характеризовалась двойственностью: вытеснением компактного болгарского элемента и румынизацией края, с одной стороны, и намерением интегрировать болгар в румынскую жизнь, что проявлялось в демонстрации толерантного к ним отношения.

Зримое инкорпорирование части местной болгарской элиты в Великую Румынию выразилось в проявлении двойной лояльности. В докладе представлена история подготовки и появления добруджанского «махзара» 1940 г., прорумынской декларации, цель которой – поддержать дипломатические усилия Бухареста по сохранению всей территории Добруджи в границах Румынии, и получившей в болгарских политических кругах остро негативные оценки.

Т.В. Волокитина пришла к выводу, что Добруджанский «махзар» являет собой частный случай феномена двойной лояльности. Однако он интересен еще и тем, что коррелирует в наши дни с контекстом транснационализма, выходящего за национальные и государственные границы. Способствуя политическому, экономическому и культурному развитию и укреплению тесных связей, транснационализм одновременно разрушает функции и роль государств и их идентичность. Проблема выбора единственной лояльности актуализируется в наши дни, в том числе и в связи с нарастанием волн мигрантов и их поведением в странах проживания. Особенно обостряется она в условиях конфликта между родным государством и государством проживания, фактически лишая мигрантов альтернативы.

Завершающую секцию в первый день работы конференции – «Пограничные регионы: внешнее и внутреннее развитие в контексте войн и международных конфликтов» – открывал А.С. Стыкалин докладом, посвященным судьбе карпатской исторической провинции Марамуреш в контексте истории XX в. В сообщении А.С. Стыкалина речь шла о том, как остродраматические перипетии, пережитые Карпатским регионом в XX в., сказались на судьбе края Марамуреш, находившегося на перепутье разных культурных и политических влияний и исторически занимавшего пограничное положение. Венгерский комитат Марамарош, расположенный на крайнем северо-востоке земель «святого Иштвана» (и соответственно венгерской половины дуалистической Австро-Венгрии), после Трианонского договора 1920 г., зафиксировавшего распад исторической Венгрии, трансформировался в пограничный (с образованвшейся на карте Европы Чехословакией) северо-западный румынский уезд по сути с тем же, только румынизированным названием – Марамуреш.

Этот удивительно живописный гористый край непосредственно граничит сегодня с Закарпатской Украиной, территория которой принадлежала до 1918 г. другим северо-восточным венгерским комитатам и дает сходные образцы народной материальной культуры, деревянной архитектуры. Еще в конце XIX в. его облюбовали художники (надбанская школа – одно из самых заметных течений венгерской живописи). Ее основатель Ш. Холлоши стал профессором мюнхенской художественной академии, у которого учились и русские художники М.В. Добужинский, В.А. Фаворский. В сообщении отмечена роль Мармароша (как называется этот край по-украински) в формировании национального движения закарпатских русин (печально известные Мармарош-Сигетские судебные процессы против его активистов в канун Первой мировой войны), затронуты последствия Холокоста 1944 г. для этнического состава населения и культурного облика этой провинции (родины лауреата Нобелевской премии мира Э. Визеля, посвятившего жизнь раскрытию правды о Холокосте). В 1950-е годы пограничное расположение края сделало сигетскую тюрьму (основанную еще при Габсбургах) оптимальным местом для содержания наиболее потенциально опасных оппонентов коммунистического режима – ведь в случае волнений в Румынии они быстро могли быть переправлены на территорию СССР. Камера, в которой в 1953 г. скончался крупный политик Ю. Маниу, превращена сегодня в музейный зал.

Пограничность региона проявлялась не только в поликультурности и поликонфессиональности, но и в особом стратегическом значении при выстраивании отношений соседних дружественных стран (например, Чехословакии и Румынии между войнами), и в том, что при определенных условиях он мог стать объектом территориальных притязаний соседей, как это произошло в 1945 г., когда

руководство Советской Украины предприняло попытку присоединить румынский уезд Марамуреш к перешедшей под юрисдикцию СССР Закарпатской Украине (после 1918 г. входившей в состав Чехословакии) [Стыкалин 2014]. Хотя Сталин не дал на это добро, опасаясь подрыва позиций коммунистов в Румынии, в течение еще нескольких лет Москва вела торг с Бухарестом: за отказ от претензий на г. Сигет и участок железной дороги пытались выторговать некоторые острова в устье Дуная. Следы венгерской и еврейской культур напоминают сейчас лишь о прошлом Марамуреша, этот карпатский край является сегодня местом бесконфликтного сосуществования двух языков и культур – румынской и украинского национального меньшинства.

Н.Н. Пристула продолжила тему пограничья, обратившись к истории Карловарского края в 1945–1989 гг. В докладе было подчеркнуто, что окончание Второй мировой войны кардинальным образом изменило мир карловарцев. Край не обошли стороной социальные потрясения, вызванные сначала насильственным выселением его немецкого населения, а затем строительством социализма в стране. И в том и в другом случае это привело к серьезным социально-экономическим и культурным последствиям. В первые послевоенные годы, прежде всего, реализация положений Кошицкой программы и декретов Бенеша подорвали устоявшийся образ жизни карловарцев. Депортация немцев незамедлительно сказалась и на плотности населения некоторых районов края вплоть до их запустения и одичания. Начавшаяся ускоренная модернизация по советскому образцу продолжила трансформацию социальной структуры Карловарского края (исчезновение одних групп и возникновение других). Население было вынуждено адаптироваться к новым условиям жизни и хозяйствования. После установления власти коммунистов поворотными моментами для них чаще всего становились пятилетние планы развития экономики Чехословакии и их корректировка под влиянием протестных выступлений (как это было, к примеру, в 1950-е годы), а также разработка и последующий отказ от реформ, направленных на либерализацию и демократизацию государства в конце 1960-х – начале 1970-х годов.

Завершала работу секция А.А. Козлова обобщающим докладом по истории появления и содержанию понятия «Западные Балканы». Докладчица уточнила, что термин «Западные Балканы» используется для обозначения государств, расположенных в западной части Балканского полуострова и не являющихся членами ЕС: Албании, Боснии и Герцеговины, Северной Македонии, Сербии, Черногории, а также территории Косово. До вступления в Европейский союз в 2013 г. Хорватия также включалась в рассматриваемую группу. Данное понятие впервые начало применяться в ЕС в конце 1990-х годов и стало итогом процесса поиска Брюсселем подходящих форматов взаимодействия с государствами, возникавшими в процессе распада СФРЮ. В начале XXI в. термин «Западные Балканы» постепенно вытеснял в документах Евросоюза чуть более ранние определения, появившиеся около 1996 г., такие как «Юго-Восточная Европа-5», «страны, вовлеченные в региональный подход», «страны в Юго-Восточной Европе без Соглашения об ассоциации» и так далее. Данный процесс завершился в 2007 г. с присоединением Болгарии и Румынии к Европейскому союзу.

Понятие «Западные Балканы» на момент появления объединяло страны по двум основаниям: 1) статусу относительно ЕС; 2) их в той или иной степени вовлеченности в процесс распада Югославии. Эту структуру нельзя назвать устойчивой, так как ее границы менялись в ходе продолжающейся на данный момент евроинтеграции рассматриваемой территории, которая делает возможным и дальнейшее сужение границ указанного понятия. Важным представляется тот факт, что объединение частей Западных Балкан в одну категорию происходило не изнутри ввиду объективных процессов сближения входящих в нее субъектов или их самоидентификации в рамках единого географического пространства, а извне.

В заключение был поднят вопрос о том, как можно классифицировать рассматриваемое понятие с опорой на теоретические концепции отечественных авторов [Воскресенский 2012; Регионы и регионализм 2001]. С одной стороны, Западные Балканы слишком малы, чтобы подпадать под категорию международно-политического региона, и скорее могут быть классифицированы как субрегион. С другой стороны, ввиду своей неустойчивости во времени и пространстве, внешнего происхождения, исключения Хорватии, но сохранения ее влияния на процессы на территории бывшей Югославии, можно классифицировать «Западные Балканы» как политическое понятие, а не субрегион.

Второй день работы конференции открыла секция «Пограничный город: история и память», где была рассмотрена проблематика двух городов пограничья – Триеста и Вильнюса.

Первой докладчицей была Н.С. Пилько, которая проанализировала символический смысл Триеста в контексте национальной борьбы словенцев. Докладчица уточнила факты из истории словенцев в Триесте. Первые попытки объединить словенцев Триеста предпринял один из виднейших словенских деятелей того времени Янез Калистер (1806–1864), направлявший значительные личные средства на развитие общественной и культурной жизни. Однако катализатором для развития

словенского национального самосознания явился революционный 1848 г., когда словенцы заговорили об объединении всех словенских земель, входивших в состав Австрии, в одну административную единицу.

В годы Первой мировой войны словенское население Триеста и близлежащих территорий опасалось захвата этих земель итальянцами, что в итоге и произошло. После заключения перемирия 3 ноября 1918 г. в Падуе между Австро-Венгрией и Италией итальянская армия получила право от имени Антанты занять все территории до линии, определенной Лондонским договором. В ноябре 1918 г. в специальном обращении на словенском языке от имени итальянского государства словенцам было обещано уважительное отношение к национальным традициям и культуре, которое будет подкреплено созданием большого количества школ, чем во времена Австро-Венгрии. 3 августа 1919 г. все словенские партии на съезде в Триесте объединились в Политическое общество «*Edinost*» со штаб-квартирой в Триесте. Возглавил общество Йосип Вильфан. Общество позиционировало себя как организацию, отстаивающую интересы словенского и хорватского меньшинства в Италии. В качестве политической цели провозглашалась автономия Юлийской Краины. После аннексии, которая была ратифицирована в январе 1921 г., итальянское законодательство в полном объеме распространилось на Юлийскую Краину, в первую очередь это касалось избирательного права [Kacin Wohinz 2005, 520]. 17 октября 1922 г. Юлийская Краина в качестве единой области стала составной частью Королевства Италия. Королевским решением от 18 января 1923 г. она была разделена на области таким образом, что словенцы нигде не составили большинства.

Н.С. Пилько отметила, что словенцы и по сей день считают несправедливым передачу Триеста Италии. Мэр Любляны Иван Тавчар (1851–1921) сказал, что «Любляна – это сердце Словении, а Триест – ее легкие», и многие словенцы продолжают придергиваться этого мнения.

Во втором докладе, сделанном М.С. Павловой, были рассмотрены описания Вильнюса как приграничного города на примере польской и литовской традиций. В межвоенное двадцатилетие спор о принадлежности Вильно (Вильнюса) и прилегающих к городу территорий, на которые претендовали Польша и Литва, стал главной составляющей конфликта двух государств. Из военно-политического противостояния с Польшей в 1919–1920-х годах за независимость и собственную национально-культурную идентичность Литва вышла победителем, но потеряла свою столицу. Вильнюс из политического и культурного центра литовского государства превратился в провинциальный городок Второй Речи Посполитой, город, через который проходила непризнанная государственная граница, и одновременно – в один из главных субъектов национальных культур Польши и Литвы.

Основателем традиции описания Вильнюса как пограничного города считается его уроженец Ч. Милош («Родная Европа»), а одной из последних работ по представлению Вильнюса как вообразяемого города с «мерцающей» государственной и культурной принадлежностью – монография литовско-канадского историка культуры Л. Бриедиса «Вильнюс. Город странников» [Бриедис 2021].

В докладе отмечается, что Л. Бриедис, продолжая традицию Ч. Милоша и отчасти Л. Даррела, приходит к выводу, что Вильнюс – это город, существующий более в пространстве памяти и воспоминаний, нежели реальности. Одновременно в работе Л. Бриедиса сложно не заметить влияния метода Л. Вульфа, который первым стал применять к Восточной Европе концепцию ориентализма Э. Саида, предполагающую, что «Восток» или «Ориент» был сконструирован Западом для собственной идентификации как «конституирующей другой» и одновременно для подчинения себе Востока. Бриедис, исследуя образ Вильнюса через воспоминания путешественников, открывает многие ориенталистские клише в отношении Вильнюса. Однако в то же время приведенные тексты свидетельствуют, что в пограничном городе сочетаются «несколько Европ», а колониальный подход к исследованию пограничного города Восточной Европы не всегда применим.

В следующей секции «Пограничные нарративы: идентичность и репрезентация» выступила Н.М. Куренная с докладом о национальной идентичности в зеркале современной белорусской литературы. Границы белорусских земель, их государственная принадлежность на протяжении столетий неоднократно менялись, что закономерно отразилось на формировании национальной идентичности народа, населявшего белорусский край. Резкие повороты, происходившие в общественно-политической жизни Белоруссии в течение последних 30 лет, нашли свое отражение в динамично меняющейся белорусской картине мира. Эти трансформации с неизбежностью сказались на художественном, идеологическом и структурном развитии национальной культуры, в первую очередь – литературы. Наблюдающаяся поляризация мнений по поводу развития и функционирования родного языка (мовы), а также сосуществования в обществе двух языков – русского и белорусского, наиболее значимых маркеров национальной культуры, отразились и на определенном тематическом и стилевом многообразии белорусской словесности.

Предшествующие поколения белорусских литераторов в своем творчестве также немало внимания уделяли проблемам белорусской идентичности и распространению родного языка как защищающего и объединяющего фактора. С течением времени интерпретация этих непреходящих животрепещущих тем приобрела новые черты и смыслы, а писатели, глубоко погруженные в современный, социально-политический и культурный контекст, все более активно формировали собственные варианты собирательного образа белоруса, расширяя для этого арсенал новых художественных средств и приемов, учитывая общественные запросы и проблемы.

Анализ самых разнообразных писательских версий образа белоруса показал не только их фундаментальную национально-мифологическую основу, но и выявил важную роль долгого пребывания белорусов в составе больших политических агломератов – Великого Княжества Литовского, Речи Посполитой, Российской империи и СССР в становлении их национальной идентичности. Очевидно, что и инациональная среда в той или иной степени не могла не влиять на трансформацию поведенческих тактик и характерных психологических черт белорусского народа.

Подытоживая свое выступление, Н.М. Куренная отметила, что в творчестве современных белорусских писателей можно выделить несколько наиболее «горячих» тем, таких как бытование и пространство в современных условиях родного белорусского языка, исследование основных специфических стереотипов и символов национальной картины мира, отношения с соседними народами. Все эти мотивы и темы, по существу, призваны на литературном уровне отразить современный этап процесса белорусской идентификации. Представляется, что коллективно созданный многоголосьем авторских поэтик, мотивов и стилей, портрет собирательного белоруса, несомненно, будет более точным, более приближенным к его подлинному образу.

Работу секции завершил доклад Е.В. Байдаловой о концепте «граница» в творчестве Сергея Жадана. Сергей Викторович Жадан (род. 1974) – выдающийся украинский поэт и прозаик, эссеист, драматург, переводчик. Будучи уроженцем Востока Украины, с самого начала творческого пути писатель выбрал языком своего творчества украинский язык, демонстрируя в том числе сложность и неоднозначность общественно-политических и нациообразующих процессов, протекающих на приграничных территориях Востока Украины.

Начиная с ранних поэтических сборников, в поэзии Сергея Жадана появляется один из наиболее важных для всего дальнейшего творчества (поэзии, романов, эссеистики, драматургии) писателя художественный концепт границы/межи/кордона/порога. Он тесно связан с мотивом путешествия, дороги, вечного движения, ведущего в том числе из города и в город, на границу и от границы. Отчасти поэтому в раннем и дальнейшем творчестве писателя так много разных городов, которые играют важную роль в формировании личности человека, его самосознания и идентичности. Данный концепт представлен главным образом такими языковыми единицами, как «кордон» и «межа», а также смежными с ними «поріг», «ворота», «двері», может включать в себя лексему «остров» как ограниченное пространство и «вокзал» как метафорические ворота, место границы для выхода в другое пространство.

В прозе и поэзии 2010-х годов концепт границы становится более глубоко и фундаментально связан с геополитическими, историческими, этнопсихологическими реалиями, находящимися вне литературного произведения, что характерно в целом для творчества Жадана, совмещающего остро социальные, злободневные вопросы современной действительности и мифологизм. Основные границы в поэзии и прозе Жадана – не территориальны. Они проходят между жизнью и смертью, свободой и зависимостью, земным и небесным, телесным и духовным, видимым и невидимыми, центральным и маргинальным и т.д. Герои его произведений практически всегда находятся на онтологической границе.

Последнюю секцию «Границы европейской интеграции и электоральное поведение в странах ЕС» открывал доклад А.К. Александровой о европейской интеграции Греции. Греция – первая страна на Балканах, которая присоединилась к европейскому интеграционному проекту: уже в 1981 г., т.е. более 40 лет назад, страна вступила в Европейское экономическое сообщество. Это предопределило впоследствии роль Греции как государства, работающего над расширением границ ЕС в регионе. Вместе с тем Греция неизбежно сталкивалась как с внутренними проблемами, так и с внешними вызовами, влияющими на процесс ее собственной интеграции в Евросоюз и трансформации ее европейской идентичности. Членство в Экономическом и валютном союзе ЕС, с одной стороны, открыло для Греции, по словам занимавшего тогда пост премьер-министра Костаса Симитиса, новую эру безопасности и стабильности, развития и процветания, а с другой – стало одной из главных предпосылок глубокого кризиса суверенного долга, возникшего менее чем десятилетие спустя, под тенью которого в Греции прошли почти все 2010-е годы и который до сих пор негативно влияет на развитие греческой экономики. Долговой кризис стал катализатором распространения в Греции,

путь и умеренных, евроскептических настроений: многие греки разочаровались в европейской перспективе страны и призывали к выходу из состава еврозоны и даже ЕС.

Одновременно с начала XXI в. шел активный процесс включения других балканских государств в Европейский союз, и это обусловило изменение имиджа Греции на международной арене: ранее она являлась «балканским государством в ЕС», а теперь считалась «европейским государством на Балканах». Расширение границ ЕС и углубление европейской интеграции на Балканах (не всегда и не везде успешное) в течение первых двух десятилетий XXI в. является важнейшим фактором текущего и будущего развития региона, и Греция играла и играет далеко не последнюю — однако не всегда однозначную — роль в этом процессе.

А.К. Александрова резюмировала, что границы европейской интеграции Греции в XXI в. имеют по меньшей мере два измерения — внутреннее, определяющее место самой Греции внутри ЕС, и внешнее, показывающее роль Греции как европейского государства на Балканах.

Тема европейской интеграции была затронута А.Р. Лагно, которая проанализировала базовые личные ценности и политические установки как мотивы поддержки поляками Европейского Союза. Несмотря на антиевропейскую риторику польских лидеров (достаточно вспомнить фразу президента А. Дуды, которую он сказал в пылу предвыборной гонки 2020 г.: «ЕС — это какое-то воображаемое сообщество»), 72% поляков позитивно оценивает факт членства в ЕС. Связь между поддержкой или не поддержкой ЕС искали в политических предпочтениях избирателей, приверженности их левой или правой идеологии. Ряд исследователей полагает, что теория израильского ученого Ш. Шварца [Schwartz 2012, 663–664] наилучшим образом подходит для объяснения отношения индивидуума к ЕС. Шварц с коллегами разработали Портретный ценностный опросник. Респондентам предложили оценить каждый из 21 ценностных портрета по шестибальной шкале: от «очень похож на меня» до «совсем не похож». Этот ценностный портрет включен в *European Social Survey*, который проводится с 2002 г., данные находятся в открытом доступе.

В одном из последних исследований, проведенных группой ученых из разных европейских стран, предполагается, что различия в поддержке ЕС объясняются не политическими, а психологическими предрасположенностями, такими как личные ценности человека. Они попытались предсказать результаты голосования в гипотетических референдумах о членстве в ЕС в 13 странах, в том числе в Польше. Ученые пришли к выводам, во-первых, Кипр и Ирландия выбиваются из общей картины. Респонденты разделяют ценности универсализма, но при этом голосуют против членства в ЕС. Возможно, из-за партийной системы, которая исторически включает сильные левоцентристские проевропейские партии, хотя имеются и левые евроскептические партии. Угроза территориальной целостности приводит к эффекту, когда индивиды более разделяют ценности сохранения и хотя бы при этом остаются членами ЕС. Во-вторых, нет разделения между Востоком и Западом Европы: Болгария и Польша хорошо вписываются в теоретические рамки этого исследования и подтверждают другие работы о сближении государств Центральной и Восточной Европы с «западными» ценностями. А.Р. Лагно подытожила, что ценности являются косвенными движущими силами, стоящими за одобрением европейцами, в том числе поляками, ЕС.

Е.Б. Лопатина продолжила польскую тематику, рассмотрев региональные особенности электорального поведения в Польше в XXI в. Она отметила, что обширная литература по фантомным границам и культурным рубежам не случайно посвящена Польше, чья современная территория сформировалась в результате разделов конца XVIII в. и сдвига границ по итогам Первой и Второй мировых войн. Внутренние границы Польши до сих пор прослеживаются и в характере хозяйств, и в уровне благосостояния населения, и в нормах организации политической жизни. Они же заметны на картах распределения голосов на выборах. Польские ученые, в том числе Т. Зарыцкий [Zarycki 2015, 108–109], выделяют региональные кластеры голосования и их влияние на результаты выборов в Польше. Исследователями предложено немало моделей, объясняющих устойчивость этих различий и базирующихся на двух основных подходах — структурном и нормативном. Странники структурного подхода утверждают, что исторически сформированные социальные структуры определяют реальные практики и их идеологическое обеспечение. Например, отставание восточных («российских») воеводств связано с исторически сложившейся слабостью инфраструктуры, а опережающие темпы экономического роста западных — с близостью к европейским рынкам. Нормативный же подход ориентирован на нормы и ценности, доминирующие в разных частях страны, унаследованные от политических традиций держав, которым польские земли принадлежали в XIX в., и сложившиеся в результате перемещений населения после Второй мировой войны. В итоге «фантомные границы» разделяют зоны с разными типами политической культуры, которые проявляются в географии голосования на общенациональных и местных выборах.

Е.Б. Лопатина пришла к выводу, что исторические границы Польши все еще оказывают влияние на электоральное поведение ее жителей. На избирательной карте Польши можно выделить районы,

которые входили в состав России, Австрии и Пруссии во времена разделов, а также области, включенные в состав Польши после Второй мировой войны. Несмотря на то что политические границы не разделяют эти земли уже несколько десятков или даже несколько сотен лет, ментальные границы оказываются стойкими и остаются видимыми, в том числе на картах, отражающих географию распределения голосов на общенациональных выборах, независимо от того, какие основные политико-идеологические системы сталкиваются во время голосования – левые против правых, проевропейские против антиевропейских, консервативные против либеральных.

Подводя итоги конференции, А. Р. Лагно указала, что заслушанные доклады подтвердили научную значимость и актуальность проблематики пограничья в исследованиях по Центральной и Юго-Восточной Европе. Выступавшие затронули широкий круг вопросов – от обобщения теорий о «фантомных» и «мерцающих» границ до практических сюжетов по истории регионов Центральной и Юго-Восточной Европы, которые пролили свет на специфику территориальной и политической идентификации населения этих регионов. Изучение указанных проблем продолжается, тематика границ и территорий остается в актуальной повестке дня научно-исследовательской работы Института.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Briedis L. Вильнюс. Город странников. М.: ИД ВШЭ, 2021. 336 с.
Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. М.: 2012. № 2. С. 30–58.
Регионы и регионализм в странах Запада и России / отв. ред. Р.Ф. Иванов. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2001. 260 с.
Стыкалин А.С. Почему не реализовались новые планы по расширению Советской Украины за счет Румынии в 1945 г. // Славянский мир в третьем тысячелетии. Человек, общество, народ в истории, языке и культуре. М.: ИСЛ РАН. 2014. С. 202–214.
Kacin Wohinz M. Slovenci v Italiji // Slovenska novejša zgodovina. 1848–1992. Ljubljana, Mladinska knjiga, 2005. S. 515–540.
Schwartz S.H. et al. Refining the theory of basic individual values // Journal of Personality and Social Psychology. APA, 2012. P. 663–688.
Zarycki T. The electoral geography of Poland: between stable spatial structures and their changing interpretations // Erdkunde. Bonn, University of Bonn, 2015. Vol. 69. № . 2. P. 107–124.

REFERENCES

- Briedis L. *Vil'nyus. Gorod strannikov*. Moscow, ID VSHE Publ., 2021, 336 p. (In Russ.)
Voskresenskij A.D. Konceptii regionalizacii, regional'nyh podsystem, regional'nyh kompleksov i regional'nyh transformacij v sovremennyh mezhdunarodnyh otnosheniyah. *Sravnitel'naya politika*. Moscow, 2012, no. 2, pp. 30–58. (In Russ.)
Regiony i regionalizm v stranah Zapada i Rossii, отв. ред. R.F. Ivanov. Moscow, In-t vseobshchej istorii RAN Publ., 2001, 260 p. (In Russ.)
Stykalin A.S. Pochemu ne realizovalis' novye plany po rasshireniyu Sovetskoj Ukrainy za schet Rumynii v 1945 g. *Slavyanskij mir v tret'em tysyacheletii. CHElovek, obshchestvo, narod v istorii, yazyke i kul'ture*. Moscow, ISI RAN Publ., 2014, pp. 202–214. (In Russ.)
Kacin Wohinz M. Slovenci v Italiji. *Slovenska novejša zgodovina. 1848–1992*. Ljubljana, Mladinska knjiga, 2005, pp. 515–540.
Schwartz S.H. et al. Refining the theory of basic individual values. *Journal of Personality and Social Psychology*. APA, 2012, pp. 663–688.
Zarycki T. The electoral geography of Poland: between stable spatial structures and their changing interpretations. *Erdkunde*. Bonn, University of Bonn, 2015, vol. 69, no. 2, pp. 107–124.

Информация об авторе:

Лопатина Елена Борисовна
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Институт славяноведения
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-7718-400 X
E-mail: ellolebo@gmail.com

Information about the author:

Elena B. Lopatina
PhD (History),
Senior Research Fellow
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-7718-400 X
E-mail: ellolebo@gmail.com

Славяноведение, 2024, № 3, с. 136–139

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, No. 3, pp. 136–139

DOI: 10.31857/S0869544X24030123, EDN: WYGCCP

Оригинальная статья / Original article

Конференция «Свобода на все времена: вечные ценности в мире ограничений и запретов в Центральной Европе и сопредельных регионах XVIII–XX вв.»

© 2024 г. А.М. Дронов

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

dronov839@gmail.com

Ссылка для цитирования: Дронов А.М. Конференция «Свобода на все времена: вечные ценности в мире ограничений и запретов в Центральной Европе и сопредельных регионах XVIII–XX вв.» // *Славяноведение*. 2024. № 3. С. 136–139. DOI: 10.31857/S0869544X24030123, EDN: WYGCCP

Conference «Freedom for all Times: Eternal Values in the World of Restrictions and Prohibitions in Central Europe and Neighbouring Regions from the 18th to the 21th centuries»

© 2024. Alexander M. Dronov

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

dronov839@gmail.com

For citation: Alexander M. Dronov. Conference «Freedom for all Times: Eternal Values in the World of Restrictions and Prohibitions in Central Europe and Neighbouring Regions from the 18th to the 21th centuries» // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2024. No. 3. Pp. 136–139. DOI: 10.31857/S0869544X24030123, EDN: WYGCCP

7 и 8 ноября 2023 г. в Институте славяноведения РАН прошла VII конференция Междисциплинарного центрально-европейского семинара «Свобода на все времена: вечные ценности в мире ограничений и запретов в Центральной Европе и сопредельных регионах XVIII–XX вв.», в которой приняли участие представители научных и образовательных центров Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Архангельска, Ростова-на-Дону, Тамбова, Самары, Перми, а также Минска (Республика Беларусь). По ее материалам опубликованы тезисы докладов (М.: Институт славяноведения РАН, 2023)

Конференция открылась секцией «Свобода маневра в дипломатии раннего Нового времени». А.Д. Новикова (Москва) в докладе об особенностях посольских приемов в России и европейских странах обратила внимание на то, что в нашей стране до 1770-х годов жены послов редко принимали участие в подобных мероприятиях из-за непроработанности соответствующего церемониала. Докладчица сделала вывод, что в XVIII в. при русском дворе протокол приема «посольш» менялся в зависимости от воли правителя и его внешнеполитической стратегии, а также «аккуратно» демонстрировал отношение монарха к ним

на личном уровне. *М.А. Петрова* (Москва) заметила, что право принимать и отправлять послов являлось едва ли не важнейшим признаком суверена, что заставляло курфюрстов-королей Священной Римской империи XVII–XVIII вв. добиваться равного статуса с независимыми европейскими монархами. Данное явление получило в немецкой историографии название «тяга к монархизации», однако оказалось неустанным для светских курфюрстов.

Во второй секции «Священная Римская империя, Германия, Австрия: свобода индивида – свобода территории» прозвучало также два доклада. *Г.С. Рагозин* (Архангельск) начал с краткого обзора немецкой историографии как о личности *Й. Хормайра* (1782–1848), так и шире – о месте Австрии в германском мире, затем представил выводы на основе анализа 19-го и 20-го томов «Австрийского Плутарха», работ «Австрия и Германия» (1813) и др. Все книги были написаны в духе романтической историографии, плодили мифы о династии Габсбургов и пропагандировали консервативной идеологии. Докладчик обратил внимание, что *Й. Хормайр*, будучи юристом по образованию, рассматривал австрийскую историю с позиции права, однако на протяжении жизни менял свои взгляды на «австрийскую свободу» и австро-германские отношения в зависимости от политических обстоятельств. *И.В. Илюкович* (Санкт-Петербург) в докладе о свободе аристократа в немецкой портретной живописи, опираясь на труды *О. Шпенглера*, *М. Вебера*, *Н. Элиаса*, *П.А. Сапронова*, попытался на примерах отдельных произведений живописи XVIII–XIX вв. показать отличия портретной презентации германских монархов и аристократов от их современников – представителей других европейских народов. Доклад сопровождался дискуссией о применимости культурологических обобщений к конкретно-историческим реалиям отдельных стран.

Третью секцию «Говорить о свободе» открыл совместный доклад *Е.В. Казарцева* и *М.В. Якимовой* (Москва). Авторы обратили внимание слушателей на то, что перевод русской литературы на белорусский язык имеет другие задачи, нежели, например, перевод на французский, так как все белорусы могут прочесть русский текст в оригинале. Далее содокладчица представила результаты сравнительного анализа белорусских переводов литературных произведений *А.С. Пушкина* и *М.Ю. Лермонтова* с использованием количественных методов. *Л.А. Киселева* (Самара) проанализировала связь лексем «свобода» и «воля» с такими денотативными сферами, как сакральное и профанное (психическое и социальное). Она установила, что сложность семантики данных лексем и своеобразие содержательных отношений между ними обусловлены влиянием как собственно языковых, так и внеязыковых причин. *Ю.В. Лобачева* (Москва) сопоставила значение слова «свобода» в толковых словарях русского и сербского языков, а затем привела примеры коннотаций этого слова из мемуарно-автобиографической книги *И.Г. Грицкат-Радулович* (1922–2009) «На зарубежной родине». Приведенные примеры позволили прийти к выводу, что понятие «свобода» трактовалось автором преимущественно как «что-то положительное и счастлирое», в том числе в контексте борьбы сербов за независимость. *И.А. Седакова* (Москва) проанализировала примеры выбора имени ребенка болгарскими в XX – начале XXI в. и отметила большое значение в этом вопросе родовой и семейной традиции, а также личных предпочтений родителей, при этом кажущееся идеологическим имя может таковым и не оказаться, и наоборот – похожее на традиционно болгарское, оно может быть искусственно созданным из идеологических предпочтений. В таких случаях человек иногда реинтерпретирует свое личное имя и актуализирует (изменяет) его семантику, если изначальный смысл имени перестает его устраивать.

Четвертую секцию «Многонациональная Австро-Венгрия: свобода в политике и образовании» открыл доклад *В.В. Котова* (Москва), в котором он не только осветил краткую историю чешской газеты «*Svoboda*» (1867–1875), но и разобрал публицистические приемы ее издателя *Й. Барака* (1833–1883), который зачастую совмещал псевдобеспристрастную подачу новостей с провокационным контекстом. *Ю.Е. Бум* (Екатеринбург) рассказала про процессы централизации и бюрократизации системы школьного образования в австрийской части Австро-Венгрии в последней трети XIX – начале XX в., чему пытались противодействовать объединения школьных педагогов. Докладчица сделала вывод, что к концу рассмотренного ею периода национальные союзы учителей стали выступать за снижение интенсивности национальной риторики в целях защиты единства и сплоченности австро-венгерского государства. *Л.М. Аржакова* (Москва) оценила в докладе соотношение понятий «лоялизм» и «свобода» или, как выразилась докладчица, «меры свободы в условиях лоялизма» в работах лидеров польского движения станычков (вторая половина XIX в.) и пришла к заключению, что они определяли лояльность властям как «свободу» в качестве «осознанной необходимости». С одной стороны, станычки сомневались в политическом и национальном будущем нации, поэтому призывали сосредоточиться на «спасении духовного существования», а не на воссоздании польского государства; с другой – демонстрировали приверженность программе национального будущего. *Л.А. Кириллина* (Москва) подробно осветила антинемецкие беспорядки в Любляне 18–20 сентября 1908 г., подавленные австрийскими правительственными войсками, сопоставила оценки этих событий в словенской историографии и охарактеризовала сложившийся впоследствии у словенцев культ жертв. Она пришла к выводу, что сентябрьские волнения в Любляне вызвали среди словенцев подъем национализма,

недовольство действиями армии и правительства, резкое обострение словенско-немецких отношений, а в политическом плане дали толчок к более интенсивной разработке словенцами своего варианта программы триализма – государственно-правового объединения всех югославянских земель Австро-Венгрии.

Четвертую секцию «Свобода у колыбели австрийской государственности» открыл доклад *Д.В. Родина* (Москва). На основе анализа материалов австрийских газет различного политического спектра (правительственные, либеральные, христианско-социальные и социал-демократические) он пришел к выводу, что все рассмотренные им издания накануне аншлюса 1938 г. проявляли удивительное единодушие, что, по мнению докладчика, стало отражением в первую очередь внутрисполитических процессов в республике, большая часть населения которой к 1938 г. усомнилась в жизнеспособности отдельного австрийского государства и видело в аншлюсе средство восстановления чести и гордости нации в рамках единого германского государства. По техническим причинам доклад *В.В. Миронова* (Тамбов) был зачитан дистанционно во второй день конференции. Он проанализировал объяснительную записку учителя одной из средних школ Вены, хранящуюся в РГАСПИ и датируемую 1936 г. На примере данной записки докладчик нарисовал политический портрет австрийца, недовольного курсом канцлера К. Шушница.

Второй день работы конференции открыла секция «Свобода и церковь». *Е.А. Кимленко* (Москва) рассказала о положении Святого престола в 1860–1870-е годы и заметила, что после упразднения Папской области в 1870 г. у папы римского Пия IX и кардиналов собственное понимание свободы понтифика как главы Церкви оказалось связано с сохранением *status quo ante* (т.е. до 1870 г.). Оценивая роль Австрии и Франции, докладчица сказала, что в 1860-е годы австрийскому императору были выгодны разногласия между Святым престолом и итальянским правительством, тогда как папа римский и кардиналы рассчитывали в первую очередь на поддержку Наполеона III. *Н.Н. Станков* (Москва) посвятил доклад книге ректора Папского Восточного института иезуита М. д’Эрбеньи (1880–1957), побывавшего в СССР в 1925 и 1926 г., когда велись переговоры Советского Союза со Святым престолом. Докладчик обратил внимание на большую симпатию, с которой автор писал о русских, отмечая, что они являются активными верующими людьми, и подкрепляя свои слова ситуациями из повседневной жизни, которым он сам был свидетелем. Религиозность русских М. д’Эрбеньи в отчетах в Ватикан считал благоприятным фактором для осуществления католической миссии, однако он умолчал о фактах религиозных гонений на христианство в СССР.

Секцию «Свобода как ценность в казачьей и крестьянской среде» открыл доклад *А.Ю. Перетьяков* (Ростов-на-Дону). Автор сравнил существовавшие в XIX – начале XX в. в донской казачьей среде представления о месте казачества по отношению к российскому имперскому центру и пришел к выводу, что тогда казачья политическая свобода трактовалась донскими авторами как политическая свобода корпорации внутри Российской империи, способной в случае предоставления автономии служить государству еще лучше. Во время дискуссии докладчик выдвинул гипотезу, что в плане кровной привязки к территории донская казачья корпорация имеет много общего с венгерским и польским дворянством. *А.Р. Лагно* (Москва) с помощью метода дискурс-анализа рассмотрела эго-документы из частного архива С.Ф. Лагно (1913–1990) на предмет понимания «свободы» им и его шурином и пришла к выводу, что «свобода» в их понимании – это, во-первых, владение собственной землей, т.е. несвободное положение наемного рабочего противопоставлялось свободе хозяина (собственника) земли, во-вторых, наличие образования как возможность лучше устроиться в жизни, в-третьих, награда за труды.

Третью секцию «Несвобода в СССР и странах социалистического лагеря» открыл доклад *Д.С. Зайцевой* (Санкт-Петербург), посвященный очерку немецкого писателя и теоретика культуры В. Беньямина (1892–1940), который побывал в Москве зимой 1926–1927 гг. и вел в то время дневник. Докладчица объяснила, что немецкий путешественник приехал в СССР к знакомой, с надеждой найти работу и остаться в стране надолго, однако его планы не осуществились, а потому он пережил глубокое разочарование и отказался от идеи вступления в компартию Германии по возвращении на родину. *Д.С. Зайцева* проанализировала в докладе интерпретацию В. Беньямином увиденного им в Москве в дихотомии «свобода – несвобода». *А.А. Силкин* (Москва) рассказал про жизненный путь югославского коммуниста С. Йовановича (С.П. Богдановского), отметив следующие факты из его биографии: он не писал доносов, не участвовал в партийных интригах, не гордился участием в раскулачивании, что, по мнению докладчика, «достаточно хорошо характеризует» С. Йовановича. *А.С. Тыкалин* (Москва) сообщил об изданной в 2016 г. в Румынии книге мемуаров русского эмигранта-белогвардейца Н.В. Саблина «Путешествие по Эльдorado. 10 лет в советских лагерях», которую сравнил с автобиографическими произведениями Ф.М. Достоевского и А.И. Солженицына. Докладчик отметил, что систематическая работа исследователей в архивах спецслужб стран советского блока позволяет вводить в научный оборот и делать достоянием более широкого читателя новые источники личного происхождения, в том числе тексты, обладающие некоторыми художественными достоинствами и способными дополнить какими-то новыми штрихами знание историков об эпохе.

Четвертая секция второго дня конференции «Свобода в пространстве современной культуры» открылась докладом Д.Г. Вирена (Москва). Он проанализировал польские психологические драмы 1970–1980-х годов, в которых в той или иной степени отразилась проблематика «несвободы» и получили выражение оппозиции закрытости/открытости, пассивности/активности и т.д. Докладчик обратил внимание, что «свободу» в польском кино (в том числе и анимационном) могли символизировать пейзажи природы: море, поле или даже лес. И.Е. Адельгейм (Москва) представила неоднозначный образ Янины Душейко – главной героини «экологического детектива» польской писательницы О. Токарчук (р. 1962). Докладчица заметила, что автор наделила героиню некоторыми автобиографическими чертами, а финал книги необычен тем, что автор не только не наказывает героиню за тяжкое преступление, но даже и не осуждает. О.А. Якименко (Санкт-Петербург) рассмотрела основные трансформации концепции «свобода» в венгерской литературе с середины XIX в. до наших дней и обратила внимание, что абсолютно для всех венгерских писателей XIX в. характерно обращение к теме «свободы», тогда как в XX – начале XXI в. эта тема по-особенному проявляется в женском и цыганском письме. С.Г. Дюкин (Пермь) заметил в докладе, что если в XIX в. феномен «свободы» тесно коррелировал с определяющими мотивами глубинного уровня национальной культуры и был востроен в систему венгерской ментальности, то в XX в. рефлексия в отношении «свободы» приобрела более конкретный характер. Докладчик заключил, что в основе венгерской ментальности лежит «радость становления» (обратная сторона дионисизма по Ф. Ницше) или «безрассудное молодечество» (термин венгерского писателя XX в. Д. Керестури), чему соответствуют такие черты венгерского характера как бравирование, хвастовство, стремление к чрезмерному самоутверждению, что является психологической защитой от инфантилизма и часто подается авторами литературных произведений с долей иронии.

Завершила конференцию секция «Экономика и свобода: вчера и сегодня». Л.П. Марней (Москва) рассказала про изменения прав автономии Царства (Королевства) Польского в составе Российской империи, обратив особое внимание на сохранение частичной преемственности французских правовых норм, введенных Наполеоном в Герцогстве Варшавском в 1808 г., уже в русской части Польши в первой половине XIX в. и их интеграцию в российское законодательство края. Н.Н. Прустна (Минск) рассмотрела взгляды чехословацких экономистов-диссидентов на экономические реформы в СССР во второй половине 1980-х годов, заметив, что для Чехии, как принято считать в историографии, в конце 1980-х годов экономические проблемы были более актуальны, чем для Словакии. Учитывая советский опыт, они хотели сохранить в Чехословакии минимальную степень регулирования экономики государством для решения социальных вопросов, при этом уже с 1985 г. высказывались за разрыв с административно-плановой системой хозяйствования и переход к рыночным механизмам на основе опыта чехословацких реформ 1960-х годов. А.К. Александрова (Москва) проанализировала контекст употребления понятия «суверенитет» в политическом дискурсе Греции в 2010-х годах. Докладчица заметила, что для Греции, как и для других членов Евросоюза, членство в еврозоне является следствием добровольного отказа от части экономического суверенитета, при этом в период кризиса 2010-х годов внешний контроль «тройки» транснациональных кредиторов (Еврокомиссии, Европейского центрального банка и Международного валютного фонда) за финансовым сектором греческой экономики оказался уже принудительным. Такое вмешательство во внутренние дела Греции продемонстрировало ограниченность ее суверенитета в пользу европейских структур и вызвало в греческом обществе всплеск евроскептицизма.

Доклады сопровождалась оживленной дискуссией. Обсуждались соотношение понятий «свобода» и «суверенитет» как на уровне международных отношений, так и внутренней политики отдельных государств, что включает политическую, экономическую, социальную и культурную сферы, а также проблему отношений светских властей и церкви. Кроме того, на конференции была затронута проблема личной свободы индивидуума, его положение относительно государства, общества, жизненных обстоятельств, исторического, культурного контекста, психологических особенностей личности. В целом успехом конференции можно считать ее междисциплинарный характер и широкий охват стран, относящихся как к Центральной Европе, проблемы которых освещались в докладах, так и к сопредельным регионам.

Информация об авторе:

Дронов Александр Михайлович
кандидат исторических наук,
научный сотрудник
Институт славяноведения
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-7348-5219
E-mail: dronov839@gmail.com

Information about the author:

Alexander M. Dronov
PhD (History),
Research Fellow
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-7348-5219
E-mail: dronov839@gmail.com

Славяноведение, 2024, № 3, с. 140–144

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, No. 3, pp. 140–144

DOI: 10.31857/S0869544X24030135, EDN: WYDVGF

Оригинальная статья / Original article

Международная конференция «Концепт границы в славянской и еврейской культурной традиции»

© 2024 г. И. В. Копченова

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

irinakop@rambler.ru

Ссылка для цитирования: Копченова И. В. Международная конференция «Концепт границы в славянской и еврейской культурной традиции» // *Славяноведение*. 2024. № 3. С. 140–144. DOI: 10.31857/S0869544X24030135, EDN: WYDVGF

International Conference «The Concept of Borders in Slavic and Jewish Cultural Traditions»

© 2024. Irina V. Kopchenova

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

irinakop@rambler.ru

For citation: Irina V. Kopchenova. International Conference «The Concept of Borders in Slavic and Jewish Cultural Traditions» // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*, 2024. No. 3. P. 140–144. DOI: 10.31857/S0869544X24030135, EDN: WYDVGF

6–8 декабря 2023 г. состоялась международная конференция «Концепт границы в славянской и еврейской культурной традиции», организованная центром славяно-иудаики Института славяноведения РАН и Научно-гуманитарным центром «Сэфер». Конференция стала уже двадцать седьмой ежегодной встречей исследователей, с 1995 г. работающих над международным многолетним проектом по сравнительному изучению еврейской и славянской культур. В последние годы значительно возрос интерес исследователей к языковым, этнокультурным, этноконфессиональным и социологическим процессам, характерным для «пограничных» регионов, к тенденциям трансформации языковых и ментальных стереотипов, отражающих опыт многовекового соседства, к ментальности фронта и выражающим ее языковым средствам, языковому, этнографическому и социологическому аспектам взаимодействия инокультурных традиций. Граница в текстах культуры является не только пространственным маркером, но и важнейшим элементом, связанным с понятиями «своего» и «чужого» пространства. На конференции участники обсудили вопросы освоения географического, лингвистического, культурного, социального пространства, проблемы преодоления культурных, языковых и ментальных границ, механизмы формирования и разрушения или преодоления границ (как физических, так и символических) в контексте многовекового опыта этнокультурного соседства славян и евреев.

В конференции приняло участие рекордное количество докладчиков (55 человек и 43 доклада) из России, Беларуси, Грузии, Израиля, Польши и США, в том числе десять сотрудников Института славяноведения РАН.

Конференция по традиции открылась презентацией новых изданий центра славяно-иудаики Института славяноведения:

– выпуска ежегодника академической серии «Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия», основанного на материалах прошлогодней научной встречи «“Последние времена” в славянской и еврейской культурной традиции» (М., 2023);

– сдвоенного номера «*Judaic-Slavic Journal*» № 1–2 (7–8) (М., 2022).

Был представлен также сборник «*The Belarusian Shtetl. History and Memory*» (Indiana University Press 2023 ed. by Irina Kopchenova & Mikhail Krutikov), над которым работали сотрудники центра славяно-иудаики.

Представленные на конференции доклады тематически делились на несколько блоков. Большой блок докладов касался различных аспектов формирования границ между религиозными группами и степень их соблюдения в разные исторические эпохи и в различных субкультурных общностях. Доклад В. Герасимовой (Центр «Сэфер», Варшава) был посвящен обсуждению того, как «распросные речи» евреев, желавших креститься в Киеве и принять российское подданство во второй половине XVIII в. дополняют наши представления о том, как выглядело иудео-христианское взаимодействие на повседневном уровне в исследуемый период. А. Шнурт (МГУ, Москва) показал, как складывались и воспринимались религиозные границы между христианами и евреями в Речи Посполитой в XVI–XVII вв. в экономической, гендерной и религиозной сферах. И. Непряхин (НИУ ВШЭ, Архив РАН, Москва) на основе анализа терминов «люторы», «арии» и «жидове» в произведениях православных книжников Великого княжества Литовского второй половины XVI в. продемонстрировал, как полемические тексты в православной культуре формировали конфессиональные границы в рамках биполярной системы взглядов (православный – еретик), а наименование отдельных еретических групп становилось способом указания на их родство с древней «еретической традицией». Д. Фельдман (РГАДА, Москва) рассмотрел восприятие черты еврейской оседлости в воспоминаниях иностранцев – участников Русского похода Наполеона Бонапарта в 1812 г. Г. Зеленина (ИСАА МГУ, РГУ, РАНХиГС, Москва) сделала обзор мемуаров евреев, написанных в позднесоветский период и сразу после окончания советской эпохи, обращая внимание на декларируемые авторами различные конструкции социальной стратификации «свои – чужие».

В. Новикова (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург) рассмотрела конверсию из иудаизма в ислам в Султанате мамлюков (1250–1517 гг.) с двух сторон: как практику мамлюкских султанов, которые позиционировали себя «защитниками ислама», и как практику, выбираемую евреями для реализации своих интересов в экономическом, политическом и социальном ландшафте Султаната мамлюков. Р. Ашкенази (СПбГУ, Санкт-Петербург) представила типологию рукописей с текстами классической персидской поэзии, записанных еврейскими буквами в постмонгольский период (начиная с династии Сефевидов (1501–1722)), и попыталась ответить на вопрос, для чего евреи Ирана в принципе создавали подобные рукописи. А. Андриюшин (НИУ ВШЭ, Москва), Д. Радь (СОГУ им. К.Л. Хетагурова, Владикавказ) рассмотрели позиционирование еврейской общины Владикавказа как полиэтничного и поликонфессионального сообщества в локальном тексте города в советский и постсоветский период (по материалам экспедиции в Северную Осетию 2023 г.). Л. Чиркина (ИВ РАН, Москва) продолжила тему изучения еврейской общины Владикавказа и обратилась к стратегиям местной еврейской общины и ее представителей по сохранению своих границ и идентичности в полиэтничном регионе, проводя сравнения с ситуацией в других общинах центральных регионах страны. В совместном докладе В. Колесова (независимый исследователь, Краснодар) и А. Агабабян (независимый исследователь, Краснодар) были представлены параметры, составляющие западнокавказский культурный ареал горских евреев, и выделены культурные границы между различными группами горских евреев, актуализированные в идентичностях (опозиция «мы» – «они» в контексте формирования представлений и стереотипов о локальных группах), в языке (представления о диалектных расхождениях и «правильной/лучшей» норме), в материальной культуре (традиционное жилище и система питания) и хозяйственной деятельности (профессиональные специализации – кожевничество, меновая торговля). Ю. Орешина (Georgian American University, Тбилиси, Грузия) и Г. Зазунишвили (Georgian American University, Тбилиси, Грузия) критически рассмотрели имеющиеся в государственных архивах Грузии источники по истории приграничного еврейского колхоза «Цители Гора» (1926–1970 гг.) и представили результаты собственного полевого исследования, проведенного в 2023 г. в этом пограничном регионе. Е. Шварц (СПбГУ, Санкт-Петербург) попыталась ответить на вопросы, какую роль две важные составляющие эфиопской гастрономической

культуры — мясо и вода — играли в проведении границы между едино- и иноверцами во время светских и религиозных праздников, а также как многочисленные предписания, касающиеся совместных застолий эфиопских иудеев и христиан, воспринимались самими бета исраэль (эфиопскими евреями): как непреодолимая стена между двумя культурами или же как возможность проявить веротерпимость? Ю. Будман (РГУ им. А.Н. Косыгина, Москва), Ю. Маккавеева (НИУ ВШЭ, Москва) обратились к изучению и литературоведческому анализу творчества современных поэтов-мизрахим, представляющих одно из направлений контркультуры современного Израиля и демонстрирующих изменения, происходящие в израильском обществе.

Блок докладов был посвящен феномену границы в сюжетах, мотивах, культурных символах в книжной культуре от древности до современности. С. Бабкина (РГГУ, Москва) сопоставила два сходных, но по-разному сформулированных мифологических сюжета «ангел у гумна» (ангел-губитель, остановившийся у гумна Орны-невуея (2 Цар. 24:16)) и «ангел у двери» (сюжеты, в которых ангел угрожает жизни человека или людей: ночь Песаха, нападение на Моисея по дороге в Египет, образ Бога из пророчества Исаяи (63 гл)), с целью понять, имеем ли мы дело с эволюцией одной мифологемы, разными версиями одной мифологемы, или с принципиально разными представлениями о кровавой и бескровной защите от ангела смерти. Д. Логинопуло (НИУ ВШЭ, Москва), М. Селезнев (НИУ ВШЭ, Москва) в совместном докладе исследовали границы фольклорных мотивов и литературных топосов в истории про израильских разведчиков и публичную женщину Раав (Книга Иисуса Навина, глава 2) и связи этого сюжета с другими текстами ветхозаветной традиции. Два следующих доклада были объединены общим объектом исследования — «Книгой Товита». А. Лявданский (НИУ ВШЭ, Москва) рассматривал вопрос о границе письменных литературных традиций и мотивов устных фольклорных нарративов в «Книге Товита» и предложил новые интерпретации двух повествовательных мотивов («слепоты от птичьего помета» и «связывания демона») в истории Товита в свете параллелей с различными фольклорными текстами. М. Селезнев (НИУ ВШЭ, Москва), продолжая тему связи книги Товита с «бродячими» фольклорно-мифологическими сюжетами, такими, в частности, как «история о благодарном мертвецке», обратил наше внимание на первичность фольклорных мотивов сюжетов о связи границы мира живых и мира мертвых по отношению к библейскому тексту и на возможность параллелей и перекличек между книгой Товита и некоторыми другими древневосточными (библейскими и вне-библейскими) текстами. А. Сиверцев (DePaul University, Чикаго, США) провел исследование многоязычных мозаичных надписей на греческом, арамейском и иврите в синагоге четвертого века н.э. в галилейском городе Хаммат Тверия, а также различных методов их изготовления и просмотра, показывая, что надписи функционировали как слои взаимозаменяемых кодов, посредством которых выражали себя дву- или трехязычные синагогальные сообщества. Л. Чаковская (ГИИ, Москва) рассмотрела историческое развитие иерусалимских преданий о Акелдаме — земли горшечников на западном склоне долины Геенны в Иерусалиме, где появляется монастырь, — и механизм формирования культурной памяти этого места в раннем средневековье. В докладе А. Грищенко (Исл РАН, НИУ ВШЭ, Москва) рассмотрена группа топонимических маргинальных глосс Правленого Пятикнижия XV в., в котором старый церковнославянский перевод подвергался ревизии на основе еврейских текстов — как собственно Масоретского, так и различных таргумов и иудейской экзегезы, при этом особую роль играл тюркский таргум, созданный, по-видимому, евреями Золотой Орды. А. Беларев (ИМЛИ РАН, Москва) проанализировал критические эссе Джеффри Хартмана (1929–2016), посвященные традиционной еврейской герменевтике, в контексте характерного для 1980–1990-х годов возрождения интереса к теоретической и философской значимости еврейской традиции. Критическое осмысление этого эпизода истории идей в контексте проблематики пограничности является актуальнейшей задачей современного литературоведения и иудаики.

Следующий блок докладов охватывал тему границ и их материализации в культурных символах и отражения в языке культуры. Е. Норкина (СПбГУ, Санкт-Петербург, Исл РАН), А. Юдкина (Исл РАН, Центр «Сэфер», Москва) представили на обширном архивном материале, включающем переписку еврейских общинных лидеров/раввинов с представителями российской бюрократии, многообразие вариантов устройства молитвенных домов в Российской империи во второй половине XIX — начале XX в., рассматривая иудейские культовые учреждения как один из возможных способов освоения «чужого» пространства, которым в данном случае являлось имперское. Ю. Верхолевский (независимый исследователь, Минск, Беларусь), А. Климович (независимый исследователь, Санкт-Петербург) представили комплексное исследование оформления границ еврейских кладбищ в Беларуси: исторические причины выбора типа ограждения и современные проблемы сохранения культурного наследия. В. Дымыщц (Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург) рассмотрел смену литературных концепций смыслового наполнения понятия «граница», будь

то реальная граница между городом и селом, символическая граница между своим и чужим миром, между евреями и неевреями, между чужим миром и штетлом, в еврейской художественной литературе от Менделе Мойхер-Сфорим до Залмана Шнеура, а также связь с еврейской фольклорной традицией. В. Мочалова (ИСл РАН, Центр «Сэфер», Москва) обратила внимание на многослойность и многозначность смыслов текста в романе «Граница» Зофи Налковской, анализируя неизбежность и проницаемость метафорических границ в романе. О. Левитан (Еврейский ун-т в Иерусалиме, Тель-Авивский ун-т, Израиль) рассмотрела три тура зарубежных гастролей театра на иврите «Габимы» (1926–1937 гг.) как лабораторию по исследованию социокультурных границ того периода, опираясь на малоизученные и в ряде случаев неизвестные архивные материалы из собраний израильских театральных архивов. С. Пахомова (МВШСЭН, НИУ ВШЭ, Москва) показала вехи изменения репрезентации образа штетла в советском кино 1920–1930-х годов и двойную смысловую нагрузку этого образа, которая может быть «прочитана» только из различных аспектов еврейского опыта и политико-культурных дискуссий начала XX в. Н. Шульман (Еврейский ун-т в Иерусалиме, Израиль) анализировала вопросы личной идентификации и социальных границ в книге Льва Леванды «Горячее время» (1871–1873). Г. Элиасберг (РГГУ, Москва) изучила историю создания театрального романа Шолом-Алейхема «Блуждающие звезды», обращая внимание на то, что развитие сюжетных линий, связанных с историями главных и второстепенных персонажей, строится на сопоставлении границ еврейской и европейской театральной культуры, что прослеживается в авторских ремарках, письмах и диалогах героев.

Традиционно большой блок докладов был посвящен изучению концепта границы с точки зрения антропологии и фольклористики. И. Душаклова (РГГУ, Москва), Е. Владимиров (РГГУ, Москва) изучили взаимодействие российских религиозных сообществ с медиатехнологиями на примере РПЦ, степень взаимного влияния основных медиа и степень их конвергенции, отметив смену отношения к медиaproстранству: оно перестает восприниматься как враждебное и инородное, а напротив, происходит новое осмысление медиaplatform и наделение их дополнительными смыслами. А. Кровицкая (РГГУ, Москва) с помощью дискурс-анализа проанализировала случайную выборку номеров журнала «Фома» с 2009 по 2019 г. на предмет изучения конструирования дискурсивной границы образа православия в журнале и предложила гипотезу, что православные публицисты в своих статьях используют конкурирующие и комплементарные дискурсы, чтобы сконструировать образ «другого» – «нехристианина» за счет изучения конкретного кейса – нарративов о Ветхом Завете. Д. Доронин (РГГУ, Москва) исследовал процесс производства и распространения расхожей иконы в XVI–XX вв., рассматривая ее как явление фронта: культурная биография артефактов позволяет изучить своеобразную гибридную динамику – сочетание процессов колонизации, христианизации и сохранения, ревитализации нативных черт, наследия. О. Чёха (ИСл РАН, Москва) рассмотрела на материале современного греческого фольклора популярный сюжет открывания небес, который также известен славянским традициям, отсылающий к библейскому мотиву отвергающегося неба. С. Амосова (ИСл РАН, Москва) разобрала комплекс нарративов о стихийной эвакуации еврейского населения из Латгалии в июне – июле 1941 г., в которых истории о пересечении границы между Советской Латвией и РСФСР как особой преграды являются ключевыми. Е. Закревская (ИНИОН РАН, РГГУ, ИСл РАН, Москва) на материалах интервью 2020–2023 гг., и интервью из базы «SFIRA» провела сравнительный анализ рассказов очевидцев войны и их ныне живущих потомков и показала, как с ходом времени рассказы о неудавшейся эвакуации обрели черты фольклорного мемората. М. Каспина (независимый исследователь, Иерусалим) предложила попытку классификации значимых домашних вещей на примере изучения переезда в Израиль еврейских репатриантов 2022–2023 гг.

Завершающий конференцию блок докладов был посвящен концепту границы как элементу языковой и культурной картины мира. А. Алексеева (ИРЯ РАН, Москва) предложила методологический подход маркирующих элементов для разграничения жанров восточнославянских рукописных заговоров и апокрифических молитв XVII в. О. Трефилова (ИСл РАН, Москва) рассмотрела лексико-семантические особенности слов, выражающих греческий концепт *δρος* 'граница, предел' в старославянском языке как языке первых переводных славянских памятников. М. Кондратенко (ИЛИ, Санкт-Петербург) предпринял опыт изучения одной из граней номинации времени, а именно: границ между репрезентируемыми периодами времени – на диалектном южно-, западно- и восточнославянском материале на основе данных отдельных диалектных микроразновидностей. В. Тимофеев (НИУ ВШЭ, Москва), А. Лядванский (НИУ ВШЭ, Москва) изучили различные контексты употребления корня GBL «гора», «граница», «область» в угаритском, финикийском и древнееврейском языках с учетом их диахронического распределения, проанализировали связь между значениями «гора» и «граница-область» и сделали предположения о первичном значении корня

и направлении семантического перехода. С. Борисов (ИСл РАН, Москва), Г. Пилипенко (ИСл РАН, Москва) рассмотрели языковую ситуацию у чешского сообщества, представители которого проживают по обе стороны сербско-румынской границы в исторической области Банат на основе полевых экспедиций 2019–2023 гг. в Сербии и Румынии. М. Гаммал (ИСАА МГУ, Москва) обратился к проблеме диглоссии и границе традиционной культуры в караимской общине Крыма в первой половине XIX в.: если литература для «мудрецов» была по преимуществу на иврите, то произведения «низкой» культуры писались и записывались на крымско-османском, а устное народное творчество на крымско-татарском языке. Доклад О. Беловой (ИСл РАН, Москва) был построен на материалах 1920–1930-х годов, отложившихся в фондах Государственного архива Смоленской области (ГАСО) и Государственного архива новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО) и отражающих традиционные и новые стереотипы об этнических соседях, воплощенные в жанрах слухов и толков, бытовавших в крестьянской и городской среде на территории Западной области СССР. В 2024 г. планируется выход одноименного выпуска по материалам конференции «Концепт границы в славянской и еврейской культурной традиции» в ежегоднике академической серии «Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия».

Информация об авторе:

Копченова Ирина Владимировна
младший научный сотрудник
Институт славяноведения
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-7268-2608
E-mail: irinakop@rambler.ru

Information about the author:

Irina V. Kopychenova
Junior Research Fellow
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-7268-2608
E-mail: irinakop@rambler.ru